

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
АЛТАЙСТИКИ ИМ. С.С. СУРАЗАКОВА»

Эбель А.В., Трифанова С.В., Константинов Н.А.

**КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ
АЛТАЯ ЭПОХИ ДРЕВНОСТИ
И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ:
ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ
И СОПОСТАВЛЕНИЯ С
ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРОЙ
АЛТАЙЦЕВ**

Горно-Алтайск, 2018

УДК 902/904
ББК 63

Утверждено к печати Ученым советом
БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова»

Редактор
канд. ист. наук Н.О. Тадышева

Рецензент
канд. ист. наук А.С. Суразаков

Эбель А.В., Трифанова С.В., Константинов Н.А. Культура населения Алтая эпохи древности и средневековья: проблемы реконструкции и сопоставления с традиционной культурой алтайцев / Редактор канд. ист. наук Н.О. Тадышева; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова». – Горно-Алтайск, 2018. –120 с.

Научно-популярное издание посвящено комплексному анализу вещественных, изобразительных и письменных источников, с целью реконструировать основные аспекты культуры населения Алтая эпохи древности и средневековья и сопоставлению ее с традиционной культурой алтайцев.

ISBN 978-5-903693-47-4

Издание подготовлено в рамках выполнения основного мероприятия «Этнокультурное наследие народов Республики Алтай» в рамках программы «Развитие науки в Республике Алтай» госпрограммы Республики Алтай «Развитие образования»

ISBN 978-5-903693-47-4

© БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова», 2018
© А.В. Эбель, Н.А. Константинов, С.В. Трифанова, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (<i>А.В. Эбель</i>).....	4
Глава 1 Изменения антропологического типа населения в исторической ретроспективе (<i>А.В. Эбель</i>)	13
Глава 2 Реконструкция погребального и поминального обрядов древнего и средневекового населения Алтая по данным археологии и этнографии (<i>А.В. Эбель</i>).....	24
Глава 3 Традиционное жилище древнего и современного населения Алтая (<i>Н.А. Константинов</i>).....	48
Глава 4 Традиционная одежда древнего и современного населения Алтая (<i>С.В. Трифанова</i>)	59
Глава 5 Традиционные предметы быта древнего и современного населения Алтая (<i>С.В. Трифанова</i>)	75
Заключение (<i>А.В. Эбель</i>)	92
Список использованной литературы	101
Приложения.....	116

ВВЕДЕНИЕ

Во второй половине XIX в. алтайское население Горного Алтая стало объектом изучения сибирских и российских этнографов. Так, с 1860 по 1870 гг. с исследовательскими задачами по изучению языка, фольклора, культуры коренного населения Горный Алтай несколько раз посетил будущий академик В.В. Радлов. Его первая экспедиция в Алтайские горы состоялась в 1863 г. Именно тогда началась целенаправленная деятельность российского исследователя немецкого происхождения по изучению языка и культуры тюркских народов Южной Сибири. Материалы его многолетних научных экспедиций по Горному Алтаю и другим регионам Западной Сибири нашли отражение в книге «Из Сибири (страницы дневника)», которая вышла на немецком языке в 1884 г. в Лейпциге [Радлов 1989]. Собранные В.В. Радловым материалы вошли в известный десяти томный свод фольклора тюркоязычных народов под общим названием «Образцы народной литературы тюркских племен» (1866 – 1907 гг.). Следует отметить, что этот многотомный труд, который и до настоящего времени не утратил своей научной ценности по истории и культуре тюркских народов Сибири, открывается образцами алтайской народной поэзии. В алтайский том «Образцов народной литературы тюркских племен» В.В. Радлов включил 6 героических сказаний, 8 прозаических сказок, 6 легенд и преданий, более 50 песен, свадебные благопожелания, более ста пословиц и поговорок, загадки и другие произведения народного творчества алтайского населения [Радлов 1866. Ч. 1]. Большую помощь В.В. Радлову в сборе лингвистических материалов оказал просветитель-миссионер и будущий основоположник алтайской национальной литературы М.В. Чевалков. Он же по просьбе ученого написал автобиографическую повесть «Жизнь Чевалкова» («Чоболкоптун јуруми»), которая была впоследствии была включена В.В. Радловым в сочинение «Образцы народной литературы тюркских племен». «Жизнь Чевалкова» является ценнейшим историческим источником по истории и культуре населения Горного Алтая [Исследователи Горного Алтая (XVII – середина XX в.) 2003: 91]. В самих работах В.В. Радлова содержится ценный материал о социокультурном облике алтайского населения, его хозяйственных занятиях и многое другое. В историю исследования Горного Алтая учёный вошёл не только как лингвист, но и как археолог. Он первым приступил к раскопкам погребений и курганов скифского времени. Так, он

раскопал несколько погребальных комплексов на территории современных Усть-Коксинского, Онгудайского районов РА [Радлов 1878, 1879, 1881, 1882, 1887].

Другим известным исследователем Горного Алтая во второй половине XIX – начале XX вв. являлся член Российского географического общества, известный общественный деятель и путешественник Г.Н. Потанин, который часто посещал этот регион во время своих экспедиционных исследований Южной Сибири и Северо-Западной Монголии. Экспедиции Г.Н. Потанина по горному краю были осуществлены в 1852-1856, 1863-1864 и 1877-1879 гг., а также во время поездок в 1908-1915 гг. Первые свои наблюдения и впечатления о природе Алтая, о быте и занятиях местного населения Г.Н. Потанин изложил в статье «Полгода на Алтае», опубликованной в 1859 г. [Потанин 1859]. В этой работе начинающий исследователь привел физико-географическое описание данной местности, дал характеристику природно-климатических условий края, растительного и животного мира, отметил богатство лесных ресурсов. Молодому учёному были интересны условия хозяйственные занятия и материальная культура населения, традиции природопользования, экологические знания. В 1876-1877 гг. Г.Н. Потанин возглавил экспедицию для исследования Северо-Западной Монголии. Возвращалась научная экспедиция после двухлетнего исследования Монголии по территории Горного Алтая. Маршрут пролегал через населенные пункты: Кош-Агач, Онгудай, Черга, Алтайское Бийск. Наблюдения ученого отложились в небольшой по объему работе: «От Кош-Агача до Бийска: Отрывок из путевых записок», опубликованный в журнале «Древняя и новая Россия» [Потанин 1879]. В 1879 г. Г.Н. Потанин снова посетил Горный Алтай, на этот раз по поручению Русского Географического общества (РГО). Во время экспедиции Г.Н. Потанин изучал родоплеменной состав алтайского населения, народные легенды, предания, сказания, причем он старался сопоставить сходные сюжеты разных народов и племен и выявить их внутреннюю связь. В итоге, исследователем был собран богатейший материал по культуре алтайцев. Результаты этой экспедиции были обобщены учёным в работе «Очерки Северо-Западной Монголии», в четвертом выпуске, которого он разместил алтайские этнографические материалы [Потанин 1883]. Алтайское население Центрального и Южного Алтая автор подразделил на три группы: алтайцы (алтай-кижи), теленгиты и телесы. Г.Н. Потанин отметил, что алтай-кижи кочевали по

левому берегу Катунь, теленгиты соответственно – по р. Чуе и Башкаусу, телесы занимали бассейны Чулышмана и частично Башкауса. Так, по его наблюдениям, род «иркит» делился на *кара иркитов* (черные), *шира иркитов* (жёлтые), и *кальджан иркитов* (голодные). Собранные им материалы по культуре и фольклору алтайцев отличаются богатством и новизной и по настоящее время являются ценнейшими историческими источниками по истории алтайского населения горного края.

Вопросами изучения занятий, быта, духовной культуры инородцев Горного Алтая, так и Сибири в целом, занимался общественный деятель, областник, путешественник Н.М. Ядринцев [*Ядринцев* 1881, 1882, 1889]. В 1876 г. он совершил экспедицию на Алтай для изучения колонизационного движения. В 1881 г. им был издан труд «Об алтайцах и черневых татарах», представляющий собой отчёт о поездке в Горный Алтай [*Ядринцев* 1881]. В своей работе автор охарактеризовал население, хозяйственную деятельность, материальную и духовную культуру алтайцев. В частности, алтайцы поклонялись стихиям – огню и воде, у каждой долины, горы, реки есть свой дух – Ээзи. В другой работе, тоже посвященной Горному Алтаю, «Алтай и его инородческое царство» Н.М. Ядринцев детально описал природу и население горного края. При характеристике природы и климата Горного Алтая ученый провел первое районирование края, особо выделяя такие территории с суровым климатом, как плоскогорье Укок. Алтайские горы он условно подразделил на южный, центральный, западный районы. Большое внимание ученый уделил характеристике водных артерий Алтая: Катунь, Чуи, Чарыша, и жизни населения в долинах этих рек [*Ядринцев* 1885]. Природно-климатическая тема Горного Алтая была продолжена Н.М. Ядринцевым в труде «Сибирь как колония», в который ученый включил описание многообразия растительного и животного мира Алтайских гор, природных достопримечательностей: г. Белухи, Телецкого, Язевского, Тальменьего озер, крупнейших рек Алтая: Катунь, Бии, Чулышмана и Башкауса, с приложением рисунка Телецкого озера А.В. Евреинова [*Ядринцев* 1885]. Но главное место в работах Н.М. Ядринцева, посвященных Горному Алтаю, занимали социальные и экономические вопросы: переселенческая политика, поземельные отношения, влияние Алтайской духовной миссии на религиозные воззрения самих алтайцев и другие.

С 1895 г. начались экспедиции профессора Томского университета В.В. Сапожникова в Горный Алтай. Исследователь занимался изучением

ботанических, общегеографических вопросов, в том числе проблем оледенения. Самым знаменательным по числу географических открытий был 1897 г. Но все же В.В. Сапожникову потребовались еще два путешествия (в 1898 и 1899 гг.), чтобы закончить научное географическое описание бассейна реки Катунь. Итак, за время этих экспедиций был обследован бассейн самой крупной реки Алтая – Катунь, бассейны других рек, открыты и описаны ледники Белухи и Чуйских Альп. Основные результаты экспедиций были опубликованы в работе «Пути по Русскому и Монгольскому Алтаю» [Сапожников 1949]. Экспедиционные исследования В.В. Сапожникова, помимо научного, имели прикладное значение. Так, ученый занимался организацией туризма на Алтае и даже в 1912 г. он опубликовал путеводитель «Пути по Русскому Алтаю» с подробным описанием предлагаемых им туристических маршрутов и другими важными сведениями сведений для путешественников [Сапожников 1926].

Изучением жизни алтайского населения в дореволюционный период занимался экономист, главный сотрудник Статистического отделения Главного управления Алтайского горного округа С.П. Швецов. В 1897 г. он возглавил масштабную статистико-экономическую экспедицию по изучению населения Горного Алтая. Впервые в истории Алтая экспедиция собрала точные статистические данные о численности и этническом составе алтайского, старожильского населения, переселенцев, выявила возможности для образования колонизационного фонда земель Горного Алтая. По итогам статистико-экономического обследования был издан многотомный труд «Горный Алтай и его население» [Швецов 1900]. Наибольший интерес для историков представляет его первый том. Кроме этого, С.П. Швецов был автором исторических и этнографических работ по Горному Алтаю, которые им были опубликованы в Записках Западно-Сибирского отделения Русского географического общества [Швецов 1898].

В советское время археологи и этнографы активно занимались изучением культуры населения Горного Алтая. Уже в 1920-х годах, едва только закончилась гражданская война, изучение алтайцев входит в план исследований ряда центральных научных учреждений, в первую очередь в Петрограде. Алтайцев начинает изучать ряд институтов и учреждений Академии Наук СССР, Государственный Университет (этнографическое отделение), Академия истории материальной культуры, крупнейший этнографический музей. Этнографический отдел Русского музея. Вскоре

в это изучение включились крупные научные учреждения Москвы: Музей народов СССР, Государственный Исторический музей, Московское отделение Академии истории материальной культуры, Научно-исследовательская ассоциация при Коммунистическом университете трудящихся Востока и др.

Больших успехов в 1920-30-е гг. добились археологи. В 1924-1925 гг. известный антрополог, профессор Ленинградского университета С.И. Руденко произвел археологические разведки в степной и горной части Алтая. В Горном Алтае его заинтересовали большие «царские» курганы в районе с. Туэкта и в долине р. Каракол, были осмотрены курганы в урочище Пазырык. В составе его отряда работал научный сотрудник Института археологической технологии М.П. Грязнов – будущий исследователь Первого пазырыкского кургана. В 1927 г. М.П. Грязнов исследует большой Шибинский курган в долине р. Урсул. В 1929 г. начались исследования курганов в урочище Пазырык долины реки Большой Улаган Улаганского аймака. После раскопок В.В. Радловым больших Берельского и Катандинского курганов, полевые исследования дали значительные результаты. Была обнаружена подкурганная мерзлота, благодаря которой великолепно сохранились предметы из органики: бальзамированные погребенные, трупы лошадей, предметы из войлока, украшенные богатой аппликацией, предметы из дерева и пр. Работами руководили М.П. Грязнов и С.И. Руденко, сотрудники Института материальной культуры г. Ленинграда. Кроме этого в 30-е годы прошлого века археологи под руководством Г.И. Сосновского производили исследования стоянок каменного века в районе села Сростки и г. Бийска. Результаты их исследований были опубликованы перед войной. Они дали основания сравнить палеолит Алтая с уже известными стоянками Афонтовой горы под г. Красноярском. В 1935 и 1937 гг. в Горном Алтае работала Саяно-Алтайская археологическая экспедиция, возглавляемой известными археологами С.В. Киселевым и Л.А. Евтюховой. Экспедиция работала в зоне строительства Чуйского тракта, в Курайской степи Кош-Агачского аймака. Исследовались памятники раннего бронзового века и раннетюркского времени. Были раскопаны археологические памятники у сёл Курота, Каракол, Туэкта Онгудайского аймака, села Курай Кош-Агачского аймака. Результаты этих исследований обобщены в фундаментальном труде «Древняя история Южной Сибири», вышедшем в 1949 г. За эту работу С.В. Киселёв в 1950 г. был удостоен Государственной премией СССР.

В целом, за период 1920-30-х гг. археологами были открыты новые и изучены памятники эпохи раннего железного века, тюркского времени, афанасьевской культуры раннего бронзового века, эпохи позднего палеолита. Древняя история Горного Алтая обогатилась новыми материалами. В области этнографического изучения алтайцев также были достигнуты значительные успехи. Совместными усилиями ученые изучили этнографию всех тюркоязычных племен Алтая в ее главных разделах, собрав при этом большое количество нового материала. Появились отдельные и обобщающие работы по материальной культуре алтайцев. Здесь следует упомянуть работу Л.П. Потапова «Разложение родового строя у племён северного Алтая. Материальное производство», которая вышла в свет в 1935 г. Большое внимание в 20-30-е гг. прошлого века этнографы центральных научных учреждений уделили изучению духовной культуры алтайцев. Связано это было с политическими и идеологическими моментами, существовавшими в то время в стране, когда утверждалась новая, социалистическая идеология, шла борьба с религией во всех её проявлениях. В этот период были изучены неизвестные ранее науке религиозные культы, обряды и поверья алтайцев: культ медведя, культ гор. Обряд оживления бубна шамана, охотничьи поверья и пр. Тщательному изучению подверглась новая религиозная форма – бурханизм. Наибольший вклад в изучение бурханизма внёс А.Г. Данилин. В целом, большой вклад в изучение материальной и духовной культуры алтайцев в то время внесли такие ученые как Л.П. Потапов, С.А. Токарев, Н.П. Дырэнкова, А.Г. Данилин, Л.Е. Каруновская и др. После образования Ойротской автономной области появились широкие возможности развития национальной культуры и языка алтайского народа: были открыты национальные школы с обучением на родном языке, стали издаваться газеты, учебники, переводы общественно-политической литературы, появились также произведения поэтов и писателей-алтайцев. Данные явления потребовали дальнейшего изучения алтайского языка, пересмотра диалектной основы литературного языка и старой письменности. Эта работа длилась на протяжении 20-х – 30-х гг. прошлого века. В ней участвовали учёные научных учреждений Москвы, Ленинграда (Данилин А.Г., Дырэнкова Н.П., Баскаков Н.А. и др.) и местные лингвисты-алтайцы (Тошцакова Т.М., Тырмак В.М., Чевалков П.И., Куранаков Н.Г., Шабураков А.Г. и др.). Письменный язык, созданный миссионерами в XIX в. на основе телеутского наречия не отвечал потребностям коренного населения автономной области в её

новых границах, т.к. на нём говорило абсолютное меньшинство алтайцев. В 1922 г. был выбран собственно- алтайский диалект, на котором говорили жители Онгудайского, Усть-Канского, Эликманарского и Шебалинского аймаков – центральных, экономически наиболее развитых районов, где было сосредоточено большинство населения области [Баскаков 1958: с. 13-14]. В связи с этим возникла необходимость пересмотра алфавита, создания норм орфографии и терминологии. Старый алфавит изменяется, в него вводится ряд дополнительных знаков. В 1928-1931 гг., под влиянием перехода письменности некоторых тюркских народов на латинизированный алфавит, разрабатывается таковой и для алтайского языка. В этой работе участвовали учёные центральных научных учреждений (А.Г. Данилин Н.П., Дыренкова, Н.А. Баскаков и др.), но основная тяжесть легла на местных лингвистов (Т.М. Тошаклова, П.И. Чевалков, А.Г. Шабураков, и др.). Но латинизированный алфавит не прижился и в 1938 г. вновь был совершён переход на русскую основу алфавита. Параллельно ведётся работа по новой алтайской орфографии. В 1938 г. был утверждён свод правил алтайской орфографии, составленный по проекту Т.М. Тошакловой, который действует и в настоящее время. В том же году создается Областная комиссия языка и литературы в целях объединения всех специалистов-филологов и писателей Горного Алтая. В 1941 г. выходит в свет первый орфографический словарь алтайского литературного языка, составленный В.М. Тырмаком. Одновременно с изучением алтайского языка, ведётся работа по созданию словарей и учебных пособий. В 1920-е гг. вышли в свет первые словари, составленные А.С. Кумандиным и П.П. Тыдыковым. В 1928 г. вышла в свет алтайская грамматика. Составленная М.С. Канаевым. В 1929 г. издаются два учебника для средней школы «Морфология алтайского языка» А.Г. Шабуракова и «Синтаксис алтайского языка» Т.М. Тошакловой. Ею же в 1939 г. выпущена «Краткая грамматика алтайского языка». Полная и подробная научная «Грамматика ойротского языка» была составлена в 1940 г. Н.П. Дыренковой. В 1940 г. выходит работа Н.А. Баскакова «Методика преподавания родного языка». Одновременно с изучением алтайского языка ведутся исследования и накопление материала в области алтайского фольклора. Здесь большую роль сыграли алтайские писатели и сказители П.В. Кучияк, Ч.И. Енчинов, Ч. Чунижеков, М.В. Мундус-Эдоков, А. Шабураков и др., сказитель Н.У. Улагашев, сибирский писатель А.Л. Коптелов. Ценные работы, содержащие интересные фольклорные тексты, опубликовали учёные Л.П. Потапов,

Л.Э. Каруновская, Н.П. Дыренкова. В начале 1930-х гг. появились исследования по истории Горного Алтая. Здесь следует упомянуть работы Л.П. Мамета «Ойротия» и П.Я. Гордиенко «Ойротия», в которых в виде очерков дается история алтайского народа, включая недавние события гражданской войны. Таким образом, в течение 20-30-х гг. прошлого века совместными усилиями ученых центральных научных учреждений, научных учреждений Сибири и краеведов, был собран, проанализирован и обобщен огромный материал по природе, археологии, этнографии, языку и истории народов Горного Алтая.

В конце сороковых начале пятидесятих годов выходят целый ряд фундаментальных работ по культуре древнего и коренного населения. В 1948 году выходит одна из основополагающих этноисторических работ Л.П. Потапова «Очерки по истории алтайцев». В 1951 г. издадут «Древнюю историю Южной Сибири» Сергея Владимировича Киселёва, в которой автор уделяет особое внимание древней и средневековой истории Горного Алтая, а С.И. Руденко в 1953 г. публикует свой труд «Культура населения Горного Алтая в скифское время». Неоценимый вклад в изучение традиционной культуры коренных жителей Горного Алтая внесла Е.М. Тошцакова. Ею написан целый ряд работ по этнографии алтайцев, собран уникальный материал, который до сих пор используется исследователями, как источниковая база. В 1978 г. Е.М. Тошцакова публикует свою монографию «Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX-XX в.)». В 1982 г. выходит в свет монография Н.И. Шатиновой «Семья у алтайцев». Культур древних народов Алтая касались в своих работах многие исследователи. В 1988 А.С. Суразаков посвятил основным проблемам изучения скифской эпохи отдельную монографию «Горный Алтай и его северные по предгорья в эпоху раннего железа».

Проблемы хронологии и культурного разграничения». В 1997 г. В.Д. Кубарев защитил докторскую диссертацию «Древние кочевники Алтая», в которой он характеризует культуру древних кочевников Алтая и проводит параллели с культурами сопредельных регионов. Юрий Фёдорович Кирюшин и Алексей Алексеевич Тишкин в 1997 г. издадут первую часть монографии «Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время», а в 2003 её вторую часть «Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры». В.И. Соенов в 2003 г. посвящает свою монографию культуре населения Горного Алтая гунно-сарматского времени. Девяностые годы двадцатого столетия в археологии

Горного Алтая отмечены и открытиями новых мерзлотных погребений на плато Укок. Первые результаты были опубликованы в коллективной монографии под руководством В.И. Молодина «Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок)». Н.В. Полосьмак в целой серии научных и научно-популярных публикаций характеризует культуру населения Укока скифского времени («Феномен алтайских мумий» 1995, «Всадники Укока» 2001). В 1997 г. она же защищает докторскую диссертацию на тему «Пазырыкская культура: реконструкция мировоззренческих и мифологических представлений».

В области этнографических исследований так же написано много работ по различным аспектам традиционной культуры алтайцев. Так, в 1994 г. опубликованы «Материалы по шаманизму у алтайцев» А.В. Анохина. Вопросам этнической истории и этногенеза алтайцев посвящены многие работы Н.В. Екеева. Над проблемами мировоззрения и религии алтайцев работала Муйтуева В.А. Тему проблем трансформации обычного права в современной культуре алтайцев на примере семейных ценностей разрабатывает Э.В. Енчинов. Диалог культур народов Республики Алтай в изменяющихся условиях российского общества, и выявление особенностей взаимодействия культур алтайцев, русских и казахов Республики Алтай посвящены научные исследования Н.А. Тадиной

НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова в 2014 г. издал книгу «Алтайцы: Этническая история. Традиционная культура. Современное развитие». В ней впервые вопрос культуры населения Горного Алтая рассматриваются в комплексе. Уделяется большое внимание древним культурным образованиям на территории Горного Алтая, происхождению и этнической истории алтайцев, развитию их социальной организации и семейного быта. Рассмотрены вопросы развития скотоводства и других отраслей хозяйства; исследованы шаманизм, бурханизм, а также распространение христианства (православия) среди алтайцев. Дано подробное описание разных элементов материальной и духовной культуры. Также дается анализ современных этносоциальных и этнополитических процессов в Республики Алтай.

ГЛАВА 1 ИЗМЕНЕНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА НАСЕЛЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Антропологический тип населения Алтая в эпоху бронзы.

Результаты палеоантропологического исследования вносят немало нового в сложившиеся представления об исторических процессах на территории Горного и лесостепного Алтая в эпоху ранней и развитой бронзы. Они позволяют отчасти проследить и такие явления, которые не нашли достаточно отчетливого отражения в археологических источниках.

Анализ краниологических материалов афанасьевской культуры Горного Алтая подтверждает устоявшуюся точку зрения о происхождении ее с территории Восточной Европы [*Вадецкая* 1979; 1986; *Семенов* 1987; 1993; *Фрибус* 1996; 1998; *Цыб* 1984] и ставит под сомнение гипотезу об ее автохтонности для территории Южной Сибири и Центральной Азии [*Молодин* 2002]. Население афанасьевской культуры в целом характеризуется чертами протоевропейского антропологического типа, широко распространенного в эпоху бронзы по степному поясу Евразии. Тщательный внутригрупповой анализ позволил установить неоднородность афанасьевского населения Горного Алтая в пределах европеоидной расы, а также отсутствие антропологического компонента местного происхождения. Впервые в составе афанасьевцев удалось выявить антропологические типы, характеризующие пришельцев. Установлено, что их доля в составе населения территориальных вариантов культуры различна, что определяет предполагавшийся ранее [*Алексеев* 1989] генетический разрыв между афанасьевским населением Горного Алтая и Минусинской котловины. Выявлены истоки происхождения антропологических компонентов в его составе на далеких территориях южной части Восточной Европы в эпохи энеолита и ранней бронзы, и приуроченность их к различным группам населения восточной части древнеямной культурно-исторической общности и предшествующей ей хвалынской-среднепетровской культурной общности. [*Солодовников* 2006]. Полученные результаты в большей мере согласуются с концепцией о генетической связи афанасьевской культуры с древнеямными памятниками на территории Нижнего Поднепровья, Приазовья и Предкавказья, а также доямыми на этой территории [*Фрибус* 1996; 1998], однако не позволяют исключать из районов ее прародины территорию Волго-

Уралья. Предполагается, что миграция населения с территории Восточной Европы, следствием которой явилось формирование афанасьевской культуры, началась на ранних этапах сложения древнеямной культурно-исторической общности. Данный вывод не исключает наличия общего культурного компонента для древнеямной общности юга Восточной Европы и афанасьевской культуры Южной Сибири, связанного по происхождению с какими-либо третьими регионами [*Кирюшин 1991*], но на данном источниковом уровне палеоантропологически он не прослеживается.

Впервые исследована серия мужских черепов каракольской культуры, пригодная для использования в межгрупповом статистическом анализе. Антропологический облик населения эпохи развитой бронзы Горного Алтая характеризуется смешанными европеоидно-монголоидными особенностями. Установлено, что доля монголоидного элемента была больше в женской группе, а также что антропологический состав мужской и женской части населения каракольской культуры не совпадал. Впервые удалось определить преобладающую генетическую связь местного антропологического компонента каракольской культуры с населением доафанасьевского времени не только Горного Алтая, но и его северных предгорий. В тоже время установлено отсутствие такой связи между европеоидным компонентом в составе каракольцев и, шире, населения культур окуневского типа Южной Сибири, с населением предшествующей культуры. [*Солодовников 2006*]. Это не противоречит мнению об участии местных групп, проникающих из лесостепи в северные предгорья Алтая, в формировании каракольской культуры [*Молодин 1992; 1993; 2002*], но не подтверждает гипотезу о значительной роли афанасьевского населения в качестве другого компонента сложения каракольской и других культур окуневского типа [*Молодин 1992; 2002; Семенов 1997; Шер 1991; 1994*]. Европеоидный компонент в составе населения культур окуневского типа Горного Алтая и Тувы в наибольшей мере проявляет особенности гиперморфного варианта древнесредиземноморской расы, представленного на черепках из могильника примерно синхронного времени Ранний Тулхар на юге Средней Азии. Не исключено его присутствие и у окуневцев Среднего Енисея. Однако имеющиеся материалы не позволяют однозначно решить вопрос об исходном районе миграции его носителей на территорию Южной Сибири. Вероятнее

всего, прототип морфологической комбинации признаков, присущей для европеоидного компонента населения эпохи доандроновской бронзы Южной Сибири, предположительно, мог находиться на территории Кавказа и прилегающих районах – в Закавказье или севернее, вплоть до степных районов Предкавказья. Краниологические серии эпохи бронзы, а также более раннего и позднего времени с этой территории впервые рассматриваются в связи с особенностями гиперморфного варианта древнесредиземноморской расы. Анализ антропологических источников позволяет предполагать появление групп европеоидного населения, обусловившего формирование культур окуневского типа, в связи с одним миграционным потоком. [Солодовников 2006]. В большей степени соответствует антропологическим данным мнение о пришлых истоках рассматриваемых культурных явлений на территории Северного Кавказа и Предкавказья [Есин 1995: 60], чем гипотеза о наибольшей перспективности для поисков возможной прародины окуневцев Южного Приуралья и прилегающих к нему областей в позднемнео-раннекатакомбное время [Лазаретов 1997].

Выявлено, что антропологический состав населения елунинской культуры лесостепного Алтая неоднородный и формируется в результате взаимодействия европеоидного и монголоидного компонентов, при этом доля монголоидного элемента ощутимо больше в составе женской части популяции. Женщины, в целом, сохраняют генетическую преемственность с неолитическим населением южных районов Верхнего Приобья. Это подтверждает выводы археологов о значительном участии местного культурного компонента в формировании елунинской культуры [Грушин 2002; Кирюшин 1986; 2002а; 2002б]. В составе мужчин-елунинцев доминирует долихокранный высоколицый европеоидный компонент, характеризующийся краниологическими особенностями южной европеоидной средиземноморской расы, и определяющий в антропологическом отношении пришлый компонент сложения культуры [Грушин 2002; 2004; Кирюшин 1986; 2002а; 2002б].

Обнаруживается тенденция увеличения доли местного монголоидного морфологического компонента в елунинских группах более северных районов и/или хронологически более поздних. Ее продолжением являются краниологические особенности населения кротовской культуры, для которого доля местного компонента, представленного низколицым типом с выраженными монголоидными особенностями,

больше. Преобладающий европеоидный компонент в составе кротовского населения однотипен с таковым у родственного елунинского. В данных результатах анализа палеоантропологических источников находят прямое подтверждение взгляды Ю.Ф. Кирюшина на кротовско-елунинскую культурно-историческую общность, согласно которым часть населения елунинской культуры переселилась в более западные районы, где в процессе взаимодействия вытесненных из Верхнего Приобья елунинских племен с населением местной степановской культуры формируется кротовская [Кирюшин 1992; 2002а; 2002б; Солодовников 2006].

Результаты межгруппового статистического сравнения краниологических материалов археологических культур окуневского типа, кротовско-елунинской общности, а также самусьской, позволяют установить, что объединяет население данных культурных образований юга Западной и Южной Сибири наличие местного для каждого из них монголоидного компонента, представленного, преимущественно, в составе женского населения. Его взаимодействием с пришлым европеоидным элементом, не связанным по происхождению с населением предшествующей афанасьевской культуры, определяется антропологическое своеобразие населения этих культур самусьско-сейминского историко-хронологического пласта. Тщательный межгрупповой анализ позволил выявить морфологическую однотипность европеоидного суперстрата в составе населения елунинской, каракольской и других культур. Появление его связано с одним, антропологически несколько разнородным потоком, составной частью которого были группы, характеризующиеся антропологическими особенностями более узколицевого варианта средиземноморской расы, а также протоевропейского типа с брахикранной формой мозговой коробки. Последние явились морфо-генетической основой для пришлого европеоидного компонента в составе населения самусьской и окуневской культуры соответственно [Солодовников 2006]. Данные результаты исследования в наибольшей степени соответствуют концепции В.В. Боброва о формировании в период доандроновской бронзы в аридной зоне Сибири на разной субстратной основе «блока» родственных культур самусьско-сейминского историко-хронологического пласта в результате масштабной миграции европеоидного населения из районов Передней Азии [Бобров 1987; 1994; 2003]. Однако исходными территориями миграции европеоидного населения, «ядром» которой в антропологическом отношении являлись

группы с особенностями гиперморфного варианта средиземноморской расы, проведенный анализ палеоантропологических материалов позволяет в большей степени считать районы Кавказа, а наиболее перспективным районом для поисков прародины этого населения – Северный Кавказ и Предкавказье [Солодовников 2006].

Исследование краниологических материалов эпохи развитой бронзы с территории лесостепного Алтая позволяет установить значительную антропологическую неоднородность населения верхнеобского варианта андроновской (федоровской) культуры. Впервые с помощью многомерного статистического анализа удалось получить числовые характеристики краниологических типов в его составе, а также определить их разный удельный вес в составе локальных групп. Морфологические особенности исходных компонентов, соотнесенные с археологическим контекстом, позволяют заключить, что специфика исторической ситуации в андроновское время на территории лесостепного Алтая определялась разным характером взаимодействия пришлого населения с различными местными группами. Мигранты представлены в составе населения эпохи развитой бронзы лесостепного Алтая антропологическим компонентом, четко проявляющим краниологические особенности андроновского варианта протоевропейского типа, характеризующего население андроновской (федоровской) культуры и на других территориях. В исследуемых районах, как и для Западной Сибири в целом, он появляется вместе с андроновским (федоровским) миграционным потоком из более западных районов Казахстана. Доминирование в составе верхнеобских андроновцев (федоровцев) индивидуумов с чертами андроновского варианта протоевропейского типа позволяет сопоставлять его по своим масштабам с «великим переселением народов» [Деревянко, Петрин, Кирюшин, Молодин 1994; Солодовников 2006].

Результаты изучения палеоантропологических материалов соответствуют концепции Ю.Ф. Кирюшина о вытеснении или частичной ассимиляции андроновцами (федоровцами) населения елунинской культуры [Кирюшин 1986; 2002а; 2002б], но позволяют ее дополнить и конкретизировать. Выясняется, что степень участия местного населения в формировании андроновской (федоровской) культуры исследуемой территории была значительной. Местный компонент представлен европеоидным средиземноморским антропологическим типом, доля индивидов с чертами которого в некоторых группах достигает половины.

Наименее всего отличавшиеся от пришельцев в антропологическом отношении по предполагаемому отсутствию у них выраженной монголоидной примеси группы населения елунинской культуры, проживавшие на юге и юго-западе ареала культуры, вошли в состав андроновских (федоровских) коллективов на этой территории. Процесс аккультурации сопровождался смещением их части на территорию Верхнего Приобья в составе андроновцев (федоровцев) захватившим их миграционным потоком. Проживавшие в Верхнем Приобье группы населения елунинской культуры с более выраженной монголоидной примесью в их антропологическом составе были вытеснены со своих территорий и не вошли в состав верхнеобских андроновцев. В составе населения андроновской (федоровской) культуры лесостепного Алтая фиксируется немногочисленный антропологический компонент северного происхождения, характеризующийся морфологическими особенностями обь-иртышского антропологического типа западносибирской расы [Багашев 1998; 2000; Дремов, Багашев 1998; Солодовников 2006]. На территории лесостепного Алтая он не имеет генетических корней, и появился, вероятно, в результате брачных связей с населением подтаежной полосы Западной Сибири, генетически связанным с группами предшествующего времени этих территорий. Данное направление связей, не нашедшее отражение в археологических материалах, осуществлялось в культурно однородной среде уже в рамках андроновской (федоровской) культуры. Наиболее вероятным источником поступления женщин с данными антропологическими чертами в состав андроновцев (федоровцев) лесостепного Алтая следует считать единокультурное население Барабинской лесостепи.

Для уточнения, подтверждения и развития изложенных выводов требуются не только новые палеоантропологические материалы, в первую очередь, культур эпохи доандроновской бронзы с территории Горного и лесостепного Алтая, но и дальнейшая разработка чисто археологических проблем. В их числе уточнение абсолютной хронологии и периодизация различных групп памятников, выявление специфики их локальных вариантов, а также анализ археологических материалов под углом зрения новых палеоантропологических данных. Безусловно, ряд вопросов древней истории населения Горного и лесостепного Алтая эпохи ранней и развитой бронзы сохраняют свой дискуссионный характер. В первую очередь это касается территориальных истоков пришлого для исследуемой

территории населения. Однако дальнейшая разработка таких проблем не может вестись без учета новых результатов [Солодовников 2006].

Антропологический тип населения Алтая в эпоху раннего железа. Внутригрупповой анализ краниологических серий показал, что они неоднородны в антропологическом отношении, однако, входящие в их состав компоненты не несут резких морфологических различий по признакам высокого таксономического уровня. Антропологический состав женского контингента пазырыкской серии сложнее, нежели мужского. Преобладающим компонентом в ее антропологическом составе пазырыкского населения является морфологический тип с промежуточным выражением основных черт, дифференцирующих европеоидную и монголоидную расы. Этот комплекс имеет определенное сходство с южно-сибирской расой, однако, является более европеоидным (у ранних кочевников Горного Алтая выше черепная коробка, гораздо менее уплощенное лицо и более выступающий нос, чем у современных представителей южно-сибирской расы казахов и киргизов) [Чибишева 2010].

Ощутимо также влияние европеоидного компонента, который характеризуется широким и высоким лицом. Концентрация в едином комплексе североазиатского типа монголоидных признаков наблюдается у нескольких индивидов, что свидетельствует, скорее, о политических взаимоотношениях пазырыкцев с монголоидными народами Восточной Сибири, чем о систематическом смещении населения в пазырыкское время. Аналогично выглядит ситуация с антропологическим составом сакских племенных объединений.

Европеоидный компонент в несмешанном виде более всего сосредоточен в локальных группах пазырыкцев из долин Барбургазы и Бугузуна, на плато Укок и в сборной группе из Центрального Алтая. В группах из Уландрыка, Юстыда и долины среднего течения Чуи он представлен в виде примеси, но при этом его удельный вес выше на Уландрыке, тогда как на Юстыде он ощутим в наименьшей степени из всех локальных групп пазырыкцев. Предполагается его генетическая связь со скотоводческими группам северных районов Передней Азии и южных районов Средней Азии II тыс. до н.э. [Чибишева 2010].

Морфологическое своеобразие ранних кочевников Горного Алтая определяет краниологический комплекс, занимающий промежуточное положение по отношению к двум большим расам. Он представлен в основной массе пазырыкцев, погребенных в рядовых курганах. В

могильнике Уландрык и в каракобинской группе этот компонент является преобладающим. Именно этот морфологический компонент следует считать на Алтае автохтонным, уводя его генетическую линию развития от пазырыкцев через население каракольской культуры к рубежу неолита – раннего металла в среду племен, оставивших захоронения в пещерах Горного Алтая.

Одонтологический тип пазырыкцев и кара-кобинцев складывается из черт, присущих представителям нескольких расовых подразделений современного человечества. Наблюдаемая сложность одонтологического комплекса пазырыкцев может быть отражением процессов метисации, в которых приняли участие южно-сибирские, переднеазиатские и центральноазиатские компоненты. Одонтологический комплекс каракобинской группы в большей степени тяготеет к северным грацильным европеоидным вариантам, а также к вариантам, распространенным на территории Западной и Центральной Сибири. В отношении размеров зубов пазырыкская одонтологическая серия мезодонтна, каракобинская – мезо-макродонтна.

Очень высока вероятность расогенетических связей ранних кочевников Горного Алтая с сакским и усуньским населением Джунгарского Алатау, Тянь-Шаня, Семиречья и Восточного Приаралья через общий антропологический субстрат южной евразийской антропологической формации [Чибисьева 2010].

Антропологический тип населения Алтая в эпоху средневековья. Суммарная серия характеризуется брахикранной черепной коробкой со средней высотой свода, среднеширокой умеренно наклонной лобной костью. Для лицевого отдела характерны большая высота, большой скуловой диаметр, значительная уплощенность горизонтального профиля, ортогнатный общий профиль лица с тенденцией к мезогнатии в альвеолярном отделе. Орбиты широкие, средней высоты, мезоконхные по указателю. Переносье умеренно выступающее, средней ширины. Нос высокий, средней ширины, угол выступания носовых костей малый. Внутригрупповой анализ фиксирует наличие европеоидной примеси. Данный комплекс признаков позволяет говорить о том, что черепа древнетюркского населения Горного Алтая несколько более монголоидны, чем классические представители южносибирской расы. Происхождение антропологического типа тюрок Горного Алтая связано с двумя основными компонентами. Первый из них восходит к племенам скифского времени

(пазырыкская и каракобинская культуры) и гуннской эпохи (буланкобинская культура). Вторым, достаточно сложным по своему составу, был монголоидный комплекс, близкий по своим морфологическим особенностям к центральноазиатской, а возможно и к байкальской расам. Среди черепов из раннетюркских погребений фиксируются оба исходных компонента, как в чистом, так и в уже смешанном виде, притом, что в последующие периоды антропологический тип тюрков Алтая представлен уже сложившимся, однородным морфологическим комплексом [Поздняков 2010].

Изученные антропологические данные тюркского времени из Горного Алтая позволяют заключить, что процесс расогенеза средневекового населения этого региона уходит своими корнями в предшествующие эпохи. Именно местный, автохтонный компонент, который формировался на данной территории еще с эпохи неолита, придавал определенное своеобразие носителям культур эпохи раннего железа и начала I тысячелетия н.э. На протяжении второй половины I тыс. н. э., на территории Алтая шло интенсивное смешение местного населения с пришлым, имеющим ярко выраженные черты центральноазиатской расы. К VIII - IX вв. на всей территории Алтая складывается единый антропологический тип, который можно определить, как близкий по своим морфологическим характеристикам к современной южносибирской расе.

В первой половине II тыс. н.э., мозговой отдел суммарной серии характеризуется брахикранией при малой высоте свода. Лобная чешуя прямая, средней ширины. Лицевой отдел ортогнатный, с тенденцией к альвеолярному прогнатизму, уплощенный на обоих горизонтальных уровнях, широкий. Высота лица находится на границе средних и больших величин. Орбиты мезоконхные, широкие, средней высоты. Нос средней ширины, умеренно высокий, мезоринный по указателю. Переносье характеризуется сочетанием средних широтных размеров с малыми величинами высотных параметров, угол выступания носовых костей средний. Как мужская, так и женская группы обладают четко выраженными монголоидными особенностями, тяготеющими к центральноазиатской расе. В сравнении с населением тюркской эпохи, можно констатировать, что степень выраженности монголоидных черт у популяции первой половины II тысячелетия н.э. выражена не меньше, а возможно и больше чем в предшествующее время [Поздняков 2010].

Антропология коренного населения Алтая. Челканцы, тубалары, кумандинцы. Однородный в расовом отношении массив представляют три этнические группы Горного Алтая. Места их традиционного проживания находятся в горно-таежных районах к северу от Телецкого озера, между ареалами южных шорцев, северных алтай-кижи и чулышманских теленгитов; последние отделены естественной географической преградой – озером. Эти районы – переходная зона от уральского, или западносибирского, расового комплекса к южносибирскому; антропологические особенности аборигенного населения представляют результат их взаимодействия с преобладающим уже южносибирским компонентом. Характерно отсутствие четкой расовой границы на территории Северного Алтая. Это свидетельствует о взаимных контактах между автохтонными разноэтничными группами, а также об их формировании на общей антропологической основе. Есть мнение, что североалтайская группа популяций в силу уровня отличий не может быть отнесена к уральцам, а должна занимать самостоятельное место в системе расовой классификации [*Традиционные знания коренных...* 2009].

А.И. Ярхо считал, что кумандинцы занимают промежуточное положение между тубаларами и шорцами, и, кроме того, обратил внимание на сильную смешанность кумандинцев с русскими. В тубаларах он видел «типично смешанный» народ, у которого в 1920-е годы ясно фиксировались локальные различия с преобладанием урало-алтайского комплекса на севере, южносибирского на юго-западе, центральноазиатского – наиболее монголоидного – на юго-востоке этнического ареала. Близки в антропологическом отношении к кумандинцам и шорцам челканцы. Они наряду с тубаларами и кумандицами характеризуются единым физическим типом, который формировался, очевидно, на базе местных средневековых групп. Эти народы имеют общие компоненты с тюркским и самодийским населением Среднего Приобья. С этническими группами южных районов Горного Алтая различаются вполне отчетливо, характеризуясь уменьшением поперечных размеров головы и лица, ослаблением монголоидности.

Алтайцы (алтай-кижи) и теленгиты. Они являются наиболее монголоидными популяциями в рассматриваемом регионе. Современные алтай-кижи мужчины имеют средний рост (примерно 164 см), округлую форму головы с сильно увеличенным поперечным диаметром (головной указатель - около 84%), довольно широкий лоб и умеренно расширенную

нижнюю челюсть, увеличенные размеры абсолютно и относительно широкого лица, нос – абсолютно широкий, высокий, с большим нособровным расстоянием, а по указателю относительно узкий. Рост бороды и бровей ослаблен, хотя встречается и довольно сильное их развитие; волосы головы – прямые, черные и часто жесткие, тугие – составляют не менее трети случаев, волнистые волосы, в том числе жесткие, встречаются значительно реже, рыжие оттенки не отмечены; цвет кожи — более светлый, чем у тувинцев; цвет глаз – темный, в редких случаях – серо-зеленый; морфология глазной области – умеренно монголоидная с очень высокой частотой эпикантуса (более 50%), лицо – уплощенное и среднескуластое, нос, по сибирскому масштабу, хорошо выступающий при пониженном переносье, с прямым или поднятым кончиком; профиль спинки носа – обычно прямой, но нередки вогнутые, чаще выпуклые или извилистые формы; крылья носа среднеразвиты; верхняя губа обычно выступает вперед (прохейлия), изредка встречаются очень толстые губы. Мужчины теленгиты, по сравнению с алтай-кижи, более высокорослы (167 см в среднем) и значительно более узконосы, по отдельным признакам имеют слабую тенденцию к меньшей монголоидности. В настоящее время комплекс расовых особенностей теленгитов антропологи согласованно включают в круг форм промежуточного южносибирского типа. Более дискуссионным является систематическое положение физического типа алтай-кижи: его относят к южно-сибирскому типу либо к саянскому варианту центральноазиатского типа [*Традиционные знания коренных...* 2009].

ГЛАВА 2. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО И ПОМИНАЛЬНОГО ОБРЯДОВ ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Погребально-поминальная обрядность в пазырыкское время.

Наземная часть пазырыкского кургана в целом имела форму круга. Семантическое значение этой фигуры хотя и имело у отдельных этнических групп специфические черты (так он мог символизировать жилище, щит, год и др., в целом носило достаточно универсальный характер. Круг, и близкие ему по форме фигуры (шар, овал и др.), могли выступать символами солнца, бесконечности, космоса, находящегося за пределами человеческого бытия. Эта идея получила отражение в мифологии древних обществ. Согласно тюркским и алтайским мифам круглое небо в виде купола покрывало собой квадратную землю. В индоевропейской мифологической традиции круг выступал символом неба, верхней части модели мира [Дошковский 2000].

Подземная часть кургана-могильная яма и внутримогильная конструкция-сруб, имели, как правило, подквадратную или подпрямоугольную форму. Избрание такой формы, вероятно, помимо практической обусловленности, имело и определённый сакральный смысл. Так, в индоевропейской, китайской, тюркской, саяно-алтайской мифологии квадрат и прямоугольник (с мифологической точки зрения это равнозначные фигуры) соотносились с землёй, со «средним миром» где человек непосредственно находился во время жизни. Подобные мировоззренческие идеи отражены в ряде письменных источниках. Так, в «Истории» Геродота Скифия Причерноморья описывается в форме четырёхугольника, квадрата. В китайском литературном памятнике IV-III вв. до н.э., «Каталоге гор и морей», земной мир представлен в виде квадрата, ограниченного по сторонам света хребтами. Индоевропейцы, вероятно, тоже могли воспринимать реальный мир в виде четырёхугольника, так как в их литературном произведении, Ригведе, создание которой относится к концу II-началу I тыс. до н.э. круг земли назван четырёхугольным [Акишев 1984: 40]. Кроме того, в мифологических системах четырёхугольник также символизировал 4 стороны света, 4 времени года и 4 части суток, т.е. отражал пространственно-временное восприятие человека.

Если рассматривать деревянную конструкцию, установленную на дне могильной ямы, как имитацию реально существовавшего жилища,

например в виде транспортного средства (повозка) или наземного жилища (сруб) [Шульга 1989: 41-42], то тогда всю внутримогильную конструкцию (могила-сруб) можно интерпретировать как земное пространство, «средний мир», где находится дом людей. Основываясь на изучении мифологии различных народов представляется возможным выделить ещё и третий, так называемый «нижний» мир. По данным саяно-алтайской мифологии загробный мир находится ниже семи слоёв земли и туда, к богу Эрлику, попадали умершие. По индоевропейским мифам был определённый круг богов, соотносимый с «нижним» миром, который специфически связывался с водным началом. Индоевропейцы рассматривали «нижний» мир как мир предков, куда уходят умершие и, где находился царь мёртвых Яма (и бог смерти Варуна. Часть умерших находилась здесь, а другая — на небесах. Аналогичные воззрения, унаследованные, очевидно, от индоиранцев, существовали и у скифов Причерноморья. Так, мир предков, помещаемый ими в модели 30 универсума под земным миром, был обителью смерти и враждебных человеку чудовищ, а страна блаженных локализовалась над миром людей. По всей видимости, исходя их скифской религиозной традиции перед умершим открывалось два пути посмертного существования; либо оставаться в мире предков, либо попасть в мир богов, в «верхний» мир.

Таким образом, в пазырыкских курганах Горного Алтая отображено сложное восприятие мира. Каждая отдельная часть кургана, как и весь памятник в целом, несли знаково- символическую нагрузку. Интерпретация кургана как мандалы, т.е. отображение структуры мироздания через действие, вещь и речь, позволяет в какой-то мере осмыслить определённые действия - создание для умершего микрокосмоса и реконструировать некоторые мировоззренческие представления древних кочевников, которые имеют общую индоевропейскую основу

Важными элементами погребального обряда пазырыкской культуры являются положение тела умершего человека и его ориентация относительно сторон горизонта или каких-нибудь объектов. В древности они имели определённый сакральный смысл и были связаны с различными представлениями о смерти, загробном мире. Значительное количество этнографических, письменных, археологических источников позволяет более подробно рассмотреть это явление [Дошковский 2000].

В древности представления о времени и пространстве являлись важнейшими категориями, которые характеризуют сознание человека, определяют социально- психологическую специфику какого-либо

общества, формируют основные параметры культуры. С ориентацией человека в пространстве связаны определённые космологические, астрономические, сакрально- культовые, географические, бытовые и другие ориентационные представления и принципы [Подосинов 1994: 37].

В ходе изучения археологических данных по пазырыкской культуре Горного Алтая было установлено, что ориентация погребённых в это время основывалась на определении сторон горизонта по восходу солнца и отражала сезонность совершения процесса захоронения [Тишкин, Даишковский: 1998]. Около 71,5% умерших, находились в положении скорченно на правом боку головой на восток (юго-восток).

Положение скорченно на левом боку с западной (северо-западной) ориентацией отмечено у немногим более 8% покойных, а вытянуто на спине или на спине с подогнутыми ногами при разнообразной ориентировки соответственно у 15,5% и 4,8% [Даишковский 1997: 1997]. Семантика скорченного положения умерших многообразна. У отдельных народов она имитирует позу эмбриона в материнском чреве, выражает идею о вторичном возрождении после смерти, отражает знаки поклонения кому-нибудь или чему-нибудь и др. Кроме того, большое значение придавалось тому, на какой бок укладывался человек. Это связано с тем, что у древних обществ, в т.ч. у племен скифо-сакского круга, существовало представление о том, что вселенная состоит из трех миров. Верхний мир соотносился в индоевропейской традиции с правой стороной, а нижний - с левой. Каждому из этих двух миров соответствовали и определенные стороны горизонта: север и восток - атрибуты верхней части вселенной, а юг и запад - нижней. Наиболее распространенное в Горном Алтае в пазырыкское время положение умерших на правом боку головой на восток, возможно, отражает воззрение древних людей о том, что человек (его душа) должен после смерти перейти в верхний мир для дальнейшей жизни. С этой же идеей, вероятно, связано сопроводительное захоронение лошадей с северной стороны сруба, которые ориентировались также черепом на восток. Лошадь, по мифологии и верованиям индоевропейских и других народов, являлась психопомпным (проводники душ) животным, с помощью которого осуществлялся переход из реального мира в потусторонний. Положение покойных скорченно на левый бок головой на запад, вероятнее всего, указывает на смешение двух культурных традиций: пазырыкской Горного Алтая и саглынской культуры Тувы. В погребениях с такими показателями отсутствуют сопроводительные захоронения лошадей

[*Тишкин, Даишковский* 1998]. Если исходить из общеиндоевропейских и универсальных представлений, то левая сторона и западное направление указывают на нижний мир, куда, наверное, должен попасть погребенный.

Таким образом, рассмотрение отдельных элементов погребального обряда пазырыкских племен Горного Алтая показало, что они несли определенную смысловую нагрузку, которая, вероятнее всего, является реминисценцией более ранних индоевропейских религиозных традиций. Дальнейшие исследования в этом направлении позволят более полное реконструировать погребальный ритуал древних кочевников.

Совместное погребение человека с конем известно по различным памятникам культуры из ряда регионов земли. Этот обычай практиковался, помимо выше названных народов, древними германцами, французами с средневека (Голан 1994: 49), тюрками Центральной Азии [*Войтов* 1996], монголами [*Кузьмина* 1977: 45], а также народами этнографической современности: чувашами [*Денисов* 1959], якутами [*Алексеев* 1980], теленгитами, тувинцами [*Дьяконова* 1975; 1980: 102; *Потапов* 1978: 35-36] и некоторыми другими. Не останавливаясь на детальном разборе всех представлений, связанных с конем у этих обществ, лишь отметим, что одна из основных идей, которая должна реализоваться в данном обряде — это благоприятный переход умершего в потусторонний мир с помощью лошади.

После краткой характеристики некоторых основных моментов роли коня в культуре и, в частности, в погребальном обряде различных племен, попытаемся на основе имеющегося комплекса материалов реконструировать мировоззренческие представления пазырыкцев, связанные с этим элементом ритуала захоронения. Для этого, необходимо обратить внимание на сочетание таких двух показателей погребального обряда, как внутримогильная конструкция, определяемая археологами, как «сруб», и захоронение коня, ориентированного головой на восток, у северной стенки деревянного сооружения. Принято считать, что внутримогильные конструкции у пазырыкцев, являлись имитацией реально существовавших жилищ, в виде срубленных домов. Однако, детальное изучение разнообразных источников, в том числе и этнографических, позволило поставить под сомнение правомерность полного отождествления внутримогильного сооружения, так называемого сруба, с реальным, наиболее распространенным типом жилищ у древнего населения скифской эпохи Горного Алтая [*Дошковский* 2000].

Письменные материалы и археологические данные показывают, что кочевые племена раннего железного века и средневековья если и были знакомы со срубом, то, во всяком случае, он не был наиболее типичным для подвижной среды, что объясняется хозяйственно-бытовым укладом населения. Отсюда следует, что в могиле рядового представителя, вероятно, воздвигалось подобие такого сооружения, которое было характерно для большинства соплеменников в течение продолжительного времени. Скорее всего, им должно было стать транспортное средство (повозка, кибитка и т.п.) или переносное жилище (типа юрты и чума). По сообщению Геродота, скифы постоянно вели кочевой образ жизни, они не имели «ни городов, ни укреплений» и свои жилища, где находились женщины и дети, возили с собой («их жилища - в кибитках»). Аналогичные сведения содержатся у Страбона. Гиппократ рассказывал, что кибитки скифов были четырех- и шестиколёсные и устроены подобно домам с двумя или тремя отделениями, что подтвердили находки в Керчи глиняных игрушек в виде повозок. Аналогичные жилища имели аланы и другие народы (не только ираноязычные). Скифы Причерноморья, начиная с IV в до н.э., стали придавать погребальным камерам вид именно своей кочевнической кибитки. Изложенные выше обстоятельства и целый ряд других материалов позволяют предположить, что у многих погребенных сооружений 35 рядовых пазырыкцев внутримогильная конструкция действительно отражала реальный тип жилища, но не стационарный, наземный сруб, а, вероятно, определенный вид повозки. К тому же, имеющееся в могиле деревянное сооружение по размерам и по внешнему виду больше напоминает как раз основу (короб) или каркас транспортного средства. Таким образом, наличие захоронения коня в сочетании с характерной внутримогильной конструкцией свидетельствует о реализации пазырыкцами идеи погребальной повозки для перемещения в далекий загробный мир умерших, что характерно для индоевропейской мифологии. Помещение лошади у северной стороны внутримогильной конструкции с ориентацией головой на восток (в этом же направлении ориентирован и умерший человек), указывает, вероятно, на то, что человек после смерти отправляется в верхний мир, атрибутом которого является восточная сторона горизонта. Осуществление такого обряда начиналось с того, что родственники клали покойного на повозку и возили его к соплеменникам, а затем совершали захоронение, предоставляя возможность перехода в иной мир, во время которого лошадь являлась

проводником умершего. Отдельно следует остановиться на проблеме истоков ритуальной роли коня в религиозно- мифологической системе пазырыкцев. Появление домашних лошадей в Центральной Азии в конце III - в начале II тыс. до н.э. по времени совпадает с миграцией в западную часть региона тохаров, у которых уже широко использовался это вид животного. Этот процесс также сопровождался проникновением в районы Центральной и Восточной Азии многих индоевропейских ритуально- мифологических представлений о лошади и связанных с ней обрядами. Данное заимствование в какой-то мере объясняет определённое сходство комплекса таких верований у индоевропейцев и народов, говоривших на алтайских языках. В то же время некоторые исследователи отмечают, что в Центральной Азии, возможно, шёл и самостоятельный процесс одомашнивания местного вида дикой лошади, но он не был завершён вследствие указанных выше событий конца III тыс. до н.э.. В качестве подтверждения данного предположения учёные указывают на собственное название домашних лошадей в алтайской семье языков (монг. *morin*, тюрк. *At*, отличное от индоевропейского *ekwo-s*. По мнению С.П. Нестерова не стоит рассматривать ритуальное отношение к лошади как отголосок (реминисценцию) тотемистических представлений, поскольку наиболее распространёнными древними тотемами как у индоевропейских, так и у тюркских народов были олень и бык. М.И. Артамонов указывает на то, образ оленя являлся одним из постоянных сюжетов скифо-сибирского искусства. Это, вероятно, свидетельствует о том, что в древние времена он был не только главной охотничьей добычей, но и наиболее распространённым тотемом предков индоиранцев. Данное обстоятельство отразилось, например, в самом имени саков — «олень». По мнению лингвистов, обозначение оленя иранским «ветвь», «сук» следует рассматривать как табуирования его настоящего индоевропейского названия. С.П. Нестеров считает, что заимствование домашней лошади племенами Центральной Азии у индоевропейцев не привело к одновременному и полному заимствованию индоиранского ритуально- мифологического комплекса о коне. Ритуальное отношение к лошади, по мнению исследователя, в этом регионе начало складываться позднее, скорее всего во второй половине II тыс. до н.э., а его развитие связано с этапами освоения транспортных функций коня, запряжка в колесницы и верховая езда. Зависимость места животного в системе религиозных представлений и обрядов от его хозяйственной значимости, и особенно, как транспортного средства,

прослеживается и по отношению к верблюду в государстве Крорайны (середина III - середина IV вв. н.э.), быка у западных тувинцев, лошади у тюркских племён Центральной Азии. Таким образом, вероятно всего, у пазырыкских племён Горного Алтая истоки захоронения человека с конём в одном погребальном сооружении обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, это наличие в пазырыкской религиозно-мифологической системе значительного комплекса индоиранских представителей и верований. Во-вторых, в культуре кочевников этого региона Азии лошадь играла ведущую роль в социально-экономической жизни общества [Тиишкин, Дашковски 1998]. Этот факт в значительной мере обусловил важное место коня в системе религиозных и мировоззренческих представлений [Дошковский 2000].

Погребальная обрядность населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху. Выбор места под погребение отражает важный этап похоронного ритуала. Выявление закономерностей топографии и топографии некрополей дает разнородные сведения для проведения реконструкций различных сторон жизнедеятельности древних народов. Имеющийся объем источников позволил обозначить общие, особенные и единичные признаки пространственной организации погребальных комплексов, а также определить возможности их интерпретации для характеристики социального развития населения Горного Алтая II в. до н.э. - V в. н.э.

Основная масса памятников Северного и Центрального Алтая расположена в бассейне Катуня, а также наиболее крупных ее притоков - Чуй и Урсула, на высоких и низких террасах или в межгорных котловинах. Могильники других районов сосредоточены в долинах Чулышмана, Башкауса, Б. Улагана, Курайки, Чаган-Узуна, Ак-Алахи, верховьях Бухтармы, Чарыша. Они обычно приурочены к приустьевой части рек. Мы выделили несколько компактных скоплений, имеющих некоторые отличия в обряде и, вероятно, отражающих границы расселения определенных локально-территориальных коллективов. Крайние рубежи распространения булан-кобинской культуры соотносятся со среднегорьями - низкогорьями Алтая, охватывая зону, максимально пригодную для ведения яйлажно-горнодолинного скотоводства. Могильники, как правило, привязывались к зимним стойбищам. Правомерно говорить о двух вариантах топографии [Соенов 1997], не связанных с хронологическими и социальными факторами: 1) на легкодоступных, открытых участках местности (высокие

и низкие ровные террасы, межгорные котловины); 2) в «укромных» местах, на небольших изолированных террасовых плато, у подножья холма, горы, ее склоне, наклонной плоскости террасы, седловине.

Устойчивым этнокультурным и хронологическим показателем является планиграфия захоронений. Памятники II в. до н.э. - V в. н.э. включены в состав разновременных комплексов, реже находятся отдельно от объектов предыдущих эпох. «Булан-кобинцы» не «привязывали» свои могилы к пазырыкским и нередко намеренно пытались от них обособиться. Не известно случаев нахождения погребений II в. до н.э. - I в. н.э. рядом с объектами конца IV -III вв. до н.э. Выявлены такие базовые модели планиграфии булан-кобинских захоронений: одной цепочкой с севера на юг и с отклонениями; несколькими цепочками с отклонениями по меридиану, реже – широтно, образующими плотные ряды; пристроенные курганы, расположенные в одну линию по разным направлениям; пристроенные объекты образуют «саги» из смежных надмогильных конструкций; одиночные или парные отдельно стоящие курганы. Многие особенности планиграфии анализируемых памятников (максимальная концентрация курганов, «рядность», пристройка, «согы») имеют пришлый характер. «Рядность» и тесное расположение сооружений сохраняются на протяжении II в. до н.э. - V в. н.э., традиция пристройки распространяется во II - V вв. н.э. Реализация метода социальной планиграфии дала следующие результаты: планировка некрополей не связана с аильным или куренным типами поселков; большинство детских захоронений совершались рядом с женскими; мужские и женские погребения чаще располагались раздельно либо составляли скопления с преобладанием мужчин; практика компактного сооружения курганов детей, женщин, мужчин фиксируется редко; более тесную локализацию имеют обычно могилы, примерно схожие по степени «богатства» или «бедности» инвентаря; у «булан-кобинцев» существовали «социально-имущественный», «профессионально-половой», и, вероятно, слабо выраженный семейный принципы размещения погребений; вопрос о соотношении могильников и расположенных на их площади объектов с определенными институтами булан-кобинского социума остается открытым [Матренин 2005].

Важным культурно-хронологическим признаком погребального обряда выступает способ захоронения. Он включает в себя совокупность описаний вида погребения человека, положения тела покойного, его различных частей относительно друг друга, дна и стенок камеры, сторон

горизонта, оформления сопроводительных захоронений животных. Основным видом погребения населения Горного Алтая гунно-сарматского времени была ингумация, преимущественно одиночная (95%), реже – парная (3,6%) и коллективная (1,3%). Выявлено три типа кенотафов: «классические», «миниатюрные», «поминальные». Анализ ориентации умерших людей по сторонам горизонта на основе методики, разработанной В.В. и В.Ф. Генингами (1985), показал, что у «булан-кобинцев» этот показатель был связан с движением солнца и отражал похороны в разные времена года. Основная масса случаев связана с традициями западной и восточной ориентировки, из которых для первой определяющей была точка восхода солнца. При труположении головой «на восток» на одних памятниках использовался заход, на других – восход солнца. В количественном отношении они равноценны и сосуществовали в течение II в. до н.э. - V в. н.э. Западное направление доминирует в Северном, возможно, Южном, Юго-Восточном Алтае, а восточное – в Центральном и Восточном Алтае.

Господствующим типом позы умерших являлось труположение на спине с прямыми ногами (83,1%). Реже встречались положения: на спине со слегка согнутыми ногами (4,6%); на спине с разворотом верхней части тела на бок с прямыми (1,3%) и слегка согнутыми (2,9%) ногами; на правом (3%) или левом (1,9%) боку со слегка согнутыми ногами (4,9%); на правом боку с сильно подогнутыми ногами (0,3%); на левом боку вытянутыми нижними конечностями (0,3%); на животе с прямыми (0,3%) и подогнутыми ногами (0,1%). Погребения на боку или с завалом на бок характеризуют главным образом начальный этап булан-кобинской культуры. Выявлена корреляция захоронения на правом боку с ориентацией головой «на восток», а погребения на левом боку с западным направлением [Матренин 2005].

Важным признаком была ингумация человека с лошадьё, отмеченная в 14,6% погребениях, в основном Центрального (71,9%), в меньшей степени Северного и Южного Алтая. Анализируемый показатель не обнаружен в Северо-Западном, Восточном и Юго-Восточном Алтае. Своеобразием булан-кобинской культуры является вариативность размещения животных в могиле относительно человека («сверху»–40,4%; «в ногах»–26,9%; сбоку–32,5%; в отдельной яме–1,1%), отражающая разные по происхождению традиции, имеющие неодинаковое территориально-

хронологическое распределение. Особенности абсолютного большинства захоронений в сопровождении лошади во II в. до н.э. – V в. н.э. не связаны напрямую со свидетельствами, зафиксированными для «пазырыкцев», и указывают на определенное родство булан-кобинской и тюркской обрядности.

Второстепенными элементами похоронного ритуала было помещение в могилу мясной пищи (обычно курдюк овцы), каменные столбики и камни-стелы у курганов, тризна (остатки керамики, кости животных), угли, ритуальные костры, различные манипуляции с трупами (трепанация, мумификация, отчленение частей тела).

Для создания полного представления о способах труположения нами предпринята классификация, включавшая такие таксономические уровни. II. Группа - количество людей в могиле, совершение «классических» и «миниатюрных» кенотафов; III. Разряд - наличие или отсутствие сопроводительного захоронения лошади; IV. Раздел - вариант размещения лошади по отношению к человеку; V. Отдел — ориентация человека головой относительно главных направлений горизонта; VI Тип - основная поза человека; VII. Подтип - особенности положения верхней части туловища и ног покойного. В итоге было получено 32 типа ингумации кочевников Горного Алтая II в. до н.э. - V в. н.э. [Матренин 2005].

Проанализированный корпус источников свидетельствует о существовании в Горном Алтае во II в. до н.э. - 1-й пол. V в. н.э. одной, булан-кобинской, культуры. Показатели погребального обряда изучаемой общности представлены двумя основными блоками. 1. Комбинация наиболее массовых признаков, описывающая не менее 50% памятников на протяжении изучаемого периода: компактное расположение курганов рядами небольшие насыпи с кольцевыми крепидами, простая неглубокая могильная яма, ориентированная в широтном направлении и с разными отклонениями, одиночная ингумация головой в восточный и западный сектор, положение на спине с прямыми или слабо согнутыми ногами, погребальная камера в виде ящика. 2. Показатели с частотой встречаемости до 33%, не образующие устойчивого набора: пристройка, «сотовая» планировка курганов, кольцевые выкладки-стенки, прямоугольные выкладки крепиды и стенки, вариативность размещения лошади (при доминировании положения «сверху», в «ногах» в человека в разных позах), конструкций могил, камеры в виде колод, большой удельный

вес каменных обкладок, ям без внутримогильных сооружений, редкость мясной пищи.

Формирование булан-кобинской культуры было результатом взаимодействия различных племен позднескифского времени, проживавших преимущественно в Верхнем Прииртышье, пограничных с Монголией и Тувой областях Юго-Восточного Алтая, Северном, Северо-Западном Алтае и групп населения, мигрировавших из Центральной Азии после завоевания на рубеже III- II вв. до н.э. хунну Саяно-Алтая и перенесения около 120 г. до н.э. столицы их державы в Северную Монголию. В данном процессе могла иметь место политика хунну по насильственному переселению народов. Между пазырыкской и булан-кобинской культурами отсутствует прямая генетическая связь. Памятники бело-бомского и верх-уймонской этапов обнаруживают устойчивую преемственность с традициями, появившимися во II в. до н.э. - I в. н.э. Во II - V вв. н.э. происходит локальная инфильтрация в Южный, Юго-Восточный, Восточный Алтай новых групп центрально-азиатских кочевников. У немногочисленной группы кочевников сложились нормы обрядности, характерные впоследствии для тюрок. Погребальный обряд остается вариabельным на протяжении всей гунно-сарматской эпохи, не являясь надежным хронологическим индикатором [*Матренин* 2005].

По результатам корреляции типов погребальных сооружений и типов ингумации мы выделили несколько типологических групп погребений. Каждая группа объединялась связью объектов по множеству их частных свойств, значительно превышавшую подобную связь с другими объектами, но не объединявшая их общностью учитываемых характеристик [*Клейн* 1991]. Им были даны наименования (улуг-чолтухская, карбанская, дялянская, айрыдашская, берельская, верх-уймонская, курайская, кок-пашская) по названию могильников, где они представлены в наиболее «чистом» виде или составляют преобладающее количество исследованных захоронений [*Матренин* 2005]. В Горном Алтае в хунно-сяньбийское время отсутствовала господствующая традиция реализации погребального ритуала и наблюдается поливариантность развития. Неодинаковые соотношения в отдельных частях Горного Алтая указанных единиц (преобладание «карбанцев» в Северном Алтае; «улуг-чолтухцев», «кок-пашцев» в Центральном и Восточном Алтае; отсутствие «яломанцев» за пределами Центрального Алтая; доминирование «курайцев» в

Юго-Восточном и Южном Алтае и т.д.) отражало преобладание там различных исходных пришлых и местных этнокультурных компонентов, свидетельствовало о незавершенности процесса этнотенеза. Разная концентрации типологических групп позволила смоделировать сложную картину расселения и взаимодействия кочевников, отражением чего являлось наличие в рамках Горного Алтая нескольких территориальных групп (Северная, Центральная, Восточная, Юго-Юго-Восточная, возможно Северо-Западная) и локальных подгрупп (Верхне-Катунская, Средне-Катунская, Урскульская, Чуйская, Ак-Алахинская, Чулышманская, Улаганская, Бухтарминская, Верхне-Чарышская) памятников [Матренин 2005].

Погребальная обрядность населения Горного Алтая тюркской культуры. Для погребального ритуала населения тюркской культуры Горного Алтая характерна определенная вариабельность ориентировок. В то же время очевидно преобладание направления умерших головой в восточный сектор горизонта. Выделяется группа объектов, при изучении которых зафиксирована северная ориентация людей. Все сказанное справедливо и для обряда тюрок Тувы, с той лишь поправкой, что несколько меньше отмечено отклонений от востока; в качестве второй традиции заметна ориентация людей на север. Совершенно иная ситуация характерна для погребений кочевников Минусинской котловины. В данном случае для людей наиболее распространена ориентация на запад с отклонениями на север и юг, при этом также зафиксировано северное направление.

Лошадь или овца присутствовали в 86,4 % погребений тюркской культуры Горного Алтая, 86,3 % Тувы и 80,6 % Минусинской котловины. Объекты с сопроводительным захоронением овцы зафиксированы дважды в Туве и в двенадцати случаях при исследовании памятников тюрок Среднего Енисея. Замена лошади в большинстве случаев была связана с половозрастными характеристиками умершего [Худяков 2004: 48], что позволяет включать подобные объекты в круг «погребений с конем» [Нестеров 1990: 84]. Преобладающая ориентация животных в курганах тюркской культуры Горного Алтая связана с западным сектором горизонта, значительно реже встречены северное и южное направления. Аналогичная ситуация характерна и для других территорий [Серегин 2010].

Остановимся на особенностях расположения сопроводительных захоронений животных относительно погребенных людей. Один из

важных показателей – соотношение их ориентировки. Для Горного Алтая и Тувы стандартным является противоположное направление лошади к человеку: 86,3 и 93,2 % соответственно. И вновь серьезным образом отличается традиция захоронения животных в курганах тюркской культуры Минусинской котловины: для погребений кочевников Среднего Енисея преобладает одинаковое направление человека и лошади (81,5 %). Интересной является корреляция рассматриваемого показателя с тем, с какой стороны расположено животное по отношению к умершему. Для памятников тюркской культуры Горного Алтая и Тувы характерна следующая закономерность: в абсолютном большинстве случаев лошадь (овца) находилась слева от человека (90,5 и 93,2 %), однако тогда, когда наблюдалась широтная (преимущественно северная) ориентация умерших, животное зачастую было помещено справа. При исследовании погребений тюрков на Среднем Енисее зафиксировано преобладание расположения животного справа от человека (66,6 %), присутствует и другая традиция (33,3 %) [Серегин 2010].

При изучении особенностей ритуала носителей тюркской культуры зафиксировано несколько случаев, являющихся специфичными для обрядности рассматриваемой общности. Интересно, что некоторые из них находят аналогии в традициях, характерных для населения булан-кобинской культуры Горного Алтая «гунно-сарматского» времени. К таковым можно отнести расположение лошади и человека в одну линию, встреченное на могильнике Улуг-Хорум в Туве [Грач 1982: 156-157, рис. 1], а также помещение животного над погребенным, зафиксированное дважды на территории Горного Алтая [Могильников, Елин 1983: 129-130, рис. 4; Кирюшин и др., 1990: 233]. Довольно специфичной является традиция захоронения лошади рядом с человеком, но в отдельной яме, обнаруженная при раскопках впускного раннесредневекового погребения на могильнике Аржан в Туве [Комарова 1973: Рис. 1]. В одном случае подобная ситуация встречена и при исследовании памятников булан-кобинской культуры [Матренин 2005: 41].

Продолжая рассмотрение основных элементов ритуала, отметим, что одним из важных признаков, характеризующих погребения по обряду ингумации, является положение умерших. Для обозначенного показателя обряда кочевников тюркской культуры характерна наибольшая унификация - погребенные были положены вытянуто на спине. Незначительные

отклонения не превышают порога единичности. В то же время важно отметить, что ряд памятников, для которых характерны специфичные признаки в рамках обозначенного элемента ритуала [Гаврилова 1965: Табл. IX-Б; Могильников 1990: Рис. 14, 16; Худяков и др. 1990: Рис. 4; Тишкин, Горбунов 2005: Рис. 30], относятся к начальным этапам существования тюркской культуры. Эта особенность, как и отмеченные выше специфичные характеристики расположения лошади в некоторых погребениях, могут являться дополнительными показателями, подтверждающими наличие преемственности с традициями предшествующего времени. Тесную связь булан-кобинской и тюркской культур отмечает целый ряд специалистов [Мамадаков 1990; Горбунов, Тишкин 2002; Кубарев 2005: 19; Тишкин 2007: 194-195; Серегин 2009а]. При этом следует признать, что подробное раскрытие механизмов данной преемственности требует проведения отдельного исследования.

Кратко остановимся на других специфических особенностях погребального ритуала кочевников тюркской культуры. Интерес представляют случаи различной ориентации лошадей в одном погребении, встреченные дважды на территории Горного Алтая [Гаврилова 1965: Табл. XXIII; Соловьев 1999: 24, рис. 4]. Судя по имеющимся данным, подобная ситуация зафиксирована и в Монголии [Худяков, Лхагвасурэн 2002]. Не характерным для обрядности тюрок является помещение в могилу шкуры лошади, встреченное на могильниках Саглы-Бажи-III и Аймырлыг в Туве [Грач 1968: 106; Овчинникова 2004: 102]. Аналогии этой традиции в средневековье имеются в различных районах Центральной Азии, однако вопрос о культурной и этнической принадлежности погребений остается дискуссионным [Нестеров 1990: 63-67].

Для выяснения закономерностей, характерных для погребального обряда любой общности, определяющее значение имеют вопросы хронологии. Датировка конкретных памятников может прояснить ряд проблем, связанных с появлением, развитием и возможностью заимствования отдельных элементов обряда. На сегодня наиболее разработанной является хронология погребальных памятников тюркской культуры Горного Алтая [Горбунов, Тишкин 2003; Тишкин, Горбунов, 2002; 2005: 161-163]. Важной особенностью обозначенной территории является то, что влияние на обрядность других культур, традиций кочевников было сведено к минимуму. Это особенно заметно при сравнении с политической

историей Тувы и Минусинской котловины в раннем средневековье. Кроме того, Горный Алтай, по всей видимости, являлся местом формирования тюркского этноса и культуры [Горбунов, Тишкин 2002; Тишкин 2007: 192-194]. Важным обстоятельством является тот факт, что именно на этой территории исследовано наибольшее количество памятников раннесредневековых кочевников. Все перечисленные обстоятельства позволяют предполагать, что в Горном Алтае может быть зафиксирован погребальный обряд кочевников тюркской культуры в наиболее «чистом» виде. Разработанность хронологии, в свою очередь, позволит приблизиться к разрешению вопросов, которые обозначились в ходе изучения особенностей ритуала номадов.

В первую очередь нас интересует выявление зависимости во времени существования «северного направления» в обряде кочевников, так как очевидно, что традиция ориентации умерших на восток присутствовала на всех этапах развития культуры. Имеющиеся материалы не позволяют говорить о прямой связи между рассматриваемыми показателями. Случаи меридионального направления человека и животного в курганах тюркской культуры Горного Алтая появляются на кудыргинском этапе и существуют до конца I тыс. н. э. Не выявлено явных закономерностей и в их географической локализации, хотя несколько больше подобных объектов в юго-восточной части рассматриваемого региона [Серегин 2010].

В то же время нельзя однозначно распространять сделанные выводы и на все остальные территории распространения тюркской культуры. В данном случае необходимо учитывать специфику каждой области в плане наличия этнокультурных контактов во второй половине I тыс. н. э. В частности, неоднозначной представляется ситуация с погребениями тюркской культуры Тувы. Дело в том, что эта территория, по мнению многих исследователей, была подвержена наиболее сильному влиянию уйгурской культуры. Данное обстоятельство могло определенным образом повлиять и на обрядность тюрок. Осложняет ситуацию то, что на сегодня нет единой точки зрения по поводу выделения погребений обозначенной общности [Кызласов 1969, 1981; Гаврилова 1974; Худяков, Цэвэндорж 1982; Варламов 1987]. Можно утверждать, что многие проблемы в этом отношении будут решены при уточнении периодизационной схемы развития тюркской культуры на территории Тувы.

Рассмотрение основных элементов ритуала населения тюркской культуры Саяно- Алтая позволяет сделать ряд предварительных выводов. При этом необходимо учитывать, что приведенные цифры могут впоследствии быть скорректированы с привлечением новых материалов, недоступных прежде источников и др., однако выявленные тенденции, судя по всему, сохраняют актуальность.

Так представляется возможным обозначить две группы памятников, различающихся по ряду показателей, причем выявлена их территориальная обособленность. Для первой группы характерна ориентация человека в восточный сектор горизонта, противоположное направление лошади (овцы) и расположение животного слева от погребенного. Подобный набор признаков можно считать стандартом погребального ритуала для тюрков Горного Алтая (53 %) и Тувы (60,78 %). К первой группе также относится большинство памятников, исследованных на территории Монголии. Вторая группа отличается тем, что человек и животное ориентированы на запад с отклонениями, причем лошадь (овца) находится справа от погребенного. Подобная ситуация является характерной для кочевников Минусинской котловины (49,25 %). Обратим внимание на то, что выявленные различия в погребальном ритуале являются важным положением для обоснования «минусинского» локального варианта тюркской культуры [Серегин 2009б].

Помимо преобладающей восточной (в Туве и Горном Алтае) и западной (в Минусинской котловине) ориентации погребенных выделяется северное направление, которое условно можно считать самостоятельной традицией.

Исследователями не выявлено прямой зависимости между хронологической позицией погребения и ориентировкой человека и животного. Однако нельзя исключать, что впоследствии возможно обозначение некоторых закономерностей, причем наибольшие перспективы представляет изучение памятников Тувы. Различные отклонения в ориентации и положении человека и животного, учитывая сложную этническую и политическую ситуацию в Южной Сибири в раннем средневековье, могут быть связаны с особенностями этнокультурных контактов.

Некоторые специфичные элементы ритуала раннесредневековых кочевников могут быть связаны с традициями, отмеченными в ходе исследования погребений булан-кобинской культуры населения Горного

Алтая «гунно-сарматского» времени. Основные показатели обрядности, характерные для населения тюркской культуры, сформировались уже на раннем этапе ее существования [*Серегин* 2010].

Погребения людей без сопроводительного захоронения животного не могут быть объяснены только лишь разницей в социальном статусе кочевников. В то же время количество лошадей являлось одним из показателей социального и имущественного статуса умершего.

Традиция совершения сопроводительного захоронения лошади в погребальном обряде кочевников тюркской культуры требует дальнейшего рассмотрения и интерпретации. Нами отражены только некоторые аспекты, связанные с этим компонентом ритуала номадов. Необходимо добавить, что захоронение лошади является этносоциальным маркером обряда раннесредневековых кочевников.

В связи с этим весьма перспективно изучение одиночных погребений тюрков Саяно-Алтая, уже упомянутых в данной работе. В настоящее время обозначенная особенность ритуала номадов не получила должного объяснения и исследована явно недостаточно. Большинство специалистов одиночные погребения в культуре кочевников раннего средневековья связываются с обрядовой практикой, характерной для населения предшествующего времени, сохранившего традиции, не характерные для «алтайских тюрков» [*Кызласов* 1969: 22-23; *Длужневская, Овчинникова* 1980: 83; *Нестеров* 1990: 50]. Это требует целенаправленного рассмотрения с учетом новых материалов и принятия во внимание специфики развития населения конкретной территории. Необходимо также специальное изучение вопросов, связанных с рассмотрением проявления половозрастной дифференциации в ритуале населения тюркской культуры [*Серегин* 2010].

Скифо-хуннский пласт в погребально-поминальной обрядности у тюркоязычных народов Саяно-Алтая и Сибири. Впервые скифо-хуннский пласт в палеоэтнографии якутов был изучен А. И. Гоголевым. Исследователь отмечает, что погребальный обряд во всем его комплексе является одним из устойчивых элементов традиционной культуры любого народа и менее всего подвержен модернизации [*Гоголев* 1993: 20,200].

Вид погребального сооружения во многом определялся господствующей религиозно-мифологической концепцией [*Стручкова*

2015]. Следует отметить, что тюркоязычные народы Сибири придавали большое значение почитанию солнца, обожествляли его. Все ритуальные действия напрямую были связаны с обрядовым поклонением солнцу. Данные обычаи восходят к древней культуре племен скифского времени, о чем свидетельствуют открытые на территории Тувы и Западной Монголии храмы Солнца, сооруженные ранними кочевниками [Гоголев 1993: 20,200]. Значимое место в мифологии древних номадов уделялось культу коня. Конь в религиозно-мифологической концепции ранних кочевников имел божественное происхождение. А. И. Гоголев считает, что почитание солнца и лошади является частью ритуально-мифологических представлений, существовавших у древних индоевропейских племен. В «Авесте» эта связь выражается следующими словами: «Солнце сияющее, бессмертное богатое... быстрыми конями мы почитаем» [Гоголев 1993: 20,200]. Религиозные представления тюркоязычных народов Сибири о рождении и смерти человека были построены на обрядовом поклонении солнцу и напрямую отражались в погребально-поминальной обрядности.

К сохранившимся пережиткам культа солнца у народов Южной Сибири и Центральной Азии можно отнести обычай сожжения надмогильных сооружений, разведения кострищ над могилами и засыпки их горящим костром, углями, золой. При этом погребенные сильно обгорали, не исключено, что в идеологических представлениях этих кочевых племен, объединенных савроматской культурой, центральное место занимал комплекс «солнце-свет-огонь» [Смирнов 1989: 165]. Существуют сведения о трупосожжении у якутов вплоть до XVII века. И. В. Константиновым были обнаружены останки коня, а также обожженных стремян, удила, крюка передней луки седла в захоронении Тюнъюлонского наслега Мегино-Кангаласского района [Алексеев 1980: 320]. Р. И. Бравина ссылается на архивные данные XVII-начала XVIII вв., где приведены сведения о наличии обряда трупосожжения убитых у хакасов. Исследователь приводит сведения о существовании обряда трупосожжения на территории Якутии еще до прибытия Омогой Бая и Эллэй Боотура на Лену. Р. И. Бравина считает, что традицию трупосожжения якуты восприняли у курыкан Прибайкалья. Курыканы в свою очередь, вероятнее всего, переняли эту традицию у енисейских кыргызов [Бравина 2008].

М. Г. Мошкова связывает постройку надмогильных сооружений с культом предков у савромато-сарматских племен. Явственно выступающая по археологическим данным забота об умершем члене семейно-родового коллектива свидетельствует о бытовании представления о посмертном существовании умершего. С этими представлениями связано сооружение сложных погребальных камер, напоминающих иногда жилища кочевников (шатровые деревянные перекрытия над могилой). Погребальные сооружения кочевников Алтая в виде четырехугольной срубной избушки В. Д. Кубарев связывает с племенами «теле» и «тугю». С. Ю. Гуцалов считает, что к погребальным традициям кочевой элиты относятся мощные надмогильные деревянные сооружения, сопровождающие человеческие погребения, захоронения в насыпях лошадей [Гуцалов 2003].

К следующему виду погребального сооружения относятся сооружения околомогильного пространства (ограды, коновязи *сэргэ*, ритуальные деревья *куочай*). Первые археологические данные о существовании коновязей свидетельствуют о том, что их использовали в погребальном обряде ранних кочевников, начиная с первой половины I тыс. до н. э. *Сэргэ* – коновязь, играла роль, прежде всего, связанную с ее основной семантикой как символ очага – дома – семьи, утверждающего право владельца на территорию, где она поставлена. С. С. Сорокин отмечает, что камни и стелы являлись археологическими аналогами *сэргэ* как символа очага, дома и свидетельства права на территорию. На могильных полях такого рода памятники фиксировали присутствие семейных, родовых или племенных групп на похоронах и поминках и располагались на местности в соответствии со строго установленным иерархическим порядком [Сорокин 1981]. Обычай сооружения *сэргэ* в погребальном комплексе у якутов А. И. Гоголев сравнивает с индоарийским обрядовым обычаем привязывания коня к конскому столбу в Ригведе, приносимого богу солнца, функционально отождествляется с мировым деревом (др. инд. *asvatha*, буквально «дерево коня»). При этом части тела конской жертвы ассоциировались с элементами космоса: передняя часть с востоком, задняя – с западом, четыре ноги – четыре угла света, голова – небо, тело – земля, хвост – нижний мир [Гоголев 1993: 20,200]. Аналоги *сэргэ* существуют у алтайцев и казахов. Р. И. Бравина считает, что термин «*сэргэ покойника*» выступает в роли неперемennого элемента загробного «жилья» мертвого. Якутские надмогильные *сатанах сэргэ* носили риту-

альную функцию в совершении похоронного обряда. По некоторым сведениям, к надмогильному *сатанам сэргэ* привязывалась жертвенная лошадь, которую после забивания с лучшей сбруей закапывали рядом с покойником [Бравина 1996: 232]. С. В. Иванов приводит значение слов *сэргэ* (якут. *сэргэ* – ряд; бурят. *зэргэ* – ряд; монг. *ергэ* – ряд, порядок; тюрк. *арга* – круг, ряд) [Иванов 1976: 213-232].

Следующим типом сооружений околмогильного пространства является *куочай*. *Куочай* – палка длиною в сажень, отделанная в виде стрелы и надетая высоко над землей на сучок между ветвями какой-либо старой ветвистой лиственницы, на которой шаманы вешают шкуру жертвенной скотины. *Куочай* ставили около захоронения шаманов. Аналогии сооружению *куочай* встречаются у кумандинцев, северных алтайцев, бурят, монголов. В местности Алаас Эбэ в Кытанахском наслеге Чурапчинского улуса вокруг надмогильного сооружения человека были обнаружены останки 12 выставленных чучел лошадей белой масти. А. И. Гоголев сопоставляет данное захоронение с захоронениями скифской знати, которые описал Геродот: на могилах устанавливались чучела умерщвленных лошадей, которых привязывали за конец повода к столбам коновязи [Гоголев 1993: 20,200].

В погребальных сооружениях одно из центральных мест занимают могильные ямы. Р. И. Бравина отмечает возведение над местом погребений насыпи из камней, но это не подтверждается ни этнографическими, ни археологическими памятниками [Стручкова 2015].

Якутские надмогильные сооружения в старину обозначались словом *мэнэ* (вечный; памятник), которое имеет древнетюркскую параллель *бэнгу*, *мэнгу* (*эр мэн-гу* – памятник герою, *бэнгу* – вечный памятник) [Бравина 1996: 232]. В родовом кладбище Ат Дабаан расположение камней в захоронении носило подчеркнуто ритуальный характер. Использование овальных камешков-галец встречается в захоронениях савромато-сарматов, саков, в некоторых могилах хунну в Забайкалье, в могильниках Кудыргэ и Кокэль. Камень выступал своеобразным символом скотоводческой культурно-исторической общности. К. Ф. Смирнов отмечает, что в Поволжье, где камня почти нет, в савроматское время встречается обычай сооружения каменных курганов. Обнаружены насыпи каменных куч в курганном могильнике у с. Аксенова (IV-III вв. до н. э.) в междуречье

Волги и Дона, в данных ритуальных действиях прослеживается связь с савроматскими обычаями возложения камней [Бравина, Попов 2008].

У тюркоязычных народов Сибири был широко распространен обычай погребения умершего в колоде. Р. И. Бравина относит ящик-гроб и колоду к древнейшему варианту внутримогильных конструкций хунну [Бравина, Попов 2008].

Одним из важных элементов погребального комплекса народов Южной Сибири и Центральной Азии является сопроводительный инвентарь. Наличие отрезанных кос в якутских погребениях отмечает Р. И. Бравина. Она соотносит обычай оставлять косы в погребениях с традицией обрезания волос у хуннских женщин, похоронивших мужа [Бравина, Попов 2008]. В. Е. Васильев считает, что данная традиция является видоизменившимся обрядом трепанации черепа у алтайских скифов. Для проведения этой операции саки брили голову покойника, а волосы клали в могилу [Васильев 1997: 88-92].

В скифских захоронениях распространен ритуал помещения под голову умершего седла, уложенного наподобие подушки. Следует отметить, что седло играло важную роль в культуре скотоводческих народов и являлось обязательным атрибутом сопроводительного инвентаря. Тувинцы в качестве подушки использовали «сыртык», изготовленные из кожи и материи. К тому же тувинцы хранили в сыртыках семейные реликвии и ценные вещи: пуповины, первые срезанные детские волосы, огниво, бусины. Как отмечает ряд исследователей, корни обычая уходят в скифскую эпоху Саяно-Алтая. Именно для этого периода в Туве археологи зафиксировали размещение черепов погребенных на плоских камнях или плитках, иногда обложенных травой. В то же время, как отмечает Г. В. Кубарев, на Алтае в курганах были найдены настоящие бытовые вещи: войлочные, кожаные и берестяные подушки, а также аккуратно сделанные деревянные подголовники, порой помещенные в чехлы из кожи и меха. Позднее в хуннских и средневековых погребениях Тувы каменные «подушки» отмечаются уже эпизодически [Вайнштейн 1991: 296]. Дьяконова отмечает, что «подушки» фигурировали при похоронах детей, шаманов и сильных лам. Эта особенность, по-видимому, отражает исключительность данного элемента в погребальной обрядности тувинцев. Со временем, с проникновением буддизма, архаичные обычаи дотюркского времени перестали пользоваться широкой популярностью

у населения и были вытеснены новыми буддистскими ритуалами погребения, стали применяться только к определенным группам людей. Укладывание головы умершего на седло или буддистскую книгу, без сомнения, является поздней трансформацией ранней традиции, когда усопшим подкладывались каменные или деревянные подголовники. На основании археологических исследований можно заключить, что обычай использования седел в качестве подголовника покойного был принесен в Туву монголами в XIII в. Данный обряд практиковался в узком кругу и имел особое значение [Стручкова 2015].

В якутских захоронениях также был распространен обычай подкладывания подушки покойному. Якутские подушки представляли собой прямоугольные обрубки дерева. В словаре Э. К. Пекарского приводится специальный термин «сыттык» в значении подушка в гробу, состоящая из куска дерева. В отличие от тувинцев якуты сохранили традицию, заложенную скифами, – подкладывать подушку под голову покойного.

К отдельным структурным компонентам погребений следует отнести захоронения животных. В данном случае мы будем рассматривать захоронения с конем, получившие широкое распространение у тюркоязычных народов Сибири. Начиная с VII-V вв. до н. э. археологические памятники свидетельствуют о чрезвычайно развитом скотоводстве и о кочевом образе жизни основной части населения степных и горно-степных районов Казахстана и Сибири [Грязнов 1939: 400]. Мировоззрение индоиранцев оказало существенное влияние на духовный мир наследников степной культуры ранних кочевников. А. И. Гоголев почитание коня у тюркоязычных народов Сибири относит к древней культуре индоиранских племен (I тыс. до н. э.). Массажеты, по сообщениям Геродота, объясняли конское жертвоприношение солнечному божееству тем, что «быстрейшему божееству полагается быстрейшее животное» [Гоголев 1993: 20,200]. Характерно, что верхового коня, которого отдавали умершему, якуты, хакасы и алтайцы называли общим термином *хайлага*, *хольдуга* (як.), *хойлага* (хаю), *хойло ат* (алт.) [Алексеев 1980: 320]. Всего на территории Якутии обнаружено 25 захоронений с конем, из них 23 – в отдельной яме [Бравина, Попов 2008]. В якутских захоронениях преобладает труположение лошади на левом и правом боку. В двух погребениях кони лежат на боку с подогнутыми ногами. Схожий способ

захоронения коня был распространен в среде скифо-сакских кочевых племен Евразии в VIII-III вв. до н. э., где аналогичным способом коня помещали в могильную яму на животе с подогнутыми ногами [Гоголев 1993: 20,200].

По заключению Н. А. Алексева, все тюркоязычные этносы, за исключением северных алтайцев и шорцев, наделяли умершего верховым конем. Коня хоронили в земле, в отдельной от покойного могиле якуты, южные алтайцы и тувинцы. Причем все они хоронили их без седла, поскольку клали его в могилу умершего [Алексеев 1980: 320]. Следует отметить, что сооружение отдельных могил для лошадей было характерной чертой Майэмирского этапа эпохи ранних кочевников (VII-V вв. до н. э.) [Грязнов 1939: 400].

Р. И. Бравина приводит сравнение якутского погребения, где на крыше гроба была положена шкура лошади (с. Ханалас Нюрбинского улуса), с уйгурскими погребениями, где аналогичным образом помещена шкура лошади периода возвышения Уйгурского каганата (VII-VIII вв.) [Бравина, Попов 2008]. По мнению В. П. Дьяконовой, якутские и южно-алтайские погребения с конем свидетельствуют об участии в этногенезе данных народов древних тюрков-туго [Дьяконова 1975: 45].

В.Е. Васильев приводит сведения о сохранившемся по настоящее время ритуальном убийстве коня во время похорон у верхоянских якутов. Сельчане во время похорон забивают коня, череп с копытами вешают на деревьях [Васильев 2011: № 2 (3), 125-130].

Таким образом, пережитки древних культур скифов и хунну сохранились в погребальной обрядности тюркоязычных народов Сибири. Следует отметить, что существовавшая с VIII по VI вв. до н. э. культура ранних кочевников оставила неизгладимый след в культуре последующих скотоводческих народов Сибири и Средней Азии. В ритуальной практике данных народов сохранились древние традиции, характерные для древних кочевников. Ярким примером могут послужить захоронения с конем, распространенные на территории Горного Алтая и Минусинской котловины в I тыс. до н. э. Следует отметить, что обычай возведения надмогильных и околomoгильных сооружений у тюркоязычных народов Сибири является феноменом, характерным для древнего кочевого сообщества скифской культуры. Характерное для якутов захоронение покойных в гробах-колодах берёт своё начало с хуннского периода.

Некоторые предметы сопроводительного инвентаря, отражающие компоненты скифо-хуннского этапа, сохранились в палеоэтнографии вышеуказанных народов. Следует отметить, что подкладывание косы покойному является пережитком традиции ранних кочевников Алтая. Обычай подкладывания подушки в погребение, как отмечает ряд исследователей, является древним обычаем, уходящим корнями в скифское время. В отличие от алтайцев, тувинцев, хакасов, в погребальной обрядности якутов сохранились обряды, не претерпевшие существенных изменений, в частности к данному явлению можно отнести сохранившееся обрядовое почитание солнца и лошади вплоть до XIX века. Данные параллели в погребальной обрядности якутов и народов Саяно-Алтайского региона через древнетюркское преломление отражают единый генезис, восходящий к одной древней кочевой культуре. В связи с отдаленностью территории Якутии возможно сохранение в материальной культуре пережитков древнего очага цивилизации, ранее локализованного на территории Саяно-Алтая [*Стручкова 2015*].

Таким образом, сформировавшаяся скотоводческая модель культуры ранних кочевников скифо-сибирского мира стала базовой основой в формировании тюркоязычных народов Сибири через древнетюркское преломление. Это особенно наглядно проявляется, прежде всего, в погребальной обрядности данных народов как наиболее архаической части традиционной культуры.

ГЛАВА 3. ТРАДИЦИОННОЕ ЖИЛИЩЕ ДРЕВНЕГО И СОВРЕМЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ

С точки зрения климата, территория Республики Алтай довольно суровый регион. Из-за особенностей географического расположения и сложного рельефа, климат разнообразен. Если говорить в общем, то климат региона, как известно, резкоконтинентальный. Для него характерна не только большая разница средней летней и зимней температуры, но и значительно отличающиеся дневные и ночные температуры. Проявляются здесь и различия местных климатов долин и котловин. Это связано с влиянием на климат макрорельефа, мезорельефа и микрорельефа. В общем, по температурным условиям холодного периода выделяется семь типов климата, а по местным условиям формирования режима температур выделяется 15 подтипов [Модина 1997: 115, 118]. Средняя температура января на юге, в Чуйской котловине, составляет около -32°C , а абсолютная температура до -55°C и ниже. На севере региона температурные показатели выше.

Максимальная продолжительность солнечного сияния характерна для высокогорных котловин Юго-Восточного Алтая (более 2600 часов в год), а минимальное количество солнечного света попадает в узкие крутые долины, такие как каньоны рек Чулышман и Аргут, продолжительность солнечного сияния в которых составляет всего около 1300 часов в год. Над территорией Горного Алтая происходит довольно частая смена воздушных масс, различающихся своими физическими свойствами, что связано с расположением региона на стыке различных физико-географических областей [Модина 1997: 26]. Разнообразие в движение воздушных масс вносят местные циркуляции – периодические горно-долинные ветры – *фены*.

Из-за суровых климатических условий население Алтая было вынуждено с древности сооружать жилища, способные сохранять жителей от зимних морозов, летней влаги и ветров. Впрочем, кроме обусловленности особенностей конструкции жилища климатом региона, на его конструкцию также влияли и другие факторы. Если люди жили небольшой семьей, то и дом им был нужен также небольшой. Для большой семьи дом должен быть соответствующим, то есть форма семьи во многом обуславливала тип дома или, по крайней мер, его размеры. Обычно выделяют два типа семей. Первый тип семьи – семьи, состоящие из двух

поколений – родители и дети, по-другому такую семью еще называют *нуклеарной*. Второй тип – сложная или большая семья, состоящая из трех и более поколений (бабушки, дедушки; родители; дети). В соответствии с типом семьи сооружалось жилище. То есть размер жилища обусловлен социальным заказом [Массон 1976: 110] и изменения типа жилища связаны с социально-экономическими изменениями.

С другой стороны, архитектурные традиции довольно консервативны и устойчивы внешним изменениям. Даже при появлении новых строительных форм и технологий домостроительства отдельные традиционные архитектурные элементы могут переноситься на новые строительные формы.

Жилище как комплекс является одним из важнейших археологических источников, ведь в нем хранятся следы повседневной жизни человека, позволяющие понять особенности образа жизни, быта и хозяйства древних и средневековых обществ. Особенно актуально изучение древних жилищ для истории Алтая, ведь древние периоды истории этого региона, за исключением каменного века, исследовались в основном по погребальным памятникам. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, это сложившиеся в процессе изучения археологии Алтая исследовательские традиции. С самого начала алтайская археология сложилась как курганная. Во-вторых, объективной причиной является сложность исследования поселенческих памятников Алтая. Из-за особенностей сложного горного рельефа, здесь не так много удобных мест для поселков. Поэтому обычно один и тот же участок заселялся по несколько раз в разные исторические периоды, и известные на сегодняшний день поселения практически все являются многослойными, то есть включают материалы сразу нескольких периодов, начиная с каменного века и до современности. Часто разделить материалы разных периодов довольно трудно, поскольку грунт на поселениях обычно сильно перемешан. В-третьих, не всегда удается выявить следы жилищ при раскопках древних поселений. На этом моменте необходимо остановиться более подробно.

Итак, что же представляют собой остатки древних жилищ, которые фиксируют археологи. В зависимости от типа строения, его следы будут различаться. Если население пользовалось переносными жилищами, к примеру, решетчатой юртой, то спустя короткий промежуток времени после нее не останется ни каких следов за исключением очага и

прокаленного под ним грунта. В этом случае следы жилища при раскопках выявить не удастся. От стационарных жилищ, не имевших полов и которые использовались длительный период времени, остается котлован. Пол жилища вытаптывался и становился ниже поверхности земли вокруг жилища. Кроме того, поверхность земли вокруг жилища повышалась в процессе почвообразования, а поскольку процесс почвообразования внутри жилища происходил по другой, более медленной схеме, происходило «углубление» котлована жилища. Особенности домостроительных технологий, применявшихся при сооружении жилища, также отражаются на следах, фиксирующихся археологически. Если жилище было каркасно-столбовым, то кроме котлована, обычно прослеживаются ямки, в которые вкапывались столбы каркаса жилища. Обычно в средней части жилища находился очаг. Если жилище было большим, то очагов устраивалось несколько.

Прежде чем перейти к древним алтайским жилищам, необходимо сделать небольшой обзор, какие типы жилищ существуют. По сроку использования они бывают постоянными, временными и убежищами; по расположению относительно поверхности земли наземными, полуподземными и подземными; по конструкции жилища делятся на каркасные и срубные [*Историко-этнографический атлас Сибири* 1961: 132]. Также необходимо отметить, что жилища бывают стационарными (срубные строения) и переносными (войлочная решетчатая юрта). Конечно, мы не рассматриваем нетипичные для Алтая типы жилищ, таких как свайные и подвижные жилища (нартенные чумы и т.п.).

Первоначально для защиты от непогоды человек мог сооружать кратковременные убежища и использовал естественные укрытия – пещеры, гроты и т.п. Постепенно, с развитием человеческой мысли и социальных отношений, люди стали строить долговременные жилища. В нашем регионе археологи исследовали ряд самых ранних кратковременных стоянок. Правда на них не найдены следы жилищ, а обнаружены только орудия труда и другие изделия, отходы производства, кости животных, также довольно часто фиксируются следы костров. Известны и пещерные стоянки – Денисова, Усть-Канская, Малояломанская пещера и другие. Одним из самых ранних на Алтае строений является жилище на поселении в устье реки Куюм, правого притока Катуня [*Жунгурова* 1994].

Мезолит. В 1980-е гг. рядом с селом Усть-Сема, на противоположном берегу реки Катунь, исследовалось поселение, относящееся к мезолиту

– среднему каменному веку (X-VII тыс. до н.э.) [Кунгуров 1997]. На поселении удалось зафиксировать следы конусообразного жилища. Остов жилища составляли жерди, вкопанные в землю. Эти жерди покрывались каким-то материалом (шкурами животных или древесной корой), снаружи жилища, с одной стороны была насыпана небольшая завалинка. В центре жилища располагался очаг. Судя по всему, дым выходил в дымовое отверстие в крыше.

Это тип жилища один из самых простейших и древнейших жилых строений. Такие жилища использовались вплоть до современности. У алтайцев похожий вид жилища получил название *чадыр* или *аланчык* [Тоцакова 1987: 81]. Изготовление такого жилища – довольно трудоемкий и занимающий значительное количество времени процесс. Основные этапы строительства описаны этнографами [Тоцакова 1987: 82-83] и включают в себя заготовку строительного материала (кора лиственницы, жерди, прутья); подготовку материала к строительству; непосредственно строительство.

Неолит. Жилища заключительного периода каменного века – неолита, исследованы на поселении Тыткескень-2, расположенном в месте впадения одноименной реки в Катунь. На поселении было исследовано три жилища – два раннего и одно позднего неолита [Кирюшин К., Кирюшин Ю. 2008]. Из двух ранних жилищ проследить конструкцию удалось только для одного жилища. Котлован жилища имел овальную форму и был заглублен в землю на 0,2 м. Размеры жилища составили не менее 15х7,5 м. Вокруг котлована прослежены столбовые ямки. Внутри жилища было обнаружено десять прокалов – следы кострищ, и производственная площадка – специальное место, на котором изготавливались каменные орудия труда.

Жилище позднего неолита на поселении Тыткескень-2 (жилище №2), было практически в два раза больше первого жилища. Его размеры составляли 21х16 м, внутри обнаружены очаги, обложенные камнем, производственная площадка с плоскими камнями – наковальнями. По контуру также были выявлены столбовые ямки, что свидетельствует о каркасной конструкции жилища.

Судя по всему, оба этих жилища были каркасными, в столбовые ямки устанавливались деревянные жерди или столбы – остов жилища. Остов могли покрывать либо древесной корой (лиственной, сосновой или берестой), либо шкурами животных.

Энеолит. На поселении Тыткескень-6 раскопаны остатки стационарного жилища полуземляночного типа, предположительно прямоугольной формы и размерами примерно 30х35 м. Котлован заглублен в землю на 0,4-0,5 м [Кирюшин Ю. 2002: 31]. На поселении Тыткескень-2 изучено стационарное жилище овальной формы и размерами 16х10 м (вытянуто по линии С–Ю), котлован заглублен 0,15 м. Столбовые ямы по контуру жилища с внутренней и внешней стороны, очаги, каменные конструкции. Также здесь зафиксированы следы четырех «легких» наземных жилищ прямоугольной формы 3х3,5 м. По периметру мелкий камень. Внутри каждого жилища очаг. Жилища вытянуты в цепочку по линии СЗ–ЮВ.

Большие жилища были каркасно-столбовыми, содержали несколько очагов. Очевидно, в одном большом жилище проживали большие семьи. Малые квадратные строения с одним очагом, остатки которых исследованы на поселении Тыткескень-2, имели площадь всего около 10 кв. м. Они могли выполнять функцию жилища для простой семьи, т.е. супружеской пары с детьми, либо имели хозяйственное назначение.

Эпоха бронзы. В разных районах Алтая исследованы поселения афанасьевской культуры. Однако остатки жилищ исследованы только в двух пунктах. На поселении Кара-Тенеш исследованы два углубленных жилища с очагами выложенными камнем, а на стоянке Юстыд-1 изучен котлован землянки. На других поселениях зафиксированы лишь очаги, однако следов жилищ найдено не было. Так, на поселении Узнезя выявлено шесть очагов, семь прокалов, зольник и угольное пятно. На поселении Малый Дуган также обнаружены только очаги. На поселении Балыктуоль зачищено два очага, рядом с одним был закопан сосуд. Очевидно, что в этих случаях жилища были наземными и, возможно, из-за их непродолжительного использования не осталось котлована.

Имеются упоминания о раскопках четырех жилищ на поселении в устье реки Куюм, однако результаты раскопок полностью не опубликованы. Упоминается, что одно жилище было двухкамерным, еще два имели размеры около 10х10 м [Кунгурова, 1991; Кирюшин Ю., 2002, с. 75].

К эпохе поздней бронзы относится жилище, исследованное на поселении Майма-ХII. Сообщается, что в жилище зафиксировано два очага, вход коридорного типа был с восточной стороны. Зафиксировано 16 ямок, в которые вкапывались столбы каркаса жилища [Киреев и др. 2002; Киреев и др. 2008: 36].

Ранний железный век. Несколько жилищ скифского времени изучены на древних поселках у села Майма. На поселении Майма-III раскопано три жилища, а на поселении Майма-XVIII исследовано одно жилище [Киреев и др. 2008: 38; Киреев и др. 2008: 26, рис. 37]. Жилища были округлые, имели каркасно-столбовую конструкцию. В центре жилищ располагались очаги, площадь жилища составляла около 100 кв. м. Жилища раннего железного века, исследовались также П.И. Шульгой на нескольких поселениях. Жилище на поселении Текпенек-Боочи-3 (долина реки Каракол) было прямоугольным, заглублено в землю на 0,3-0,35 м. В жилище обнаружен очаг, расположенный на глиняной подложке. На поселении Ело-5 найдены следы округлого жилища диаметром 5 м с двумя очагами. На поселении Эликмонар-4 частично выявлено жилище-полуземлянка площадью более 50 кв. м. в жилище был очаг, соединенный канавкой с ямой.

Жилища гунно-сарматского времени, то есть первой половины I тыс. н.э. изучены на поселении Урлу-Аспак [Акимова 2008] и городище Черемшанка [Киреев 1991; Киреев 1995; Киреев и др. 2008: 64]. На Урлу-Аспак контур жилища выявить не удалось, однако были зафиксированы остатки отопительной системы в виде очага с канавками. На Черемшанском городище раскопано прямоугольное жилище примерными размерами 5x5 м, заглубленное в землю.

Жилища эпохи средневековья не выявлены на исследованных поселениях. На Яломанском городище, датировка которого не ясна, но часть исследователей относят к раннему средневековью, прослеживается ряды насыпей – на которых располагались жилища. Однако раскопки этих насыпей не позволили определить, какие именно жилища были на городище. Не дали раскопки и материала, позволившего бы датировать городище в целом, поэтому на сегодняшний день вопрос времени его функционирования остается открытым.

Итак, небольшой обзор исследованных древних поселений показал, что существовали разные формы жилищ. Одной из важных характеристик традиционного жилища является его планировка. Обычно принято противопоставлять традицию круглых строений и прямоугольных. К примеру, традиционно для современных народов Саяно-Алтая и Центральной Азии, в том числе и алтайцев, характерна модель жилища, имеющая в плане форму круга. В древности же на территории региона существовали как круглые/округлые жилища, так и прямоугольные. Часто

отличия типов жилищ были связаны с их сезонностью – летние жилища были легкими, зимние жилища строились более «капитальными», теплыми.

Зафиксированные остатки жилых строений на древних поселениях Алтая в основном связаны с каркасно-столбовой технологией строительства. Многие из этих поселений можно отнести к категории полуземлянок. Очевидно, что на многих памятниках жилища не удалось зафиксировать только из-за того, что это были наземные постройки – срубные дома, каркасно-жердевые постройки, переносные юрты и т.п.

Погребальные конструкции как источник по изучению строений. Важным источником по реконструкции особенностей домостроительства являются деревянные погребальные конструкции в курганах пазырыкской культуры. внутримогильные сооружения пазырыкской культуры представлены деревянными срубами, опущенными в глубокие ямы. Причем срубов в знатных погребениях могло быть два – внешний, защищавший внутреннюю часть погребальной камеры. Внутри внешнего сруба находился еще один сруб, внутри которого было совершенно погребение человека. Внутренний сруб перекрывался сверху накатом из бревен, поверх которых делался настил бересты, затем слой ветвей курильского чая. Сверху потолок был перекрыт пластинами коры лиственницы [Кызласов 2005: 20].

Особо нужно отметить находку 38 бревен от многоугольного жилища в перекрытии могилы в кургане 1 могильника Ак-Алаха-1 [Полосьмак 2001: 48]. Эти бревна имели пазы, вырубленные под углом, которые не имели связи с погребальной конструкцией. Бревна имели толщину 16-20 см. Судя по всему, при строительстве кургана были использованы бревна от разобранного старого многоугольного жилища. Видимо старое жилище использовалось при строительстве Первого пазырыкского кургана. В этом кургане погребение находилось в камере из двух прямоугольных срубов, внутренний сруб, имевший прорубленный дверной проем, вероятно, первоначально являлся частью настоящего жилища [Мыльников 2008: 47].

Прослеженные по пазырыкским материалам деревообрабатывающие операции, показали высокий уровень мастерства строителей того времени, зафиксировано 30 способов только вязки углов погребальных срубов, не говоря уже о других технологических приемах. Судя по всему, срубные постройки были широко распространены. Однако

от них на поселении обычно не оставалось никаких следов. Поэтому археологи при раскопках древних поселений не могут выявить контуры жилища, и довольно часто это объясняется исследователями тем, что использовались переносные жилища типа юрты.

Наскальное изображение жилища эпохи раннего средневековья.

На памятнике наскального искусства Бичикту-Бом академик А.П. Окладников скопировал интересную выгравированную сцену, относящуюся к эпохе раннего средневековья [Кубарев Г. 2003]. В сцене изображены мужчина и женщина, сидящие в жилище. Рядом с жилищем нарисована лошадь. Рисунок схематичный, но по нему можно определить форму нарисованного жилища. По мнению Г.В. Кубарева, на рисунке изображена юрта, что подтверждается обозначенным дымоходным отверстием, полом и общими очертаниями. По нашему мнению, совсем не очевидно, что в бичиктубомской сцене нарисована именно юрта. Рисунок близкого по очертаниям жилища известен на Малой Боярской писанице в Хакасии, причем жилище там прорисовано как срубное [Дэвлет 1976: табл. VII]. Стараясь показать внутреннюю часть жилища, художник на Бичикту-Боме не имел возможность изобразить его стены. Поэтому вопрос о типе этого жилища остается открытым.

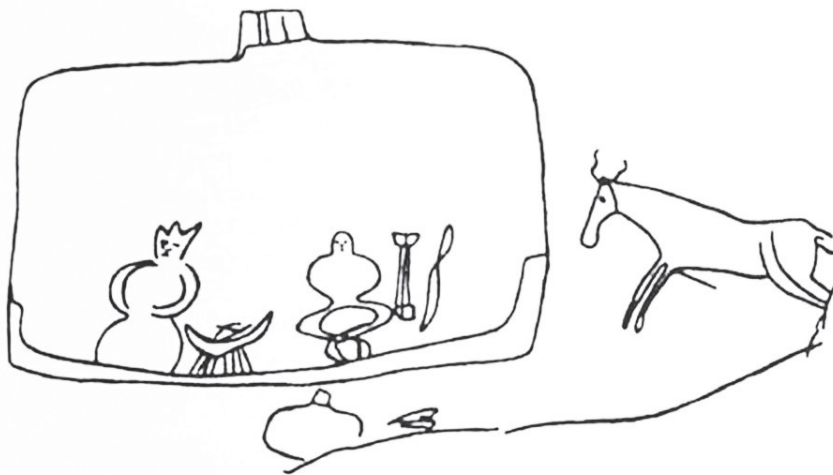

Рисунок из Бичикту-Бома (по Г.В. Кубареву)

Отопительные системы. Конечно, одних только крыши и стен для жизни в холодном климате было недостаточно, поэтому обязательным атрибутом жилища издревле являлся очаг. Кроме обогрева очаг также был необходим для приготовления пищи и других хозяйственных целях. Важность очага и огня в целом, в жизни древних и традиционных обществ подтверждается его священностью в религиозных представлениях большинства народов.

Существует большое разнообразие форм очагов. При раскопках на территории Алтая на более 20 древних поселениях обнаружены остатки очагов и кострищ. Очаг обычно располагались в средней части жилища, чтобы тепло доходило во все его части. В больших жилищах, устраивалось сразу несколько очагов. Наличие нескольких очагов в жилище, по мнению исследователей, может свидетельствовать о внутрисемейном делении [Нестерова 2015]. Часто очаги устраивались за пределами жилища.

Зафиксированы разные способы устройства очагов. Самыми популярными очагами были округлые устройства, однако на нескольких поселениях встречены и прямоугольные. Обычно очаги устраивались в ямках и обкладывались камнем, что было вызвано требованиями пожарной безопасности. На нескольких поселениях зафиксирована глиняная обмазка очага, а на трех поселениях обнаружены остатки печей с глиняной обмазкой [Шульга 2015: 29].

Уникальное отопительное сооружение были изучено горно-алтайскими археологами в Северном Алтае на поселении первой половины I тыс. н.э. рядом с селом Урлу-Аспак. Там была раскопана часть жилища с очагом, от которого отходили канавки, соединенные с ямой [Акимова 2007]. Судя по всему, это была отопительная система, при которой дым и согретый воздух выходят по канавкам под полом. Скорее всего, похожая система была зафиксирована на поселении Элекмонар-4, расположенном на Средней Катуні [Шульга 2015: рис. 616]. Аналогии отопительным каналам можно найти в этнографии дальневосточных и среднеазиатских народов, но для населения Алтая, так же как и для населения Сибири и Центральной Азии в целом, такие отопительные системы были не характерны. В Западной Сибири взаимосвязанные системы очагов, канавок и ям зафиксированы на поселениях андроновской культуры II тыс. до н.э. и были связаны с южным влиянием [Нестерова 2015: 12].

В нескольких случаях при раскопках рядом с очагами обнаруживались вкопанные керамические сосуды. Очевидно, что это

свидетельство каких-то ритуалов, жертва огню. Судя по этнографическим источникам, существовало большое количество разных запретов и правил, связанных с очагом. Так, у алтайцев и соседних народов запрещается лить в очаг воду [Тоцакова 1987: 97; Жуковская 2002: 18-19]. Нужно обязательно угощать огонь щепоткой талкана, кусочками мяса, брызгать молочные алкогольные напитки и т.п.

Вообще не только с очагом, но и с жилищем в целом связано много различных запретов и ритуалов. Это еще осталось в нашей обыденной речи и поведении: мы часто используем выражение «выносить сор из избы»; существует запрет разговаривать и здороваться через порог дома и т.п. Обычно целый ряд правил начинает действовать в случаях смерти кого-то из жильцов дома. Так, по сообщению этнографов, алтайцы выносили умершего из юрты не через дверь, а через отверстие в стене, созданное специально для этой цели [Тоцакова 1987: 144]. Вносить умершего нужно обязательно ногами вперед. Все эти ритуалы служили для ограждения жилого пространства жилища от смерти.

Алтайское традиционное жилище. Здесь мы уже вплотную перешли к этнографическим источникам. Попытаемся рассмотреть истоки традиционного алтайского жилища, зафиксированного разными исследователями в XIX – начале XX вв. Наиболее ранние описания алтайского жилища содержатся в работах Г.И. Спасского, К.Ф. Ледебура, А.А. Бунге, Г.П. Гельмерсена и других исследователей, посещавших Алтай в первой половине XIX века. В этих работах описаны жилища алтайцев, живших по Чарышу и в окрестностях Телецкого озера. Судя по описаниям К.Ф. Ледебура и А.А. Бунге, основной формой жилища, которые они встречали в 1826 году по Чарышу, были жердевые юрты, крытые войлочным полотнищем [Ледебур, Бунге, Мейер 1993: 80, 164]. Те же юрты, что «побогаче, были гораздо изящнее» и состояли из решетчатого каркаса, покрытого войлоком [Ледебур, Бунге, Мейер 1993: 167]. Г.П. Гельмерсен, совершивший поездку на Телецкое озеро в 1834 году, описывает два типа жилищ – конусообразные жилища из жердей, крытых берестой у населения, проживающего по Бии и конусообразные жилища, крытые войлоком в долине Чульшмана [Гельмерсен 1840а: 266; 1840б: 430, 437].

Во второй половине XIX века, совершивший исследовательские поездки по Алтаю В.В. Радлов описывал жилища северных алтайцев как крытые берестой. Такие же юрты он встретил рядом с православной

миссии в Онгудае и по Апшуяхте, где кроме того видел две «бревенчатых юрты» зайсана Курту и его брата и одну войлочную юрту [Радлов 1989: 22, 61]. Войлочные юрты исследователь отмечал в долине Чулышмана и по Урсулу [Радлов 1989: 25, 65].

Итак, как мы видим, основными типами жилищ в XIX веке были каркасные жилища из жердей, крытые берестой или войлоком и решетчатые юрты крытые войлоком. Судя по всему, в это время также были распространены каркасные жилища из жердей, крытые корой лиственницы, встречавшиеся другими исследователями [Гранё 2012: 167, 181]. Алтайские каркасные жердевые жилища, крытые берестой, лиственничной корой или войлоком (*чаадыр, аланчик*) имеют наибольшую древность, остатки похожего мезолитического жилища были исследованы на поселении Усть-Сема. Каркасно-столбовой способ постройки жилища, также является очень древним способом. Таким способом алтайцы строили непереносные войлочные жилища, каркас которых состоял из вбитых в землю жердей, на которые крепился остов крыши и натягивалось войлочное полотно [Тоцакова 1987: 73-74]. Остатки жилищ, построенных каркасно-столбовым способом, фиксируются археологами на поселениях в виде столбовых ямок – следов остова жилища. Такой способ строительства жилищ также известен с глубокой древности.

Интересно, что вплоть до второй половины XIX века у алтайцев не было зафиксировано срубных жилищ, хотя погребальные сооружения в виде срубов здесь были широко распространены [Тоцакова 1987: 133]. Возможно, срубное домостроительство широко не применялось по причине сложной военно-политической обстановки в предшествующий период, связанной с распадом Джунгарского ханства и набегами на Алтай военных отрядов из соседних территорий [Самаев 1991]. Нестабильная ситуация в регионе не позволяло населению строить капитальные срубные постройки, кроме того на фоне общего кризиса также происходило обнищание населения. Использование срубных погребальных конструкций было характерно для пазырыкской культуры V-III вв. до н.э. В этих погребальных срубах прослеживаются черты реального жилища [Кызласов 2005]. Срубная техника строительства, как мы видим, использовалась в погребальном строительстве у населения Алтая в раннем железном веке и в этнографическое время. Вероятно, что с древности у населения Алтая существовали и жилые срубные постройки, хотя это требует дополнительного подтверждения.

ГЛАВА 4. ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА ДРЕВНЕГО И СОВРЕМЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ

В современных условиях, в век глобализации, исчезают многие традиционные черты хозяйственной жизни и культуры народов Алтая, в том числе неповторимые образы национальной одежды. Одежда является неотъемлемой частью повседневной жизни, направленной на жизнеобеспечение, так как она возникла в результате адаптации человека к среде обитания. Традиционная одежда обладает важным свойством – возможностью широко и мгновенно реагировать на все происходящие события, т.е. она в полной мере отражает изменения в культурном опыте человечества на разных этапах истории его существования, являясь своеобразной визитной карточкой эпохи. Все, чего могло достичь человечество в различных сферах деятельности, находило свое отражение в традиционном костюме [Тажитдинова 2007: 4]. В связи с тем, что традиционная одежда выполняет различные функции (утилитарную, социально-дифференцирующую, апотропеическую, и пр.) она является репрезентативным источником для изучения материальной и духовной культуры алтайцев, культурных взаимосвязей и взаимовлияний с народами Алтая и Центральной Азии, характера хозяйственного развития общества.

Источниками для изучения одежды эпохи древности и средневековья являются археологические, письменные и изобразительные материалы.

Наши источники – это прежде всего: 1) остатки предметов костюма из древних *погребений* или (много реже) поселений; 2) *изображения* костюма на каменных изваяниях, стелах; 3) *письменные источники*, т.е. труды древних авторов и отдельные надписи; 4) *этнографический* костюм современных народов, также имеет большое значение для сопоставления с древними образцами их предков; 5) крупные *этические сказания* б) лингвистические изыскания тоже иногда помогают уточнить функции и давность бытования тех или иных предметов одежды [Абаев 1949: 53]. С каждым видом источников связаны особые приемы изучения (что делает неизбежными консультации с узкими специалистами).

Первая группа источников – вещественные материалы из погребальных памятников представлена фрагментами текстиля, а иногда и цели комплексами костюма. Достижение объективной реконструкции по данным археологии довольно затруднительно по следующим причинам:

дошедшие до нас материалы, относящихся к костюму (как письменных источников, так и изображений, остатков декора одежды в погребениях) фрагментарны, часто не вполне понятны (причем корректная трактовка их требует не только долгих практических навыков и простой осторожности, но и обширных знаний в нескольких смежных науках), а результаты их анализа часто спорны и нуждаются в длительной проверке [Яценко 2006: 9]; большинство источников сохранили для нас одежду, используемую отнюдь не в не повседневных ситуациях (ритуальные комплексы погребений; сцены поклонения божеству, изображения самих божеств или сцены вручения знаков власти правителю, т.е. инвеституры с их участием и тронные сцены в памятниках искусства). У многих народов древности в подобных случаях часто использовался особый костюм (или его части).

Хотя наши источники разнообразны, большинство из них было обнаружено на археологических памятниках: в той или иной мере это источники археологические. Между тем они, как известно, не содержат непосредственно историко-культурной информации: для ее получения требуется предварительный «перевод» со специфического «языка вещей» мертвой культуры [Яценко 1998: 36].

При работе с археологическими данными важны письменные материалы. Прежде всего, они обладают особым свойством передачи важных сведений и дают полное представление о манере ношения. Письменные источники по нашей теме представлены главным образом китайскими сочинениями, хрониками и записками знаменитых путешественников-паломников (Фасянь, Сюаньцзан и др.).

Пазырыкское время. Открытие памятников пазырыкской культуры Горного Алтая и их изучение насчитывает уже не одно десятилетие. Важный вклад в изучение пазырыкской культуры внес В.В. Радлов. В 1865 г. им раскопан Большой Катандинский курган. Памятник получил широкую известность по найденной в нем уникальной коллекции одежды довольно хорошей сохранности. Исследования других курганов элиты Алтая были произведены в разные годы М.П. Грязновым, С.И. Руденко и С.В. Киселевым в ходе которых были обнаружены элементы костюмного комплекса скифского времени. Эти материалы нашли лишь частичное отражение в довоенных изданиях. Во 2-ой половине 1940-х – конце 1980-х гг. происходит расширение раскопок курганов на территории Алтая. При анализе обнаруженных находок одежды стал активно применяться комплекс источников, включавший археологические, изобразительные

и письменные данные, на основе которых были сделаны некоторые выводы относительно культурных контактов. С.И Руденко продолжил исследования «царских» курганов. Полученные материалы нашли отражение в крупных монографиях [Руденко 1948; 1953, 1960; Киселев 1949; Грязнов 1950, Могильников, Суразаков 1980 и др.]. В ходе раскопок был получен массовый материал из рядовых могильников Алтая, в которых обнаружены многочисленные фрагменты одежды. Среди исследованных памятников можно отметить некрополи пазырыкского времени в долинах рек Юстыд и Уландрык. Эти и другие материалы детально рассмотрены В.Д. Кубаревым [1987, 1991 и др.].

В 1990-е г. – начале XXI в. происходит увеличением объема археологических источников. В рассматриваемый период отечественными исследователями были произведены качественные реконструкции костюмных комплексов ранних кочевников с опорой на археологические, письменные и изобразительные источники. Воссоздание внешнего облика по костюму «пазырыкцев» Алтая [Полосьмак 2001; Полосьмак, Баркова 2005; Усова 2008, 2009; Дашковский, Усова 2009, 2010, 2011; Джумабекова, Базарбаева, Глушкова 2010; и др.]. Получение данные позволяют по-новому взглянуть на контакты населения Алтая скифского времени, оценить степень влияния различных этнических групп на сложение материальной культуры населения Алтая.

Отдельной работы посвященной изучению одежды из памятников пазырыкской культура Горного Алтая нет, однако они рассматривались при публикации материалов конкретных курганных могильников. В некоторых монографиях, где публикуются материалы из некоторых некрополей, одежде посвящены специальные небольшие главы и разделы [Руденко 1953: 104-134; 1960; 204-212; Кубарев 1987: 76-118; 1991: 85-94, 106-132). Большой вклад в изучение одежды внесла Н.В. Полосьмак. В ряде работ она рассматривает вопросы, связанные с отдельными элементами костюма прической или косметикой (Полосьмак 1997: 10-19; 1998а; 1999; 2000; 2001: 108-185, 2003; Полосьмак, Баркова 2005: 43-103]. Детальный обобщающий очерк костюма пазырыкской культуры впервые был выполнен в специальной статье С.И. Яценко, затем в одном разделе диссертации и наконец, в монографии «Костюм древней Евразии» [Яценко 1999: 145-170; 2002: 145-181; 2006].

Пазырыкцы являлись современниками скифов, костюм которых не избежал культурных влияний и заимствований. Проанализировав

сообщение Геродота, С.И. Руденко [1960: 176] полагал, что юэжчами считался народ, проживающий в к Монгольском Алтае и южнее Бей-Шаня, а «стерегущие золото грифы» обитали на Алтае, к северу от агрипшеев. Греки не знали названий кочевников Алтая, но, по мнению С.И. Руденко [1960: 176], китайцам все они были известны под именем юэжжи. Вопрос об этнической принадлежности пазырыкского населения затрагивался Д.Г. Савиновым [1993: 132], который поддержал точку зрения С.И. Руденко отождествлять пазырыкское население с юэжчами.

Вспомогательную роль в изучении парадного одеяния кочевников пазырыкского времени выполняют изобразительные материалы. В Южной Сибири известны изображения всадников и охотников на скульптурных композициях, изделиях из металла, текстиля, а также на петроглифах. К числу изобразительных источников относится ковер из Пятого Пазырыкского кургана [Руденко 1960: 298]. На изделии была изображена женщина в длинном облегающем фигуру кафтане, в головном уборе типа корона, а так же мужчина в обтягивающих штанах с накладками на бедрах и коленях, узкой куртке, коротком развевающимся плаще [Руденко 1960: 298].

Археологические материалы из погребальных памятников: Катанда, Пазырык, Туэкта, Шибе, Уландрык, Юстыд и др. показывают, что в пазырыкское время состав костюма был достаточно устойчив, и включал следующие базовые категории: головные уборы, верхняя плечевая и поясная одежда, обувь. Анализ категорий костюма населения Алтая пазырыкского времени выявил, что наиболее распространенными головными уборами были и башлыки, колпаки, шапочки и островерхие уборы-парики, а также меховые шубы различного покроя, рубахи, шерстяные штаны, юбки, войлочные сапоги-чулки.

Мужской костюм состоял из кожаного кафтана, шубы, рубахи, шерстяных штанов, кожаных сапог. В женском гардеробе, включая эти же элементы, присутствовали юбки и островерхие головные уборы. Главное отличие заключалось в покрое и материале, из которого изготавливались вещи.

Материал для изготовления одежды в пазырыкское время был довольно разнообразным. В захоронениях Алтая, Тувы, Монголии, Синьцзяна фиксируется преобладание деталей костюма из шерсти, ткани, войлока, меха и, в меньшей степени, кожи. Шерсть в основном употреблялась для пошива поясной одежды (штаны, юбки), тогда как

войлок использовался при изготовлении головных уборов, теплой одежды и обуви. Материалом для шуб служили шкуры овец, коз и пушных зверей.

Гунно-сарматское время. Изучение костюма населения указанного периода по имеющимся источникам достаточно трудоемкая задача. Это связано с тем, что в большинстве погребений исследователями обнаруживаются незначительные фрагменты материи, войлока, кожи, а также детали украшений от одежды, которые в древности представляли гармоничный костюмный ансамбль. В единичных случаях по найденным в захоронениях текстильным предметам, нашивным аппликациям удается восстановить внешний облик населения указанного времени [Усова 2012].

В рассматриваемое время хунну, сяньби, жужани, доминируя в политической и культурной жизни Центральной Азии, заметно влияли на северную полупериферию, в том числе и на Алтай, где происходило становление и развитие булан-кобинской общности. Информативными археологическими памятниками являются могильник Яломан-II, Степушка-I, Усть-Эдиган, Белый Бом-II, Булан-Кобы-IV, Бошту-1, в курганах которых были обнаружены фрагменты головных уборов, верхней одежды и блях-нашивок на костюм.

Под источником в данном случае понимаются зафиксированные в погребениях целые элементы костюмного комплекса, а также его фрагменты из ткани, войлока, кожи, меха. В погребениях были обнаружены следующие элементы костюмного комплекса: головные уборы, верхняя и нижняя плечевая одежда, поясная одежда и обувь. В положении «in situ» предметы костюма были зафиксированы в кургане №51 могильника Яломан-II, кургане №10 памятника Усть-Эдиган.

В костюме населения булан-кобинской культуры Алтая были необычные по форме и декору головные уборы. Одним из видов головного украшения у представительниц булан-кобинской общности были налобные повязки. Уборы обычно имели шерстяную, тканевую и войлочную основы. Комплекс элементов декора повязок был разнообразен. [Трифанова 2006: 151; Соенов, Эбель 1992: 21; Худяков 1990: 132; Кубарев, Киреев, Черемисин 1990: 43-95]. На головных уборах из войлока встречены комбинации в виде нашивных блях, кожаных аппликаций и вышивок, а нижняя часть изделия обшивалась шелковой тканью [Худяков 1997: 15; Мамадаков 1991: 17]. Не менее примечательным головным убором являлись гладкие шапочки сферической формы, украшением которых служили деревянные прямоугольные пластины и полусферические бляхи. Шапочки

изготавливались из войлока [Борисенко, Худяков 2004: 69] или ткани [Тишкин 2005а, 2005в; Усова 2007, 2008]. Населением использовалась также кожаная шапочка сфероконической формы, где декором выступали прямоугольные и квадратные пластины с геометрическим орнаментом, а также 85 блях-нашивок разного диаметра [Борисенко, Худяков 2004: 69].

Нижним головным убором служил капор из ткани, с завязками, которые могли подворачиваться вверх и завязываться на затылке. Поверх изделия, возможно, одевалась шапочка из войлока. Украшением являлись нашивные бляхи, крепившиеся по кромке и по длине продольного шва изделия в один [Тишкин 2005а: 199; Тишкин, Горбунов 2002, 2005] или в три ряда [Усова 2007: 127-128; 2010]. Остатки меха и шелковой ткани в захоронениях «булан-кобинцев» свидетельствуют о том, что видами верхней плечевой одежды являлись шубы и кафтаны (халаты). Женские шелковые легкого типа кафтаны были длиннополыми двубортными, с открытым воротом V-образной формы. Имели левосторонний запах и длинные рукава. Могли подвязываться поясом. Борта одежды украшались тонкой полоской материи [Худяков, 2003: 79-80; Мамадаков 1991: 17; Соенов, Глебова 2003: 88-89]. На халат нашивались бляхи различного диаметра, которые крепились на груди и плечах [Тишкин, Матренин, Щmidt 2011: 424; Трифанова 2006].

О существовании меховых шуб у населения булан-кобинской культуры можно судить по обнаруженному фрагменту одежды из кургана №51 могильника Яломан-II. На шубе фиксировался кожаный пояс с пряжкой [Тишкин 2004; 2005а: 196].

К нижней плечевой одежде относился шерстяной жилет (безрукавка) глухого покроя, который одевался под халат для утепления. Детали такой одежды были встречены в кургане №10 памятника Усть-Эдиган [Худяков 2003: 80; Усова 2010: 109].

Тюркское время. В XVIII в. – середине 20-х гг. XX в. формировался интерес к истории тюркских народов. Знания о раннесредневековых кочевниках Азии пополнили переводы китайских, тюркских, арабских и других источников, сделанные Н.Я. Бичуриным и В. Шоттом. В китайских династийных хрониках «Суй» и «Вэй» встречаются упоминания о тюрках южно-сибирского региона. Однако исследования в плане изучения непосредственно костюма кочевников в указанный период не проводились.

Раскопки на Алтае позволили получить информацию о материальной культуре раннесредневековых тюрков [Радлов 1989]. В 1865

г. В.В. Радлов исследовал памятник Катанда-I, в котором впервые были обнаружены истлевшие от времени остатки шубы, штанов и шнуров для их подвязывания, сапог, стоячего воротника из тонкой материи. В его работах дается поверхностное описание находок из текстиля, войлока и металлических украшений, найденных в тюркских погребениях.

В 1930-е – конце 1980-х гг. происходит активизация исследований археологических памятников. С.В. Киселев и Л.А. Евтюхова производят раскопки, в ходе которых были обнаружены остатки узорчатого шелка от костюма и фрагменты кожаного пояса (могильники Тадила и Туяхта, Курай-IV) [Евтюхова, Киселев 1941: 113, 110]. Проводится систематизация и учет каменных изваяний с территории Тувы, Монголии и Алтая [Евтюхова 1941, 1952]. Делаются попытки анализировать реалии на скульптурах (в частности, выделение основных типов головных уборов, одежды и причесок). Облик тюркского населения Южной Сибири и сопредельных территорий на основе комплексного привлечения источников был детально реконструирован в работе С.И. Вайнштейна и М.В. Крюкова (1966), а также в диссертации Б.Б. Овчинниковой (1984) и монографии В.Д. Кубарева (1984).

В 1990-е гг. – начале XXI вв. исследователи публикуют аналитические статьи, а также монографии [Добжанский 1990; Кубарев 2005; Король 2008; и др.], в которых привлекают широкий круг источников – археологические, письменные, изобразительные и этнографические материалы для реконструкции костюмного комплекса кочевников тюркского времени. Издаются монографии, посвященные как конкретному рассмотрению костюма тюрок Южной Сибири, так и частичному обзору предметов костюма по обнаруженным изделиям декоративно-прикладного искусства тюркского времени [Худяков 1998]. Обобщенное представление о том, во что одевалось тюркское население, дает работа Г.В. Кубарева (2005). На основе сопоставления всех материалов Д.В. Поздняковым были выполнены графические иллюстрации тюркских кафтанов [Кубарев 2002; 2005].

Верхняя плачевая одежда населения Алтая тюркского времени представлена кафтанами (халатами) и шубами. Шелковые кафтаны были распашными, длиннополыми, двубортными и с левосторонним запахом, длинными узкими рукавами [Киселев 1951: 527]. Одежда кроилась с воротником и большими треугольными отворотами. Декором служила орнаментированная ткань, украшавшая подол, манжеты и верхнюю полу

[Кубарев 2005: 20]. Кафтан из шелка мог иметь подкладку из шерсти [Кубарев 2005: 41; Руденко, Глухов 1927: 40] и войлока [Кубарев 2005: 26-27; Киселев 1951: 541]. При изготовлении одежды использовалась шелковая материя [Кубарев 2005].

Шуба по покрою была схожа с кафтаном, т.е. была туникообразная, распашная, длиннополая, двубортная, с длинными рукавами. Изделие шилось из овчины и меха табаргана [Киселев 1951: 527], из шкуры сурка [Кубарев 2005: 46], а также из шкуры овцы. Сверху одежда покрывалась шелковой тканью [Кубарев 2005: 29].

К нижней плечевой одежде относились рубахи. Мужская одежда изготавливалась из шерсти и шелка [Евтюхова, Киселев 1941: 110]. Рубаха имела глухой покрой, круглый ворот, была длинной и в штаны не заправлялась [Киселев 1951: 541].

Поясная одежда была представлена штанами из грубой ткани со вставкой посередине. Штаны были длинными и могли заправляться в сапоги [Радлов 1989: 476; Гаврилова 1965: 54]. Изделие подвязывалось тонким шнуром. Головные уборы в погребениях не сохранились. Обувью являлись сапоги с высоким голенищем [Гаврилова, 1965, с. 54], сшитые из войлока [Кубарев 2005: 27], а также из кожи, с мягкой подошвой и ремешком для подвязывания [Гаврилова 1965: 23; Усова 2011: 124].

Согласно источникам, в тюркском одеянии отразилось китайское влияние. Прежде всего, это сказалось на головных уборах (шапки «путоу») и кафтанах с правосторонним запахом [Усова 2012].

Предметы одежды кочевников Алтая тюркского времени были встречены на костяных накладках, на валуне из могильника Кудыргэ, многочисленных каменных изваяниях. На костяной накладке луки седла изображен всадник в длинных штанах, стянутых до щиколотки [Гаврилова 1965: XV-12]. На композиции с Кудыргинского валуна присутствуют некоторые элементы костюма тюрков. Женщина и ребенок одеты в длинные одежды, имеющие левосторонний запах. Вдоль края верхней полы нашита широкая полоска ткани темного цвета [Усова 2012].

Каменные изваяния являются важным источником изучения костюмного комплекса тюрков-тюгу. В.Д. Кубаревым [1984: 23-26] было выделено семь типов головных уборов: конической формы, сфероконической с шишечкой на макушке, усеченно-конусообразной, гладкой, сфероконической со срезанным верхом, конической с накосником, «трехрогий».

На основании изобразительных данных можно представить внешний облик кочевника тюркского времени. На голову тюрки одевали в основном шапочки конической формы, напоминающие тюбетейку, многочисленные изображения которых встречены на каменных изваяниях Алтая [Кубарев 1984: 24] или распространены и шапочки с высокой цилиндрической тульей [Кубарев 1984: 211], с загнутым вперед верхом, [Грач 1961].

Распространенным видом плечевой одежды были длиннополые распашные кафтаны с двумя треугольными штанами и узкими рукавами. Одевание перетягивалось на талии поясом или ремнем, который застегивался на пряжку [Овчинникова 1984; Добжанский 1990]. В качестве нижней плечевой одежды порки использовали рубаху с узким горизонтальным воротом [Яценко 2007: 3; Кубарев, Баяр 2002: 77]. Поясной одеждой служили штаны из шерсти (Катанда-II; курган №8) [Гаврилова 1965: 55].

Обувью являлись мягкие сапоги без каблуков с косо срезанным голенищем до колена или ниже [Худяков 1997: 2]. Обувь у щиколотки обвязывалась ремешком, застегивающимся на пряжку [Киселев 1951: 526]. Комплексное использование источников (письменных, археологических, изобразительных) позволяет определить функциональные (повседневная и праздничная) и социальные особенности (отражение статуса человека в обществе) костюма тюрков.

Этнографическое время. Работ посвященных изучению традиционной одежды алтайцев немного, хотя упоминания и описания одежды встречаются в трудах многих исследователей Горного Алтая. Основной, работой по этой теме является статья Л.П. Потапова «Одежда алтайцев» [1951]. В ней дана общая характеристика одежды, согласно делению их на северных и южных алтайцев. В предисловии данного труда прослеживаются исторические корни алтайского костюма для доказательства используются археологические материалы, найденные в пределах Алтая. Дополнительные сведения об одежде алтайцев содержатся во многих трудах, документах путешественников – исследователей Алтая. В работе В.В. Радлова «Сибирские древности» [Записки русского археологического общества 1894-1895], посвященной путешествию по Сибири в 1865-1866 годах. Миссионер, протоирей В.И. Вербицкий в своем труде «Алтайские инородцы» [1993], дает описание одежды северных и южных алтайцев, а также алтайские названия этой одежды. Небольшое упоминание об одежде северных алтайцев имеется в труде Н.Б. Шерр

«Из поездки к кумандинцам в 1898 г.» [1903: 82-115]. Краткое описание одежды алтайцев дается исследователем Алтая Н.М. Ядринцевым в «Отчете о поездке, по поручению Западно-Сибирского отдела императорского географического общества, в Горный Алтай, к Телецкому Озеру и в вершины Катуня... в 1880 году» [Записки Западно-Сибирского географического общества 1882], где он сравнивает одежду кумандинцев, бийских черневык татар. Показывает влияние культуры русских с севера и китайской культуры с юга на быт и одежду алтайцев. Попутные описания одежды алтайцев встречаются в работе К.Ф. Ледебур, А.А. Бунге, К.А. Мэйера «Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизкой степи» [1993]. А.А. Бунге описывает природу Алтайских гор и дает краткие описания одежды жителей Алтая. В рукописи Н.С. Гуляева известного сибирского исследователя, краеведа, собирателя старины, которую он написал вместе с П.Е. Семьяновой «Иностранцы Алтая», написанной в 1918 году, подробно описывается одежда алтайцев, телеутов, теленгитов. Интересным источником, по которому можно исследовать старинную одежду, является фольклор алтайцев, все его жанры от пословиц до легенд и эпосов. Первым собирателем этнографического материала по народам Горного Алтая был Г.И. Гуркин, он был не только знаменитым художником, но и ученым – этнографом, который собрал обширную коллекцию зарисовок. В путешествиях с 1902 по 1930годы XX века по Горному Алтаю, Г.И. Гуркин зарисовал одежду, жилище, домашнюю утварь, не только алтайцев. В фондах Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина хранятся альбомы сотрудников музея: научного сотрудника Н.К. Арбузовой и художника-оформителя Л.Г. Сухова с зарисовками одежды, сделанных во время экспедиций 1925-1926 годов по Улаганскому и Онгудайскому районам Горного Алтая. В коллекции рисунков Н.В. Шагаева представлены зарисовки женской одежды. М.А. Жарков в 1936-1937 годах сделал зарисовки «Типы алтайцев. Замечательные и исторические места», где изображаются женщины в алтайской одежде. Современное исследование традиционной одежды алтайцев отражены в работах Н.И. Шатиновой, Е.П. Тадиной, В.П. Дьяконовой, В.Я. Кыдыевой, Б.Ю. Кичековой.

Тяжелой верхней одеждой у южных алтайцев являлась запашная овчинная шуба «тон». Ее нельзя назвать только зимней одеждой, ибо мужчины очень часто носили ее и летом. Это не должно казаться странным, если принять во внимание особенности климата высокогорного

Южного Алтая; частые резкие колебания летней температуры вообще и резкая разница температур дня и ночи [Потанов 1951: 17]. В жаркое время дня при езде, ойрот спускает шубу с плеч; с наступлением вечера, когда в горах температура значительно понижается, он ее снова надевает на плечи. Ночью шуба ойроту часто заменяет одеяло и даже самую постель. [Зеленин 1937: 147].

Алтайцы из шкур животных шили различные шубы, и они назывались по-разному, так, например:

Тарбыл тон – шуба из шкуры с коротким и редким мехом;

Акар тон – шуба из шкуры с густым, коротким мехом;

Корокой тон – шуба из шкур молодых ягнят (мерлушка);

Некей тон – шуба из шкуры с длинным, густым мехом;

Торток тон – короткая шуба;

Жаргак тон – пальто сшитое из шкуры без меха;

Каба тон – шуба из зимней шкуры косули;

Кер тон – шуба из осенней шкуры косули;

Тоочи тон – шуба из весенней шкуры косули [Каумай 1992: 4]

Женские и мужские шубы имели такие деления.

1. Зимние шубы – «некей тондор», сшитые из шкур с длинным густым мехом.

2. Демисезонные шубы – «акар», «кер», «саксарга».

3. Летние пальто – «терлик», «чекпен».

Женские шубы от мужских отличались покроем, украшением и шитьем. Мужские шубы и шубы молодых девушек кроились и шились одинаково.

У северной части шорцев встречались и овчинные шубы, покрывавшиеся материей, которые носили название чыпча [Потанов 1951: 176]. «Терлик» и «чекпен» шились из ткани, а качество ткани зависело от состоятельности человека. Дети бедняков и они сами зимой и летом носили «жаргак тон», который шился из шкур жеребят или телят [Саналова 1994].

Для подпоясывания верхней мужской одежды использовался пояс. У южных алтайцев наиболее распространенным был кушак кур. Это – отрез ткани длиной 3-4 м. им опоясывали туловище раза два, а концы подтыкали спереди, где они свешивались вниз. Цвет ткани мог быть разным. Богатые люди пояс делали из парши, шелка и пр. Собираясь в поездку в горы и на охоту алтайцы надевали кожаные пояса каиш кур.

Наряду с простыми поясами использовали ремни украшенные металлическими бляшками. Л.П. Потапов приводит пример поясов, приобретенных в середине прошлого столетия в Центральном и Южном Алтае. Пояс, приобретённый в Усть-Кане был украшен бляшками из желтой меди круглой формы (кос, т.е. глаз) и в форме шестилучевой звезды чолмон. Теленгитский пояс был орнаментирован набором серебряных бляшек казахской работы. Набор включал восемь четырехугольных блях со вставками из красных и зеленых камешков и девяти круглых бляшек. Мужчина к поясу подвешивал нож в ножнах, а сзади за пояс затыкал огниво. У северных алтайцев также была распространена опояска-кушак, а у кумандинцев и северных шорцев – шерстяные тканые пояса с узором. Пояса были цветные, вытканые из крашеной шерсти с геометрическим орнаментом [Потапов 1951: 24-25].

Поверх нижней одежды женщины одевали легкую верхнюю одежду – чегедек и легкие летние пальто. Обязательной одеждой замужних женщин у алтайцев был «чегедек» – длинная распашная одежда без рукавов. Готовили чегедек к свадьбе и одевали его на девушку во время брачного церемониала. Ею она носила всю жизнь, пока был жив ее муж. Этот вид одежды был распространен только у южных алтайцев – алтай-кижи, теленгитов, телеутов. Покрой чегедек был довольно сложен, и не каждая женщина могла сшить и пригнать все его части. Чегедек покрывался материей: у богатых – хорошим бархатом, у людей среднего достатка или бедных – дешевым плисом или простой темной материей (синей дабой, китайкой или нанкой. Чегедек не застегивался, но на левой поле его всегда пришивались две больших красных китайских пуговицы «куйка» [Потапов 1951: 28-29; Кыдыева 2010]. «Куйка» – оригинальный и весьма ценимый вид пуговиц. Темно-вишневые по цвету, они имели форму желудя, а с обоих концов венчались розетками из серебра и одной воздушной петелькой [Дьяконова 2001: 92].

Чегедек тщательно и нарядно украшали кантами из цветных полос ткани (прежде также и черного бархата), на которые нашивали скрученный из сплетенных в косички цветных ниток шнур (желтый, красный, зеленый, голубой). От ворота до линии груди по обеим полкам на кант нашивали перламутровые пуговицы (тана), к которым в виде висюлек прикрепляли крупные бусины голубого и зеленого цвета и пуговицы. Застежек чедек не имел (пуговицы были чисто декоративным элементом), его носили всегда распашнутым [Дьяконова 2001: 92].

Близкая к описанной выше по типу и функциональному назначению верхняя женская одежда издавна бытовала у некоторых других тюркских племен и народов Саяно-Алтая, Южной Сибири, у бурят и монголов [Дутаров 1983: 109-110].

В коллекции одежды Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина представлены еще три вида легкой верхней одежды – это «каптал» (Инв. № 2464; № 646.), «сырмал» (Инв. № 642; № 642) и «купайка» (Инв. № 696). Каптал – легкая, летняя одежда, его подпоясывают поясом из такни. Каптал также был распространен у телеутов; носили его как мужчины, так и женщины [Дьяконова 2001: 90]. Сырмал – вид осенней одежды телеутов, шьется на толстой стеганной подкладке [Потапов 1951: 16]. «Купайка» – легкая, летняя одежда кузнецких телеутов. Это безрукавная, стеганная в квадратики фуфайка до колен. Полы запахиваются слева направо [Зеленин 1937: 159]. Есть еще один вид легкой верхней одежды у телеуток – парадная одежда, которая всегда шьется из шелка и носит название «чиймек». Ее покрой таков: полотнище шелка перегибается поперек, образуя спинку и перед. Правая пот и левая, по отрезной линии украшены полосой из черной хлопчатобумажной ткани (ширина – 8см) и опушены мехом ягненка коричневого цвета. В верхней части правой полы имеется надставка к основной полосе из черной, шерстяной ткани (рубчик).

Относительно легкой верхней одежды мужчин у северных алтайцев (кумандинцы, шорцы, челканцы) было немного. Л.П. Потапов описывает один вид такой одежды – короткий холщовый халат – кендырь, именуемым так по названию растения, из волокон которого делали холст. Его покрой был прост: разрез прямой, полы сходящиеся, спинка и полки из одного или двух перекинутых прямых полотнищ, в бока были вшиты косые клинья. У кумандинцев и тубаларов варьирует только форма боковых клиньев, вершины которых выкраиваются под углом и составляют как бы ластовицы рукавов. Кендырь не отличался по крою от женского. Его шили без подкладки, длиною до колен. Он запахивался левой полкой наверх, но носится и нараспашку. Ворот, а иногда и обшлага кендыря были обшиты какой-либо материей с простой вышивкой, выполненной шерстяными нитками [Потапов 1951: 16-17].

К нижней плечевой одежде относятся рубаха чамча (по крою мужская и женская одинаковы). Чамча имеет простой покрой – туникообразный. Спина и грудь вырезаны из одного полотнища, пере-

гибаемого в плечах. Ворот и обе полы обшиты узкой полосой материи одинакового с рубахой цвета. Рубаха более старинного покроя распашная, с невысоким стоячим воротником и длинными широкими рукавами. Обе полы одинаковы и застегиваются на одну пуговицу у подбородка, обычно воротник не застегивают. Иногда стягивают рубашку поясом. Рубаха кроилась короткой, чуть ниже поясицы. Рубаху носят навывпуск, поверх штанов, часто без пояса. Рубахи бедняка и богача отличались не по покрою, а по материалу. Детская рубаха была такого же кроя как и взрослая, но меньших размеров Мужская рубаха кӧбнек у северных алтайцев шилась из самодельного холста по русскому образцу с половины XIX в., с прямым воротом, сравнительно узкими рукавами, была длинной, ниже колен, и обычно подпоясывалась. У челканцев рубахи из домотканного холста, вытканного из кендыря, шились длиною почти до пят. Такая рубаха носила название тошту кӧӱнек. Так же отметим, что холщевый старинный халат из кендыря у челканцев носил название кӧӱнек. [Потапов 1951: 12-13].

Поясная одежда. Мужские штаны штан у южных алтайцев имеют следующий покрой: два полотнища материи перегибаются вдоль, и между ними внизу вшивается большой четырехугольный клин, углами кверху, образующий ширинку. В верхней части делается рубец, в который пропускается шерстяная тесьма очкор. Обычно штаны были длиной до половины голени и заправлялись в голенище сапог. Шнур, на котором держатся штаны, завязывался спереди и висел до колен. Один конец его спускается ниже другого. Как было отмечено выше рубаха в штаны не заправлялась. Во время охотничьего промысла и при сборе кедрового ореха в тайге южные алтайцы носили штаны из самодельной замши (из марала или косули), кожи или грубого холста. У северных алтайцев штаны чампар были сшиты из холста. Шерстяная тесьма пропускается в широкий рубец верхнего края. Штанины были длинной до щиколоток [Потапов 1951: 13-14]

Головные уборы. Алтайцы носили различные виды головных уборов: «болчок бӧрӱк» – круглая шапка, «кийис бӧрӱк» – шапка из войлока, «киш бӧрӱк» – соболя шапка телеутских женщин, «сӱрӱ бӧрӱк» – остроконечная шапка из мерлушки, «малахай», «алтай бӧрӱк» – шапка из лап лисы и пр. Л.П. Потапов отмечает, что головной убор мужчин и женщин у южных алтайцев еще в половине XIX в. был одинаков и представлял собой высокую шапку из шкурки черного ягненка мехом наружу. В фондах Национального музея им А.В. Анохина храниться подобная

шапку «сүрү бөрүк» (Инв.№ 708/83). Эта шапка поступила в музей в 1954 г. Тулья шапки сшита из цельного куска, соединенного в затылочной части одним швом. Полотно тульи представляет собой склеенные между собой куски холста и хлопчатобумажной ткани. Верх тульи заложен в восемь складок, отверстие в месте сборки, в области темени, закрыто круглым куском кожи, поверх которого нашита декоративная накладка овальной формы из красного сукна. К тулье пришит отворот, сшитый из меха черной мерлушки и красной хлопчатобумажной ткани, склеенных между собой. Он пришивался к тулье в нижней части и отгибался вверх. Отверот пришит так чтобы с внешней (лицевой) стороны находилась меховая часть, а с внутренней – тканевая. Отверот скроен в виде неправильного четырехугольника, верхний край его слегка выгнут, а нижний вогнут. В верхней части отворот крепился к тулье в нескольких местах, для того чтобы он не обвисал. В затылочной части шапки к нижнему краю пришиты две ленты. В настоящее время они выполняют декоративную функцию, однако В.И. Вербицкий отмечал, что этими лентами завязывался околыш (отворот) [Вербицкий 2011: 24]. Половозрастная и социальная принадлежность «сүрү бөрүк» так же не однозначна. В работе Н.Ф. Прытковой есть информация о том, что такая шапка являлась старинным головным убором южных алтайцев. Она первоначально бытовала в качестве мужского и женского головного убора, затем такие шапки стали носить только женщины, а позднее он стал свадебным головным убором [Прыткова 1966: 24, 1]. Л.П. Потапов писал, в первые годы после революции эта шапка превратилась типично в женскую, а мужчины перешли к ношению круглой овчиной шапки с кистью. В настоящее время ее перестали носить и женщины, и только изредка, чаще всего на свадьбе, ее можно увидеть как головной убор старухи. Данная шапка являлась признаком семейного положения [Потапов 1951: 37]. По мнению Е. Зайцевой, это типичный головной убор женщин южных алтайцев [Зайцева 1990: 20]. В.П. Дьяконовой информаторы сообщили что «сүрү бөрүк» является девичьими головным убором, однако в результате своих изысканий автор приходит к выводу, что такие шапки были женскими [Дьяконова 2001: 100].

Как было отмечено выше, алтайцы носили разнообразные виды головных уборов. Так, Л.П. Потапов отмечал, что мужчины носят обычно круглую овчинную шапку, покрытую какой-нибудь тканью, с кистью из шелка на макушке. По нижнему краю такой шапкишивали из галуна и оторочку из мерлушки. Кисть изготавливали из голубых или желтых

крученых ниток и пришивали с помощью нитки с нанизанным бисером. На месте прикрепления кисти пришивается кружок из другой материи другого цвета. Шапки богатых людей и праздничные шапки простого народа покрывались шелком и оторачивались по нижнему краю пушным мехом (выдрой, соболем) или целиком шились из лапок пушного зверя (выдры, соболя) [*Потанов* 1951: 19].

ГЛАВА 5. ТРАДИЦИОННЫЕ ПРЕДМЕТЫ БЫТА НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ

Для реконструкции истории населения Алтая важное значение имеют предметы быта. К предметам быта можно отнести очень широкий спектр изделий, начиная от кухонной утвари и заканчивая личными украшениями. Для того чтобы рассмотреть все категории предметов быта нужно написать не одну отдельную книгу, поэтому в данной работе мы рассматриваем располагавшиеся в жилом помещении и не относившиеся к орудиям производства.

Археологи обычно имеют дело с предметами из долговечных материалов: камня, бронзы, железа, кости, не подверженных разрушению временем. Реже это изделия из дерева, кожи, меха, ткани или их следы. Относительно целые предметы из органического вещества сохраняются только в особых условиях, например, в курганах с мерзлотой, в очень сухой или, наоборот, влажной среде.

Посуда. Изобретение глиняной посуды в эпоху неолита резко пополнило количество археологических источников. Важным источником археологической информации стал орнамент на керамике. Он часто служит объектом изучения и доносит до нас своеобразную неписьменную информацию этнокультурного, этногенетического характера.

Самые ранние находки фрагментов керамики эпохи неолита известны в памятниках так называемой среднекатунской культуры (памятники позднего неолита на Средней Катуні). Она представлена сосудами с приостренным дном. Часть из них тонкостенная, чаще всего неорнаментирована или украшена рядами оттисков мелкого гребенчатого штампа. Другая часть более толстостенная, с примесью в тесте шерсти животных, украшена зубчатым штампом. Предварительная датировка ранне-неолитических слоев памятников Катуні – VI тыс. до н.э.

Позднее в памятниках большемысской культуры эпохи финального неолита-энеолита [*Кирюшин, Кирюшин* 1997: 65] керамический комплекс представлен тонкостенными, хорошо профилированными сосудами со слегка отогнутым венчиком и реповидным дном. Посуда украшена, в основном, оттисками гладкой или зубчатой качалки.

Эпоха ранней бронзы известна нам по огромному ареалу распространения афанасьевской культуры. Керамика данной культуры

разнообразна как по форме, так и по орнаментации. Но из всего объема материала выделяются остродонные сосуды. Свидетельство такой формы, это кочевой образ жизни, который вели представители афанасьевской культуры. Орнаментация сосудов очень разнообразна. Прослеживаются такие приемы как насечка, протаскивание, накальвание. Сосуды украшены орнаментом елочка и жемчужница. Орнаментиром служат подручные предметы: кости животных, разнообразной формы палочки, собственные ногти.

Достоверных керамических комплексов каракольской культуры в настоящее время неизвестно, но по аналогии с окуневской и самусьской культурами можно предложить, что обычай украшения керамики техникой протаскивания характерен именно для каракольцев. Для плоскодонной посуды арагольской группы характерно накальвание и штампование [Степанова 2001: 56-57].

Типология керамики раннего железного века Горного Алтая и его северных предгорий наиболее полно разработана А.С. Суразаковым. Исследовав сосуды из погребальных комплексов, он выделил горшки, кувшины, миски, плошки, кружки, корчаги, сосуды баночного типа и т.д. Данные виды посуды были найдены в памятниках Талдура I, Кызыл-Джар III, Айрыдаш III и могильников из долин Уландрыка, Сайлюгема и Юстыда [Суразаков 1988: 216].

Керамическая посуда пазырыкцев была разнообразной, как известно, пазырыкские кувшины украшались самыми разнообразными способами: налепами, резным орнаментом, кожаными аппликациями и раскрашивались. Иногда все эти приемы были использованы при украшении одного сосуда, например, сосуда из кургана 1 могильника Ак-Алаха 3. Сейчас кажется вполне вероятным, что все неорнаментированные пазырыкские сосуды, обнаруженные в погребениях, были украшены несохранившимися кожаными аппликациями в виде животных, как это было во Втором Пазырыкском кургане, в курганах Кутургунтас, Ак-Алаха 3 и кургане 2 могильника Ташанта II. Изображались петухи, грифоны, барсы – охраняющие и защищающие. Возможно, у пазырыкцев существовал ритуал изготовления и украшения специальной глиняной погребальной посуды, которая могла являться неким посланием в «иной» мир [Полосьмак 2001: 197].

Керамический комплекс, полученный в ходе раскопок памятников гунно-сарматского времени, позволяет сделать вывод, что основные

формы керамики представлены горшками и невысокими чашами. Все сосуды были плоскодонные, дно довольно четко профилировано. Некоторые днища вогнуты внутрь, образуя небольшой поддон. Венчики прямые, некоторые слегка загнуты внутрь или отогнуты наружу. Срезы венчиков прямые, округлые, иногда скошенные наружу или вовнутрь. Встречаются сосуды орнаментированные оттиском гладкого штампа (иногда – в сочетании с ямками), образующим наклонные ряды, ёлочку или же сочетанием нескольких рядов ёлочки с зигзагом также выполненными оттиском гладкого штампа [Соенов и др. 2011].

Древнетюркская керамика на Алтае представлена тремя группами сосудов, по их форме. Первая, вазообразные изделия, в быту использовались для хранения жидких продуктов. Помимо формы эти сосуды отличаются относительно «богатым» декором и отгибом венчика наружу. Вторая, горшковидные сосуды, «... слабопрофилированные со слегка выделенным горлом и незначительно раздутым туловом, диаметр венчика приблизительно равен диаметру тулова». Появление горшковидной керамики авторы связывают с появлением нового населения. Аналоги такой посуды встречаются в Туве. Третья, баночные сосуды, использовавшиеся для приготовления пищи, чрезвычайно редко встречаются на Алтае [Кубарев, Журавлева 1998: 28]. Исследователи выделяют следующую технологическую черту для всех сосудов древних тюрков – лепная техника изготовления, что совпадает с такими характеристиками «как: неаккуратность формовки, грубость формовочной массы, асимметричность форм, преимущественно небольшие размеры». Также, в составе теста некоторых раннесредневековых сосудов присутствует дресва [Матренин 2007: 145]. Что же касается орнаментации то, орнамент её зачастую беден, либо вообще отсутствует. Встречаются резные линии, наклепные шишечки, круглые ямочные вдавления по венчику, штамп встречается редко [Кубарев, Журавлева 1998: 25-27].

Н.В. Полосьмак подробно рассмотрела другие виды посуды из памятников пазырыкской культуры. Сосуды, сделанные из бычьего рога и рога яка помимо погребения в кургане 1 могильника Ак-Алаха 3, были найдены в трех «царских» курганах Пазырыка (Втором, Третьем и Пятом), часть одного из них как бубен выставлена в Эрмитаже, в погребении двух знатных воинов (мужчины и женщины) на Укоке (Ак-Алаха I, курган 1), в могилах рядовых скотоводов Алтая – в кургане 5 могильника Юстыд

XIII, в кургане 2 могильника Верх-Кальджин 2. Миниатюрные золотые сосудики – полные имитации пазырыкских роговых, есть в составе Сибирской коллекции Петра I. Предполагается, что они служили частями сережек или подвесками. Воспроизводство этого типа сосудов в золоте в виде украшений может быть одним из свидетельств их особой значимости, так же как отделка золотой фольгой (по швам) роговых сосудов из царских курганов Пазырыка. Не было никакой практической необходимости в изготовлении роговых сосудов пазырыкцами, которые хорошо резали по дереву, могли изготавливать глиняные и кожаные емкости. Использование рогов диких животных для производства кувшинов можно объяснить только сакральными целями [*Полосьмак* 2001: 192].

Другой статус был у кожаных сосудов, обнаруженных во Втором Пазырыкском кургане. Это плоские маленькие фляжки, крытые мехом [*Руденко* 1953: 93, рис. 45]. Одна найдена в кожаной суме в головной части колоды, а другая – в мусоре, попавшем в камеру через грабительский лаз [*Руденко* 1953: 92]. Местоположение этих сосудов иное, нежели тех, что стояли в центре погребальной камеры, наполненные жертвенной пищей. Они относятся к категории личных вещей, которые укладывались в колоду, рядом с телом погребенного, или в конский отсек. По мнению С.И. Руденко, вряд ли эти фляжки предназначались для жидкости, здесь обычно хранились семена или корни трав, которые в них, собственно, и найдены [*Руденко* 1953: 93]. Возможно, что редкие керамические изделия из Верхнего Приобья, Казахстана и Средней Азии, имитирующие, по мнению А.П. Бородовского, кожаную посуду, датируемые также ранним железным веком [*Бородовский* 1990: 122-128], копировали, скорее, роговые сакральные сосуды типа пазырыкских, а не какой-то до сих пор не известный древний кожаный прототип.

Алтайцы бытовую утварь изготавливали из практических материалов, чтобы изделия не разрушились при переезде. Для изготовления кожаных сосудов кожу брали сразу после убоя коровы или лошади. Существовали два способа удаления с нее шерсти: или срезали ножом, или клали в воду на несколько дней до отделения шерсти. Очищенную от шерсти кожу растягивали на земле, укрепив деревянными кольшками. После того, как кожа подсохнет ее подвергали копчению. Кумандинцы, челканцы и тубалары шерсть с кожи удаляли путем погружения ее в воду, затем кожу промывали в проточной воде. Кожу дубили в деревянной

бочке. Дубильным веществом являлась кора талины. Продубленную кожу просушивали в тени, после чего ее мяли вручную. Для этого существовала деревянная мялка – *эдрек*. Из самой лучшей, самой толстой кожи выкраивали *тажуур* (фляга для араки), из остальной *аркыт* (большой сосуд для хранения жидкостей). Кожа, снятая с задних ног, шла на изготовление *борбуя* (сосуд для хранения жидкости, изготовленный из двух кусков кожи, снятой с задних ног лошади), а с передних ног на изготовление сосуда *торсук* (небольшой сосуд для хранения жидкости). Шили сосуды сухожильными нитками, взятыми из конских и коровьих сухожилий весеннего убоя. Раскроенные части кожи по краю прокалывали шилом и сшивали в две нитки. Таким образом, полученные сосуды, такие как *аркыт*, *борбуя* и *торсук* наполняли влажной землей и, придав форму, оставляли на несколько дней для просушки. Затем вытряхивали землю, промывали сосуды и снова коптили в юрте. Из кожаных сосудов украшали только *тажуур*. Еще на влажную поверхность сосуда острой палочкой наносился от руки рисунок. Орнаментирование сосудов из кожи производилось тиснением.

Для изготовления сосудов, в которых хранились мелкие вещи, использовали мошонки. Из кожи вымени коровы изготавливали ведро-подойник (*ботрого*). Из внутренних органов животных: желудка (*карын*), мочевого пузыря (*куук*), толстой кишки (*ичеге*), взятых сразу после убоя скота, изготавливали сосуды для хранения масла и жира. Мочевой пузырь, кишку и желудок надували через имеющиеся отверстия до тех пор, пока они не становились прозрачными. Затем отверстия перевязывали ниткой и надутый внутренний орган подвешивали в юрте, где он одновременно сушился и коптился [Кандаракова, Соенов 1994: 32].

Изучение кожаной посуды показывает, что население Алтая с древности использовали шкуры домашних животных. Утилизировалось почти все сырье: из кожи головы сшивали подойники, из шеи – кадки или чаны, из ног – фляги-бутылки; массивная кожа туловища шла на выработку вместительных сосудов для сквашивания молока. Плотные коровьи и бычьи шкуры использовались, главным образом, для ведер и кадок. Из шкур овец и коз изготавливали бурдюки и сумки.

Вероятно, население Горного Алтая с глубокой древности изготавливало посуду из дерева, однако до нас дошли деревянные изделия эпохи раннего железа. Как было отмечено выше, дерево относится

к материалам подверженным разрушению временем. В пазырыкских курганах с мерзлотой сохранились уникальные изделия из дерева среди них деревянная посуда. В.П. Мыльников отмечает, что нередко сосуды из дерева, наряду с керамическими и выполненными из полых рогов животных, сопровождали покойника в загробный мир. В пазырыкской культуре довольно часто деревянные кружковидные сосуды с резными или фигурными ручками стоят вместе с глиняным кувшином и роговым сосудом в одной тройной связке на войлочных кольцах-подставках (своеобразный символ единства древнейших производств – гончарства, косторезного дела и деревообработки) [Мыльников 2008: 87].

Кроме деревянных кружковидных сосудов, чашек-пиал и мисок с погребенным клали большие, средние и малые блюда-столики со съемными и несъемными ножками и без них, с овальным поддоном. Блюда-столики по технологии изготовления подразделяются на два типа: сделанные из цельного дерева и сложносоставные. Изделия из цельного дерева были с ножками, без ножек, с поддоном, сложносоставные имели съемные ножки. Съемные ножки по технологии изготовления были трех типов: 1) скульптурные, рельефные и круглые в сечении, вырезанные при помощи ножа (их большинство); 2) рельефные, выточенные на токарном станке; 3) отлитые из бронзы с деревянными вставками-основами. Блюда подразделяются по форме на круглые, овальные, прямоугольные, по размерам на большие (до 8х68х16 см), средние (до 50х36х15-28 см) и малые (до 30х25х6-8 см) [Мыльников 2008: 88].

Н.В. Полосьмак отмечает «Надо полагать, что небольшие деревянные чаша, кружка или ковш были у каждого пазырыкца. Это была та личная посуда, с которой не расставались и после смерти. В индоиранской ритуальной практике к деревянной посуде было особое отношение: хотя ведийские арии умели изготавливать каменную, металлическую и керамическую посуду, для ритуала использовали только деревянную, вероятно, как наиболее древнюю, освященную традицией» [Полосьмак 1997].

Деревянная кружка, найденная в погребении кургана 1 могильника Ак-Алаха 3, относится к хорошо известному типу пазырыкской деревянной посуды. Она замечательна ручкой, сделанной в виде верхней части туловища двух барсов. Внутри этого сосуда обнаружена палочка – мешалка, для взбивания кумыса – мутовка. Палочка мутовки сделана из

лиственницы, тогда как серповидный набалдашник был вырезан из березы. Автор отмечает, что на этот факт стоит обратить внимание, зная, какое большое значение придавалось различным видам деревьев в сакральной практике древних и традиционных обществ. Вероятно, не случайно для изготовления мешалки была выбрана береза, ее белый цвет, как и цвет молока, был воплощением сакральной чистоты. В алтайской мифологии с помощью мешалки боги творили мир. В индийской мифологии Вселенная была создана в результате пахтанья первичного океана. От обладания Чингис-Ханом кумысной мутовкой зависело благополучие и богатство монгольского народа. Мешалка, обнаруженная внутри деревянного сосуда с барсами, представляется некой моделью «орудия творения», вложенного в руки женщины. Это была не только и не столько утилитарная вещь, сколько культовый предмет, служивший в ходе какого-то ритуала [Полосьмак 2001: 197].

Деревянная посуда остается широко распространенной в гунно-сарматское время. Исследователи выделяют несколько категорий деревянной посуды – блюда и блюда-столики с цельно вырезанными ножками; чаши; два круглодонных сосуда – кувшин и сосуд с боковой ручкой; ковши, туесок, сосуд из берёзового нароста и кружка [Соенов, Константинова 2015].

В кургане 227 могильника Балыктыюль за черепом погребённого в небольшом бронзовом котле завернутый в войлочный чехол был обнаружен деревянный кувшин, вырезанный из нароста и имеющий яйцевидный корпус, слегка вогнутое дно и на середине высоты небольшую вертикальную ручку. Там же находился обломок боковины деревянной чаши. Серия деревянной посуды и некоторых других деревянных предметов была обнаружена в погребениях могильника Белый Бом II. В частности в погребении 1 кургана 12 у черепа костяка стояло небольшое деревянное блюдо на ножках. В погребениях могильника Булан-Кобы IV среди погребального инвентаря ряд предметов был изготовлен из дерева. Это деревянное блюдо на четырёх ножках, расположенное у черепа погребённого в кургане 35, и остатки деревянной чашки диаметром 6 см, расположенной рядом с левой ключицей того же погребённого [Мамадаков 1985: 173, 176]. Среди материалов могильника Курайка были обнаружены вотивные блюда-столики из дерева (кк. 48, 49) и фрагменты чашки-пиалы (к. 100) [Соенов, Эбель 1998: 113-115, 134; Соенов, Штанакова 2011].

При изучении погребений Бош-Туу-1 в погребении 5 в изголовье найден вырезанный из цельного куска дерева сосуд с боковой кольцевидной ручкой. [Могильников, Суразаков 1995: 62-63]. Деревянная посуда была обнаружена в курганах 47, 54, 60 и 60а могильника Яломан-II [Тишкин 2005: 131-133]. Деревянный сосуд из берёзового нароста, блюдо-столик с четырьмя несъемными ножками. В кургане 51 могильника Яломан-II, имеются сведения о том, что справа от погребённого было расположено большое блюдо с остатками мясной пищи и деревянная кружка [Тишкин 2005б: 196].

В погребениях тюркского периода также обнаружена деревянная посуда. Она делится на три типа: 1) блюда (блюда на ножках) и функционально близкий к нему лоток (с крышкой); 2) чашки; 3) кружки [Кубарев 2005: 67-69]

Остатки небольшого деревянного блюда или лотка зафиксированы в пяти захоронениях (Уландрык I, к. 10; Юстыд XII, к. 29; Ак-Кобы, у изваяния; Юстыд XXIV, к. 13; Калбак-Таш, к. 2). По наиболее сохранившемуся экземпляру (рис. 18, 7, 8) можно оценить их конструктивные особенности. Длина лотка 26 см, ширина 8 см, а высота по краям 3 см. Лоток был снабжен крышкой, длина которой 22 см, а ширина 5,5 см. Вероятно, они изготовлены из одного куска листовенницы. Древним тюркам были также известны и деревянные блюда несколько больших размеров, чем лоток, а иногда с небольшими ножками. Подобные блюда найдены в древнетюркском памятнике Табажек [Захаров 1926: рис. 1, 3]. Изображение такого блюда представлено и на одном из древнетюркских изваяний Алтая [Кубарев 1984: табл. XXXVI, 214]. Чашка найдена на могильнике Юстыд в скальном захоронении. Чашка сделана из капа березы. От кружки она отличается более уплощенной формой. Её предположительный диаметр 8 см, а высота 4 см. Чашка имеет фигурную ручку со щитком.

Остатки кружек обнаружены в трех захоронениях (Джолин I, к. 9; Ак-Кобы, у изваяния; Талдуаир I, к. 7). Целиком реконструируется один из них. Высота этой кружки 8 см, диаметр тулова 10 см; ручка простая. На кружке следы ремонта в виде берестяной накладки. Части другого деревянного сосуда сохранились благодаря окислам бронзовых скоб и пластинок, которые скрепляли треснувшие участки. Диаметр тулова ещё двух кружек (Джолин I, к. 9; Талдуаир I, к. 7) составил 12-14 см. Следует

также отметить, что в одном погребении (Ак-Кобы, у изваяния) вместе обнаружены деревянный лоток и кружка.

Уникальной для древнетюркских захоронений следует признать находку деревянной ложки в кожаном футляре. Её общая длина 15,7 см, длина ручки 7,5 см, а максимальная ширина 6 см. К ложке плотно подогнан кожаный футляр, основная часть которого сшита из одного куска. Верх футляра загнут. К основной части снизу и сверху пришивался специальный клапан, оставляя боковые разрезы для извлечения ложки. От случайной потери ложку предохранял надевавшийся плотно снизу ещё один футляр. Верхней загнутой частью футляра ложка подвешивалась за ремень пояса, на спине [Кубарев 2005: 69]

Кубарев Г.В. отмечает, что деревянная посуда использовалась для приема пищи: лотки и блюда – для мясной, т.к. в них часты находки костей барана или лошади; кружки и чашки – для жидких молочных и спиртных напитков. Рассмотренные образцы свидетельствуют о разнообразии типов деревянной посуды. Причем, большая их часть, по нашему мнению, восходит к деревянной посуде I тыс. до н. э. и широко представлена в курганах пазырыкской культуры Алтая [Кубарев 1987: 18]. Это ещё одна категория предметов, свидетельствующая о преемственности и наличии местного компонента населения в формировании культуры древних тюрков Алтая. Более того, формы деревянной посуды, способы её изготовления (особенно популярен кап и прикорневая часть дерева) сохраняются у многих тюркоязычных народов Саяно-Алтая до этнографической современности [Кубарев 2005: 69]

Деревянная посуда остается наиболее распространенной в быту алтайцев в этнографическое время. Ее можно разделить на три вида:

а) сосуды со сферическим дном и поддоном (ковш (*суску*), черпак (*чуучак/мүндеш*). Их изготавливали путем вырезания резцом из тополя и березы. Сосуды с поддоном чайные (*айак*), обеденные (*чара*), винные (*чоочой*) изготавливали из цельного куска березы, ее корня и нароста, а также кедра, сосны и тополя. Для поделки винной чашки использовали и корень можжевельника. Количество чашек в юрте, обычно соответствовало количеству членов семьи [Кандаракова, Соенов 1994]

Отдельное внимание необходимо уделить деревянному блюду (*тепиш*), изготавливавшемуся из расколотой пополам цельной березы. Блюдо вырезали ножом или топором по наметке, затем резцом выравнивали

изнутри. После чего отесывали ножом снаружи. *Тепши* имеет глубокие исторические корни, впервые такие блюда были зафиксированы в курганах пазырыкского времени [Мильников 2008: 88], затем они продолжают существовать в гунно-сарматское время. Можно предположить, что вотивные копии *тепши* были обнаружены вотивные блюда-столики из дерева среди материалов могильника Курайка [Соенов, Эбель 1998: 113-115, 134; Соенов, Штанакова 2011; Соенов, Константинова 2015]. *Тепши* остается в обиходе населения Алтая и в тюркский период, что подтверждают исследования В.Г. Кубарева. Примечательно, что среди находок этого времени зафиксировано *тепши* с крышкой. Обращает на себя внимание близость алтайского слова *тепши* древнетюркскому *tevsī*, которое также означает «блюдо; блюдо-столик на ножках» [Кубарев 2005: 67-68].

б) сосуды цилиндрической формы (ступа – *сокы*, ведро – *көнөк/со*).

Для изготовления сосудов данного вида использовали высушенную сосну, лиственницу, тополь, березу. При обработке заготовки для ступы (*сокы*) применяли выжигание. А Кумандинцы, челканцы и тубалары кроме выжигания, ступы делали из двух половинок, опоясывая их черемуховым прутом, для чего прут вначале разогревали над костром. Деревянное ведро *көнөк/со* изготавливали из березы, тополя, осины.

Для хранения молочных продуктов и содержания *чегеня* применялся *күп/шапшак* – высокий сосуд, изготовленный бондарным способом. Для взбивания молока в *күп* использовали *пышкык* – мутовку [Кандаракова, Соенов 1994].

в) предметы домашнего обихода, гнутые из досок (веялки – *эскин*, решето *элек/элек*).

В северных районах дно веялки делали из деревянных тонких дощечек, фанеры и бересты, дно прикрепляли к бортику тонкой прожилиной из черемухи [Кандаракова, Соенов 1994].

Отметим, что начиная с эпохи раннего железа и до этнографического времени деревянная посуда остается универсальной и широко используемой категорией предметов быта. Исследователи традиционных культур тюркоязычных народов считают, что традиции изготовления деревянной посуды современных носителей этноса остались практически неизменными со времени раннего железного века [Дьяконова 1968: 50-61; 1976; Тоцакова 1976; Кубарев 2005: 69].

Еще одним интересным видом посуды является бронзовый котел, который благодаря своей надежности и удобству длительное время существовали в степной зоне Евразии и использовались в культовых и бытовых целях. Они широко известны во многих культурах второй четверти I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э.

На территории Горного Алтая находки бронзовых котлов I тыс. до н.э. довольно редки. Один миниатюрный котел с полусферическим туловом на конусовидном поддоне и ручками в виде дуги случайно обнаружен в местности Ак-Карасу у с. Мендур-Соккон [Кочеев 1986: 3]. Другой бронзовый котел с полусферическим туловом на конусовидном поддоне и ручками в виде фигурок коней найден в районе Семинского хребта [Кубарев 1981: рис. 3 – 3, 4]. Оба котла датированы скифской эпохой. В последующую, т.е. гунно-сарматскую эпоху население Горного Алтая продолжает использовать изделия данной категории: бронзовый котел с П-образными ручками и поддоном с треугольными вырезами обнаружен на могильнике Яломан-II в погребении II в. до н.э. – I в. н.э. [Тишкин, Горбунов 2005: 329, рис.1 – 12]. В кургане 227 могильника Балыктыюль за черепом погребённого найден небольшой бронзовый котел, завернутый в войлочный чехол [Сорокин 1977: 58]. Конечно, котлы на поддоне продолжают бытовать и в дальнейшем. Но изделия, встречаемые в комплексах раннего средневековья уже изготовлены из железа и имеют несколько иные формы [Евтюхова, Киселёв 1941: рис.49; Соенов, Трифанова 2006: 150-156].

Остатки железной посуды зафиксированы в четырех погребениях тюркского времени (Уландрык I, к. 10; Боротал I, к. 51; Балык-Соок I, к. 9, 23). Наиболее сохранившийся сосуд зафиксирован в кургане 23 могильника Балык-Соок. Котел найден в отдельном погребении лошади и был вкопан под её ногами. Диаметр верхней части 27 см, дна – 10 см; высота 30-35 см; толщина стенок 1,5-2,0 см. Остатки железной посуды из всех погребений объединяет общая технологическая черта: они склепаны из довольно больших отдельных пластин. На их поверхности различимы большие круглые заклепки.

Находки железных котлов в древнетюркских захоронениях исчисляются единицами. На Алтае они обнаружены на памятниках Курай IV (к. 1) [Евтюхова, Киселев 1941: рис. 49] и Туяхта-3 [Овчинникова 1990: рис. 32 – 5]. Случайно найдены котлы в долине р. Кучерла и в

Кош-Агачском районе [Бородовский, Новиков 1999: 292]. Котел из Балык-Соока близок к так называемым подвесным котлам (без поддона), однако его форма отлична от уже известных экземпляров. Что касается котлов с поддоном, то по своим характеристикам (яйцевидная форма тулова, поддон, наличие двух ручек) они восходят не только к хуннскому периоду [Овчинникова 1990: 62; Бородовский, Новиков 1999: 292], но и к значительно более раннему времени. В древнетюркскую эпоху подобные котлы стали склепывать из отдельных листов железа, а не отливать из бронзы. По-видимому, для подобных больших котлов-казанов необходимо было готовить очаг-яму [Кубарев 2005: 67].

Алтайцы использовали чугунные котлы полусферической формы в них готовили *кӧчӧ* и другие блюда на открытом огне. Для хранения холодных напитков использовали чугунные кувшины – *чара*, а также широко бытовали чугунные рукомойники. Чугунные котлы полусферической формы, кроме выше указанного применения, использовали при перегонке кислого молока. Они входили в состав винокурных аппаратов двух типов: *казан-какпак* и *казан-шурум*. *Казан-какпак* состоял из чугунного котла, двух деревянных изогнутых труб (*чорго*) и вышеупомянутых чугунных кувшинов. Такой аппарат был удобен для перевозок. Другой аппарат *шурум*, состоял из котла и удлиненного цилиндрического сосуда *чапчак* [Кандаракова, Соенов 1994]

Металлическая посуда стала широко использоваться с тюркского времени. До этого времени посуда из металла использовалась преимущественно как ритуальная, возможно смена технологии и материала была вызвана сырьевыми кризисами середины и конца I тыс. н.э., когда бронзу стали применять преимущественно для производства предметов торевтики. [Кубарев 2005: 67].

Полифункциональные предметы быта. К предметам быта относятся полифункциональные орудия, которые можно использовать для выполнения различных видов деятельности. Широко распространенными орудиями являются ножи, шилья, иголки, напильники и другое.

Ножи – одна из самых массовых предметов быта. К бытовым ножам относятся изделия, размеры которых колеблются в пределах 13 см, исходя из того, что к боевым ножам оружиеведы относят экземпляры, длина клинка которых не короче 13 см, а толщина – не менее 0,3 см [Горелик 2003: 11; Горбунов 2006: 75]. Ножи фиксируются как в мужских, так и в

женских погребениях. Практически все экземпляры были обнаружены в непосредственной близости с остатками погребальной пищи.

В современном мире шило, т.е. игла с рукоятью используется, например, закройщиками и мастерами по обуви для прокалывания плотных материалов (кожи). Применяется также столярами и плотниками. Эти инструменты встречаются в памятниках Алтая гунно-сарматского времени и представляет собой железные четырехгранные подквадратные или подпрямоугольные в сечении стержни, заострённые на конце. С противоположной стороны имеют деревянную рукоять или следы её присутствия.

Стоит остановиться на таких инструментах, как напильники. Это инструмент для обработки металлов, дерева и тому подобного, который представляет собой металлический стержень с разными по частоте и характеру насечками. На Алтае такое орудие (точнее его фрагмент) встретилось единожды, на ритуальном комплексе Бертек-3-4 [Древние культуры... 1994: 146]. Инструмент, несмотря на свою фрагментарность, относится к категории предметов, которая определена, как «гуннские напильники». Подобные инструменты известны в таштыкской культуре Минусинской котловины. Таким образом, можно сделать предположение о том, что местное население могло перенять использование «гуннских напильников» у населения, знакомого с культурой центрально-азиатских гуннов. Следы от работы напильником или каким-либо другим абразивным инструментом зафиксированы на ряде металлических изделий [Соенов, Константинова 2013: 9-1, 5].

Игольник – это женский предмет утвари для хранения игл. Хранению иглы придаётся особое значение, так как этот небольшой предмет, является одним из самых необходимых инструментов для создания тёплой и прочной одежды. К игле необходимо относиться бережно. Игольники на территории Горного Алтая были обнаружены в двух женских погребениях: Балык-Соок I, курган 34; Юстыд XIV, курган 2. Два костяных игольника представляли собой небольшие полые трубочки. Первый игольник: длина 10,2 см, диаметр 0,9 см. Второй игольник: длина 9,3 см, диаметр 1,8 см. То, что это именно игольники, доказывает находившаяся в одном из них железная игла длиной 6,9 см и диаметром 0,6см. Помимо утилитарной функции, игла имеет и семантическое значение, являясь символом женского начала. Он подчёркивает сакральность женского мира

по отношению к мужскому, в нём запечатлён женский «дух».

Кочедык – крючок для развязывания узлов. Два роговых кочедыка обнаружены в мужских погребениях: Балык-Соок I, курган 34; Юстыд XIV, курган 2. Один из них полной сохранности при длине 16 см имеет треугольное навершие, которое с обеих сторон украшено орнаментом и снабжено сквозными отверстиями для подвешивания к поясу [Кубарев 2005: 76], второй кочедык неполной сохранности, поэтому судить о форме и размерах затруднительно.

Для хранения и ношения вещей для ухода за внешним видом использовались поясные сумочки. Такие сумочки были найдены в древнетюркских погребениях Алтая – Курай IV, курган 1; Туяхта, курган 3, 4; Юстыд XIV, курган 13 [Кубарев 2005: 58]. В силу плохой сохранности находки таких сумочек довольно редки. Изображения сумочек, подвешенных к поясам, отмечено на каменных изваяниях Южной Сибири [Евтюхова 1952: 109]. Во всех случаях они показаны с правой стороны. Вообще традиция иметь при себе сумочку, мешочек на поясе была сохранена алтайскими охотниками. Алтайское название этих сумочек – каптырга [Овчинникова 1990: 38].

Мебель. Некоторые виды погребальных лож можно рассматривать в качестве прототипов современных кроватей, т.к. они отличались от гроба-колоды и гробовища тем, что они не были закрыты и на них погребные укладывались в позе спящего на боку человека. Помосты представляли собой два-четыре отесанные доски, прочно соединенные между собой при помощи четырехугольной рамы из тонких бревен или жердей. Помост представлял собой довольно прочную, хотя и громоздкую конструкцию. Иногда в качестве помостов использовали платформы от повозок. *Полки* – небольшие настилы из одной-двух отесанных досок, положенных на полочки-ступеньки, либо вмонтированных в специальные прорубы или пазы между венцами бревен в срубе или клетки. *Полати* – широкие длинные продольные и поперечные настилы из жердей, плотно друг к другу уложенных в просветы между венцами бревен клетей, либо двух-трех плотно пригнанных двусторонне отесанных досок, встроенных в естественные углубления между венцами бревен в противоположных стенах сруба [Мыльников 1999: 81-83].

У алтайцев кровать *орын* размещалась обычно около почетного места – *тор* на женской половине. Кровать делали из отесанных бревен

или досок (длиной 180-190 см). Лицевая сторона кровати украшалась резным орнаментом [Кандаракова, Соенов 1994].

Из предметов мебели интересна археологическая находка из кургана Туэкта-1. Данная находка вызвала дискуссию, т.е. автор раскопок посчитал, что она могла использоваться в двух качествах: при жизни – обеденный стол, а после смерти хозяина – погребальное ложе [Руденко 1960: 115-116]. Находка представляла собой узкий прямоугольный стол размерами 220x60 см на высоких (90 см) круглых ножках [Руденко 1960: табл. 54 – 2], по периметру оформленный невысоким (5 см) бортиком из реек. В.П. Мыльников считает, что данная находка являлась погребальным ложем. Он считает, что в пользу этого свидетельствуют конструктивные особенности данного предмета, столешница которого собрана из двух широких двусторонне отесанных и лицеванных плах, соединенных между собой при помощи двух поперечных досок-перекладин, врезанных снизу в эти плахи в специальные прямоугольные пазы на 0,5 см. Сквозь короткие поперечные доски и плахи столешницы продолблены сквозные прямоугольные отверстия, в которые вставлены и расклинены коническими клиньями прямоугольные шипы круглых двусторонне конических ножек, на поверхности которых зафиксированы следы окончательной обработки ножом. По периметру длинных продольных и коротких поперечных бортов к столешнице присоединены узкие рейки при помощи врезных округлых деревянных стерженьков-шкантов. Чтобы сидеть за таким высоким (90 см ножки + 7 см толщина столешницы + 5 см высота бортиков) обеденным столом (высота современных столов 70-75 см) нужны были и очень высокие сидения – кресла или стулья, а таковых пока в кочевнических культурах нигде не обнаружено [Мыльников 1999: 81-83].

В число бытовых предметов входили мешки с имуществом. Мешки, высотой 0,7 м, с четырехугольным основанием, изготавливались из жесткой кожи. К бокам мешков сверху пришивалась полоса мягкой, выдубленной кожи дикой козы, которая обвязывалась шнуром. На узких боках мешка находились ременные ушки дня поперечной веревки, с помощью которой они крепятся на лошади. Мешки устанавливаются в юртах узкими боками вперед [Кандаракова, Соенов 1994].

Колыбель – *кабай* тоже относится к предметам быта. Люльку (*кабай*) изготавливали из нескольких пород дерева (*терек* – тополь, *тыт* – лиственница, *чиби* – ель, *мош* – кедр). Но предпочитали тополь, т.к.

это дерево было более мягким и легко поддавалось обработке, а сама люлька весила меньше, чем люлька из других пород дерева. Люлька выдалбливалась из целого ствола дерева с трухлявой сердцевиной. В Улаганском районе, для люлек использовали и бывшую в употреблении посуду (*челек*, *шургун*), в которой хранили молочные продукты (квашеное молоко, делали перегонку араки). Бочонкообразные сосуды раскалывали пополам и из одной половины сооружали люльку [Кандаракова, Соенов 1994].

Передняя часть ложа люльки закрывалась дощечкой. Над ней сооружалась дуга из прута талины (*тал*), укреплявшаяся вильчатой развилкой. Дуга с развилкой и примерно 1/3 часть ложа обшивались войлоком. Сверху дуги войлок нависал в виде козырька. Задняя продольная стенка имела на стыке с донной частью ложа отверстие, в которое входил желобчатый сток деревянной лопаточки. Передняя и задняя стенки скреплялись с ложем колыбели ременными вязками, через соответствующие отверстия. Такой способ скрепления деревянных частей предмета был типичным исключительно для кочевников.

Задняя часть люльки заканчивалась выступами-рукоятками (*кабайдын буузы*), за которые ее раскачивали ногой. От дуги к задней продольной стенке натягивалась ременная веревка (*кириши*), на которую при надобности спускали войлок. С боков мелось по четыре ременные вязки (*була*), ими перепеленывали тело ребенка в колыбели. Для стока мочи использовали хвост сарлыка, разрезанный по длине, кусочек его вылезал наружу. Позже вместо хвоста сарлыка для стока мочи делали из дерева лопаточку (*агаш кўрек*) подпрямоугольной формы с выводным устройством. На поверхность лопаточки наносились прорези-желобки, идущие в ее осевой части, по нему происходил сток мочи. Поверх хвоста сарлыка укладывалась шерсть с ног и шеи сарлыка. Чуть выше под спинку на дно люльки клали шерсть от молодых коз и еще выше люлька выстилалась в несколько рядов шкурками ягнят. В Улаганском районе поверх шерсти стелили листья лопуха (*чалбук*). Чтобы ребенку было тепло, с дуги и с задней части люльки надвигали поверх тела младенца войлок. В жилище люльку подвешивали за ременную веревку к крюку. Крюки вырезали из дерева, реže рога. После каждого новорожденного на *кириши* (ременной веревке) кто-нибудь из родителей завязывал узелок, по их числу всегда можно было узнать, сколько детей родила женщина. Подношения, которые

приносились (бусы, раковины и др.) новорожденному (они именовались термином *сый*), прикреплялись к *кириш*. К колыбелям привязывали и охранительные предметы – когти медведя, лапу птицы улар. Лапа медведя оберегала ребенка от воздействий *көрмөсө*, лапа птицы – от вздрагивания во сне [Дьяконова 2001:152-153].

В северных районах Алтая колыбель (*нежик*) делалась несколько другой конструкции: из черемухового прута делали дугу, концы которой соединяли с прямой черемуховой палкой. Затем обшивали палки холстом, образуя свисающее дно, где должен лежать ребенок, или делали прямоугольник и также обшивали тканью. В 4-х точках продевали шнур и подвешивали люльку [Кандаракова, Соенов 1994: 32].

Природная среда оказывает влияние на характер занятий, способы деятельности человека, общественное разделение труда, темпы развития материальной культуры, характер бытовой культуры, своеобразие искусства. От природных условий зависит образ жизни человека, судьба народов и культур. Изучение археологических и этнографических источников показывает, что проживание на одной территории и в одних географических условиях обуславливает схожесть материальной культуры.

Заключение

В словаре русского языка С.И.Ожегова культура определяется как совокупность производственных, общественных и духовных достижений людей. А философский энциклопедический словарь определяет понятие «культура» в её широком смысле как совокупность проявлений жизни, достижений и творчества народа или группы народов.

В археологии термину «культура» придают значение, которое отличается от такового в других научных дисциплинах, в том числе и от общепринятого понятия. Схожие материальные памятники, которыми характеризуется археологическая культура, не обязательно могут принадлежать одному обществу, а различный набор – разным общностям людей. В связи с этим некоторые археологи отказываются от понятия «археологическая культура», предпочитая ему взамен «технокомплекс», «технологический комплекс», для того, чтобы не смешивать археологическую культуру с подобным термином в социологии.

Когда термин «культура» используется археологами, предполагается, что их находки дают определенную информацию об образе жизни людей, которые оставили определенные памятники прошлого.

В этнографии общеполитическое понятие «культура», беря во внимание, что целенаправленная (т. е. культурная) деятельность человеческих обществ совершается в определенную историческую эру и в определенных физико-географических критериях, трактуется как совокупность выработанных данным этносом явлений и объектов вещественной и духовной жизни, являющихся его специфичностью, находящей отражение в языке и отличающей один этнос от другого. Схожая трактовка отторгает иерархию культур и тем расистское противопоставление одних этносов другим. Этнографы различают вещественную и духовную культуры. Вещественная культура — объекты (предметы, вещи), вещественно имеющиеся в пространстве в определенные временные периоды, как-то: орудия труда, жилье и хозяйственные постройки, еда (сюда же входят культурные растения и домашние питомцы), одежда и декорации, средства транспорта и связи. Духовная культура — выработанная коллективным разумом людей вся система производственных способностей, народных познаний, традиций и обычаев (связанных с хозяйственной, социальной и домашней жизнью человека), разных видов искусств, народного творчества, религиозных представлений и верований, которая передается

от поколения к поколению через рассказ либо показ, через имеющиеся формы воспитания.

Культуры древнего и средневекового населения Горного Алтая занимала умы исследователей в первой половине прошлого века. Уже в конце сороковых в начале пятидесятых появляются первые работы классиков сибирской археологии и этнографии таких как, Л.П. Потапов, С.В. Киселёв, С.И. Руденко. Можно сказать они заложили основы и наметили пути исследования. Дальнейшее изучение шло по пути детализации, уточнения, а в отдельных случаях, с появлением всё большего числа материалов фактов, к исправлению их некоторых концепций.

На основе анализа имеющихся опубликованных на сегодняшний день работ связанных с изучением культуры древнего, средневекового и современного коренного населения Горного Алтая всю историю изучения данного направления и условно можно разделить на три этапа:

- первый этап 40-ые - конец 60-х гг. XX века;
- второй этап начало 70-х - конец 90-х гг. XX века;
- третий этап начало 2000-ных гг.

И если первые два этапа можно охарактеризовать, как этапы накопления материалов с небольшой разницей в масштабах научных исследований и к концу второго периода появляются первые обобщающие работы по отдельным проблемам этнокультурного развития на территории Алтая в отдельные периоды исторического развития, то для третьего этапа характерно появление больших сравнительно-аналитических работ широкого хронологического спектра.

Анализ материалов антропологических исследований древнего и средневекового населения Алтая позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, в эпоху ранней бронзы на территории Алтая господствовало население афанасьевской культуры, которое характеризуется чертами протоевропейского антропологического типа, широко распространенного в эпоху бронзы по степному поясу Евразии и отсутствие в его составе антропологического компонента местного происхождения. Антропологические особенности афанасьевского населения Алтая согласуются с концепцией о генетической связи афанасьевской культуры с древнеявными памятниками на территории Нижнего Поднепровья, Приазовья и Предкавказья, а также доявными на этой территории. Благодаря антропологическим исследованиям серия мужских черепов каракольской культуры были выявлены изменения в облике

населения эпохи развитой бронзы Горного Алтая, который характеризуется смешанными европеоидно-монголоидными особенностями. Эти исследования подтвердили генетическую связь местного антропологического компонента каракольской культуры с населением доафанасьевского времени не только Горного Алтая но и его северных предгорий. Кроме этого они не подтверждают гипотезу о значительной роли афанасьевского населения в качестве другого компонента сложения каракольской и других культур окуневского типа, а европеоидный компонент в составе населения культур окуневского типа Горного Алтая и Тувы в наибольшей мере проявляет особенности гиперморфного варианта древнесредиземноморской расы, представленного на черепах из могильника примерно синхронного времени Ранний Тулхар на юге Средней Азии.

Результаты межгруппового статистического сравнения краниологических материалов археологических культур окуневского типа, кротовско-елунинской общности, а также самусьской, позволяют установить, что объединяет население данных культурных образований юга Западной и Южной Сибири наличие местного для каждого из них монголоидного компонента, представленного, преимущественно, в составе женского населения. Его взаимодействием с пришлым европеоидным элементом, не связанным по происхождению с населением предшествующей афанасьевской культуры, определяется антропологическое своеобразие населения этих культур самусьско-сейминского историко-хронологического пласта.

Во-вторых: в эпоху раннего железа на Алтае обитало смешанное население, включавшее различные европеоидные и монголоидные расовые элементы. Основным его компонентом являлся мезо-брахикранный европеоидный тип, сходный с типами саков, усуней, сарматов и других раннекочевнических групп евразийских степей. В составе пазырыкского населения помимо основного антропологического пласта, генетически связанного с племенами, населявшими Алтай в предшествующую эпоху, выявляется примесь еще одного монголоидного типа с мезодолхокранной черепной коробкой и высоким лицом, который принято называть палеосибирским. Включение этого компонента в антропологический состав пазырыкцев, по мнению Т.А.Чикишевой, происходит скорее всего в результате политических взаимоотношений их с монголоидными народами Восточной Сибири и Монголии.

Сопоставление локальных групп пазырыкцев с современными представителями североалтайского, обь-иртышского и алтае-саянского типов показывает, что соотношение исходных компонентов, а также интенсивность процессов метисации в пределах ареала пазырыкской культуры варьирует. В то время как пазырыкцы Кызыл-Джара и долин Юстыда, Чуи, Уландрыка не обнаруживают существенных отличий от современных представителей североалтайского типа, группы северной, периферийной зоны пазырыкской культуры (из Верхней Еланды и Тыткескена), а также каракобинцы, в составе которых, доминирует брахикранный монголоидный компонент с низким лицом, сближаются с кулайцами, селькупам и другими современными представителями обь-иртышского антропологического типа. Иное направление морфогенетических связей демонстрируют группа пазырыкской знати из Туэжты, Пазырыка, Шибе и территориально-локальная группа пазырыкцев с плато Укок, имеющие в своем составе весомую примесь высоколицего монголоидного компонента (палеосибирского типа). Обе они включаются в кластер современных популяций алтае-саянского типа. При этом первая объединяется с бельтирами, а вторая, на более значительном расстоянии, с казахами. Еще две территориально-локальные группы пазырыкского населения из долин Барбургазы-Бугузуна и долин Урсула-Средней Катуня, в составе которых наиболее высок удельный вес европеоидного компонента, близких аналогий среди современного населения Западной и Южной Сибири не находят.

В-третьих: изученные антропологические данные тюркского времени из Горного Алтая позволяют заключить, что процесс расогенеза средневекового населения этого региона уходит своими корнями в предшествующие эпохи. Именно местный, автохтонный компонент, который формировался на данной территории еще с эпохи неолита, придавал определенное своеобразие носителям культур эпохи раннего железа и начала I тысячелетия н.э.

Обзор исследованных древних поселений показал, что существовали разные формы жилищ. Одной из важных характеристик традиционного жилища является его планировка. Обычно принято противопоставлять традицию круглых строений и прямоугольных. К примеру, традиционно для современных народов Саяно-Алтая и Центральной Азии, в том числе и алтайцев, характерна модель жилища, имеющая в плане форму круга. В древности же на территории региона существовали как круглые/округлые жилища, так и прямоугольные.

Зафиксированные остатки жилых строений на древних поселениях Алтая в основном связаны с каркасно-столбовой технологией строительства. Многие из этих поселений можно отнести к категории полужемлянок. Очевидно, что на многих памятниках жилища не удалось зафиксировать только из-за того, что это были наземные постройки – срубные дома, каркасно-жердевые постройки, переносные юрты и т.п.

Основными типами жилищ у алтайцев в XIX веке были каркасные жилища из жердей, крытые берестой или войлоком и решетчатые юрты крытые войлоком. Судя по всему, в это время также были распространены каркасные жилища из жердей, крытые корой лиственницы встречавшиеся другими исследователями. Алтайские каркасные жердевые жилища, крытые берестой, лиственничной корой или войлоком (*чаадыр, аланчик*) имеют наибольшую древность, остатки похожего мезолитического жилища были исследованы на поселении Усть-Сема. Каркасно-столбовой способ постройки жилища, также является очень древним способом. Таким способом алтайцы строили непереносные войлочные жилища, каркас которых состоял из вбитых в землю жердей, на которые крепился остов крыши и натягивалось войлочное полотно. Остатки жилищ, построенных каркасно-столбовым способом, фиксируются археологами на поселениях в виде столбовых ямок – следов остова жилища. Такой способ строительства жилищ также известен с глубокой древности.

Для реконструкции истории населения Алтая важное значение имеют предметы быта. Анализ отдельной группы этого типа артефактов в исторической ретроспективе позволяет сделать ряд выводов.

В этнографическое время у коренных жителей Горного Алтая не использовалась керамическая посуда. Как показывают исследования керамика как материал для изготовления бытовой посуды перестает использоваться к началу эпохи раннего средневековья. Видимо это произошло из-за её непрактичности в условиях кочевого образа жизни. Что же остальных материалов то за исключением замены бронзы на железо для изготовления котлов.

Деревянная посуда начиная с эпохи раннего железа и до этнографического времени остается универсальной и широко используемой категорией предметов быта. Исследователи традиционных культур тюркоязычных народов считают, что традиции изготовления деревянной посуды современных носителей этноса остались практически неизменными со времени раннего железного века.

Изготовление и использование кожаной посуды также остаётся в арсенале горноалтайцев с древности, возможно и технологии её изготовления с древнейших времён мало изменились, традиционные формы алтайской кожаной посуды появляются, вероятнее всего, в эпоху развитого средневековья и остаются неизменными до сих пор.

Как и посуда другие рассмотренные предметы быта являются отражением традиционного образа жизни и целиком отвечают его особенностям, и начинают своё развитие вместе с началом формирования центральноазиатского нomaдизма.

Изучение традиционной одежды, предметов быта демонстрирует, что природная среда оказывает влияние на характер занятий, способы деятельности человека, общественное разделение труда, темпы развития материальной культуры, характер бытовой культуры, своеобразие искусства. От природных условий зависит образ жизни человека, судьба народов и культур. Изучение археологических и этнографических источников показывает, что проживание на одной территории и в одних географических условиях обуславливает схожесть материальной культуры.

Мужской костюм пазырыкцев состоял из кожаного кафтана, шубы, рубахи, шерстяных штанов, кожаных сапог. В женском гардеробе, включая эти же элементы, присутствовали юбки и островерхие головные уборы. Главное отличие заключалось в покрое и материале, из которого изготавливались вещи.

Материал для изготовления одежды в пазырыкское время был довольно разнообразным. В захоронениях Алтая, Тувы, Монголии, Синьцзяна фиксируется преобладание деталей костюма из шерсти, ткани, войлока, меха и, в меньшей степени, кожи. Шерсть в основном употреблялась для пошива поясной одежды (штаны, юбки), тогда как войлок использовался при изготовлении головных уборов, теплой одежды и обуви. Материалом для шуб служили шкуры овец, коз и пушных зверей.

В погребениях гунно-сарматского времени были обнаружены следующие элементы костюмного комплекса: головные уборы, верхняя и нижняя плечевая одежда, поясная одежда и обувь.

На основании приведённых данных можно представить внешний облик кочевника тюркского времени. На голову тюрки одевали в основном шапочки конической формы, напоминающие тибетейку, многочисленные изображения которых встречены на каменных изваяниях Алтая или распространены и шапочки с высокой цилиндрической тульей, с загнутым вперед верхом.

Распространенным видом плечевой одежды были длинно полые распашные кафтаны с двумя треугольными штанами и узкими рукавами. Одевание перетягивалось на талии поясом или ремнем, который застегивался на пряжку. В качестве нижней плечевой одежды порки использовали рубаху с узким горизонтальным воротом. Поясной одеждой служили штаны из шерсти.

Обувью являлись мягкие сапоги без каблуков с косо срезанным голенищем до колена или ниже. Обувь у щиколотки обвязывалась ремешком, застегивающимся на пряжки. Комплексное использование источников (письменных, археологических, изобразительных) позволяет определить функциональные (повседневная и праздничная) и социальные особенности (отражение статуса человека в обществе) костюма тюрок.

Погребальный обряд определяется как совокупность различных ритуальных действий и материальных элементов. Особое внимание следует уделить таким основным составным частям погребального обряда, как могильное сооружение, состав погребения и сопроводительный инвентарь. Каждый из этих информационных блоков позволяет осветить определенную сторону жизни древних кочевников. Анализ погребальной и поминальной обрядности древнего и средневекового населения Алтая выявил как особенности каждого исторического периода, так и общие черты, объединяющие носителей различных культурно-хронологических общностей.

Рассмотрение отдельных элементов погребального обряда пазырькских племен Горного Алтая показало, что они несли определенную смысловую нагрузку, которая, вероятнее всего, является реминисценцией более ранних индоевропейских религиозных традиций. Дальнейшие исследования в этом направлении позволят более полное реконструировать погребальный ритуал древних кочевников.

В предметном комплексе различия культуры в разных районах Горного Алтая не настолько существенны. И это естественно, так как в противном случае все эти памятники нельзя было бы объединить в рамках одной культуры. Это доказывает тот факт, что скифо-сибирское культурное единство существовало, прежде всего, на базе материальной культуры, о чем свидетельствует относительное единство инвентаря. Различия же в духовной (идеологической) сфере, отразившиеся в определенном разнообразии способов погребения, вели к незначительному делению этого единства.

Найденные в памятниках аналогии с синхронными погребальными комплексами с других территорий позволяют говорить о тесных экономических и культурных связях местного населения с остальным кочевым миром азиатских степей.

В Горном Алтае в гунно-сарматское время отсутствовала господствующая традиция реализации погребального ритуала и наблюдается поливариантность развития. Неодинаковое соотношение в отдельных частях Горного Алтая отражало преобладание там различных исходных пришлых и местных этнокультурных компонентов, свидетельствовало о незавершенности процесса этнотенеза. Разная концентрация типологических групп позволила смоделировать сложную картину расселения и взаимодействия кочевников, отражением чего являлось наличие в рамках Горного Алтая нескольких территориальных групп памятников.

Рассмотрение основных элементов ритуала населения тюркской культуры Алтая позволяет сделать ряд предварительных выводов. Так представляется возможным обозначить две группы памятников, различающихся по ряду показателей, причем выявлена их территориальная обособленность. Для Горного Алтая характерна ориентация человека в восточный сектор горизонта, противоположное направление лошади (овцы) и расположение животного слева от погребенного. Помимо преобладающей восточной ориентации погребенных выделяется северное направление, которое условно можно считать самостоятельной традицией. Различные отклонения в ориентации и положении человека и животного, учитывая сложную этническую и политическую ситуацию в Южной Сибири в раннем средневековье, могут быть связаны с особенностями этнокультурных контактов. Некоторые специфичные элементы ритуала раннесредневековых кочевников могут быть связаны с традициями, отмеченными в ходе исследования погребений булан-кобинской культуры населения Горного Алтая «гунно-сарматского» времени. Основные показатели обрядности, характерные для населения тюркской культуры, сформировались уже на раннем этапе ее существования.

Отсутствие специальных исследований по погребально-поминальной обрядности коренного населения Горного Алтая не даёт возможности сопоставить её с предшествующими ей культурно-хронологическими общностями. Однако сравнение различных элементов погребального обряда у соседних с Алтаем тюркоязычных народов

Пережитки древних культур скифов и хунну сохранились в погребальной обрядности тюркоязычных народов Сибири. Следует отметить, что существовавшая с VIII по VI вв. до н. э. культура ранних кочевников оставила неизгладимый след в культуре последующих скотоводческих народов Сибири и Средней Азии. В ритуальной практике данных народов сохранились древние традиции, характерные для древних кочевников. Ярким примером могут послужить захоронения с конем, распространенные на территории Горного Алтая и Минусинской котловины в I тыс. до н. э. Следует отметить, что обычай возведения надмогильных и околomoгильных сооружений у тюркоязычных народов Сибири является феноменом, характерным для древнего кочевого сообщества скифской культуры. Характерное для якутов захоронение покойных в гробах-колодах берёт своё начало с хуннского периода.

Некоторые предметы сопроводительного инвентаря, отражающие компоненты скифо-хуннского этапа, сохранились в палеоэтнографии вышеуказанных народов. Следует отметить, что подкладывание косы покойному является пережитком традиции ранних кочевников Алтая. Обычай подкладывания подушки в погребение, как отмечает ряд исследователей, является древним обычаем, уходящим корнями в скифское время. В отличие от алтайцев, тувинцев, хакасов, в погребальной обрядности якутов сохранились обряды, не претерпевшие существенных изменений, в частности к данному явлению можно отнести сохранившееся обрядовое почитание солнца и лошади вплоть до XIX века. Данные параллели в погребальной обрядности якутов и народов Саяно-Алтайского региона через древнетюркское преломление отражают единый генезис, восходящий к одной древней кочевой культуре.

Таким образом, сформировавшаяся скотоводческая модель культуры ранних кочевников скифо-сибирского мира стала базовой основой в формировании тюркоязычных народов Сибири через древнетюркское преломление. Это особенно наглядно проявляется, прежде всего, в погребальной обрядности данных народов как наиболее архаической части традиционной культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Азбелев П.П. К исследованию культуры могильника Кудыргэ на Алтае // Пятые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. – Омск, 2000. – С. 4-5.
- Акимова Т.А. Поселение Урлу-Аспак-1 в Майминском районе Республики Алтай // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2008. – С. 37-42.
- Алексеев А.Н. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск, 1980. – С. 320.
- Баскаков Н.А. Алтайский язык. – Москва: Академия наук, 1958. – 116 с.
- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л., 1950. Т. I. – 382 с.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Реконструкция женских головных уборов из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 1. – С. 65-73.
- Бравина Р.И. Погребальный обряд якутов (XVII-XIX вв.). – Якутск, 1996. – 260 с.
- Бравина Р.И., Попов В. В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV-XIX вв.). – Новосибирск: Наука, 2008. – 294 с.
- Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. – М.: Наука, 1991. – 296 с.
- Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // Советская этнография. 1966. № 3. – С. 60-81.
- Варламов О.Б. О датировке «уйгурских» погребений Тувы // Проблемы археологии степной Евразии. – Кемерово. 1987. Ч. 2. – С. 181-183.
- Васильев В. Е. Скифские истоки якутских жертвоприношений «кэрэх» // Полярная звезда – №4, 1997. – С. 88–92.
- Васильев В.Е. Этнографические этюды Верхоянья // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2011, № 2 (3). – С. 125–130.
- Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. – М., – 1893. – 270 с.
- Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI-VIII вв. – М., 1996. – 152 с.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л., 1965. – 146 с.
- Гаврилова А.А. Сверкающая чаша с Енисея (к вопросу о памятниках уйгуров в Саяно-Алтая) // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск, 1974. – С. 177–182.
- Гельмерсен Г.П. Телецкое озеро и телеуты Восточного Алтая // Горный журнал. – 1840а. – Т. I. – Кн. 2. – С. 239–261.

Гельмерсен Г.П. Телецкое озеро и телеуты Восточного Алтая // Горный журнал. – 18406. – Т. I. – Кн. 3. – С. 421–446.

Генинг В.В., Генинг В.Ф. Метод определения традиций ориентировок погребенных по сторонам горизонта // Археология и методы исторических реконструкций. – Киев, 1985. – С. 136–152.

Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего Средневековья XIV–XVIII вв. – Иркутск, 1990. – 192 с.

Гоголев А.И. Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). – Якутск, 1993. – 280 с.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Археологические культуры Горного Алтая эпохи раннего и развитого средневековья // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб., 2003. Кн. 2. – С. 227–229.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. О территории формирования тюркского этноса // Тюркские народы. – Тобольск; Омск, 2002. – С. 43–46.

Гранё Й.Г. Алтай. Увиденное и пережитое в годы странствий. – М.: Индрик, 2012. – 608 с.

Грач А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. – М.; Л., 1960. Т. 1. – С. 73–150.

Грач А.Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и рекогносцировочные исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.) // ТТКАЭЭ. Т. 1. – М.-Л.: 1960. – С. 7–72.

Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. – М., 1961. – 94 с.

Грач А.Д. Древнетюркские курганы на юге Тувы // Краткие сообщения Института археологии. – М., 1968. Вып. 114. – С. 105–111.

Грач А.Д. Принципы и методы историкоархеологических реконструкций форм социального строя // Социальная история народов Азии. – М., 1975. – С. 158–183.

Грач А.Д. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // Тюркологический сборник. М., 1966. – С. 188–193.

Грач А.Д., Нечаева Л.Г. Краткие итоги исследований первой группы археологического отряда ТКЭИЭ // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. – Кызыл, 1960. – Вып. 8. – С. 185–192.

Грач В.А. Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии. – Новосибирск, 1982. – С. 156–168.

Гумилёв Л.Н. Алтайская ветвь тюркок-тугю // Советская археология. 1959. – №1. – С. 107–114.

Гумилёв Л.Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена. – М.: Изд-во Восточной литературы. 1960. – 292 с.

Дашковский П.К. К вопросу о положении погребённых людей скифской эпохи в Горном Алтае // XXIX Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. – Челябинск, 1997. – С. 71–72.

Дашковский П.К. К вопросу о семантике некоторых элементов погребального обряда пазырыкцев // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. – Улан-Удэ, 1998. – С. 51–52.

Дашковский П.К. К вопросу о формировании религиозно-мифологической системы пазырыкцев Горного Алтая // Материалы XXXVII международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». – Новосибирск, 1999. – С. 38–39.

Дашковский П.К. Космологическая модель пазырыкского кургана // Четвёртые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск, 1997. – С.44–47.

Дашковский П.К. Курган как отражение некоторых мировоззренческих представлений населения Горного Алтая в скифскую эпоху // Курган: историкокультурные исследования и реконструкции. – СПб., 1996. – С. 36–37.

Дашковский П.К. Некоторые подходы к реконструкции мировоззрения древних обществ в отечественной археологии // XXXI Урало-Поволжская археологическая конференция студентов, аспирантов и молодых учёных. – Самара, 1999. – С. 104–105.

Дашковский П.К. Обряд бальзамирования тел умерших людей в скифскую эпоху в Горном Алтае // Археология, палеоэкология и этнография Сибири и Дальнего Востока – Иркутск, 1996. – Ч.2. – С. 58–60.

Дашковский П.К. Ориентация погребённых людей в курганах скифской эпохи Горного Алтая // 275 лет сибирской археологии. – Красноярск, 1997. – С. 54–55.

Дашковский П.К. Основные проблемы изучения поселений скифской эпохи Горного Алтая // Поселения: среда, культура, социум. – СПб., 1998. – С. 183–185.

Дашковский П.К. Погребальный памятник как археологический источник (по материалам скифской эпохи Горного Алтая) // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. – Липецк, 1999. – С. 103–105.

Дашковский П.К. Погребальный обряд пазырыкской культуры Горного Алтая. – Барнаул, 2000.

Дашковский П.К., Серегин Н. Н. Кенотафы кочевников Алтая в эпоху поздней древности и раннего средневековья // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – Барнаул, 2008. Вып. 2. – С. 83–100.

Демин М.А. Первооткрыватели древностей. – Барнаул, 1989. – 120 с.

Длужневская Г.В., Овчинникова Б.Б. Кочевое население Тувы в раннем средневековье // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. – Кызыл, 1980. – С. 77–94.

Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск, 1990. – 164 с.

Добжанский В.Н. Пояс: функции и семантика // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1991. – С. 109–119.

Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) – Новосибирск, 1994. – 224 с.

Дубровский Д.В. Идея рядности в культуре кочевников Центральной Азии // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие). – Улан-Удэ, 2005. – С. 91–101.

Дубровский Д.В., Юрченко А.Г. Жертвенный конь и концепт пути в погребальном обряде кочевников Центральной Азии // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. – СПб., 2000. – С. 187–190.

Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. – Л., 1975. – 164 с.

Дьяконова В.П. Алтайцы: (Материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). – Горно-Алтайск, 2001. – 223 с.

Дэвлет М.А. Большая Боярская писаница. – М., 1976. – 36 с.

Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Северного Алтая // ТГИМ. – М., 1941. – Вып. 16. – С. 128–130.

Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы и исследования по археологии Сибири. – М., 1952. – № 24. – С. 72–120.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской экспедиции в 1935 г. // ТГИМ. – М., 1941. – Вып. XVI. – С. 119–134.

Елин В.Н., Могильников В.А. Исследование древних курганов Беш-Озек // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 1993. – Ч. 2. – С. 218–220.

Ермоленко Л.Н. Древнетюркская оградка, изваяние, балбалы как культовый комплекс // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. – Барнаул, 1991. – С. 166–168.

Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. – М.: Восточная литература, 2002. – 248 с.

Иванов С.В. Якутские коновязи // Материальная культура народов Сибири и Севера. – Л., 1976. – С. 213–232.

Исследователи Горного Алтая (XVII–середина XX в.) Библиографический справочник / сост. А.А. Иркитова, Т.К. Майчикова. – Горно-Алтайск, 2003.

Историко-культурное наследие «Бирюзовой Катунь» (опыт интеграции в сферу туризма). – Барнаул: АлтГУ, 2013. – 222 с.

Историко-этнографический атлас Сибири. – М.–Л.: АН СССР, 1961. – 500 с.

Кандаракова Е.П., Соенов В.И. Материальная культура алтайцев. – Горно-Алтайск, 1994. – 32 с.

Киреев С.М. и др. Археологические памятники и объекты Майминского района. – Горно-Алтайск: АКИН, 2008. – 144 с.

Киреев С.М. Новое обследование городища Черемшанка // Алтай и тюрко-монгольский мир. – Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1995. – С. 135–139

Киреев С.М. Поселение Черемшанка / С.М. Киреев // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. – Барнаул: БГПИ, 1991. – С. 84–88.

Киреев С.М. и др. Предварительные итоги исследования поселения Майма-ХII в 2000 г. // Северная Азия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул: АлтГУ, – 2002. С. 49–50.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988-1994 гг.). – Барнаул: АлтГУ, 2008. – 335 с.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул, АлтГУ, 2002. – 294 с.

Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н. Ф., Тишкин А. А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескень-VI // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 1998. – № 3. – С. 165–175.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин А.Ю. Проблемы формирования энеолитической культуры Верхнего Приобья // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск, 1997. – С. 64–66.

Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Курганный могильник Верх-Еланда-I в Горном Алтае // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск, 1990. – С. 224–242.

Кичева Б.Ю. Верхняя одежда алтайцев // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск, 2010. № 3. – С. 167–171.

Кляшторный С.Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. – СПб, 2005. – 346 с.

Комарова М.Н. Тюркское погребение с конем в Аржане // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. – Кызыл, 1973. – Вып. 16. – С. 207–210.

Король Г.Г., Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. – М., 2008. – 332 с.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая: Оленные камни. – Новосибирск, 1979. – 120 с.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск, 1984. – 230 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: – 1991.

Кубарев В.Д. Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул, 2001. – С. 24–54.

Кубарев В.Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1979. – С. 135–160.

Кубарев Г.В. Жанровая сцена из Бичикту-Бома / Г.В. Кубарев // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы научно-практической конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб., 2003. – Книга II. – С. 242–246.

Кубарев Г.В. Древнетюркские изваяния: воплощение эпических героев или воинов-предков? // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 1. – С. 136–145.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск, 2005. – 400 с.

Кубарев Г.В. Халат древних тюрков Центральной Азии по изобразительным материалам // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. – № 3. – С. 81–88.

Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Усть-Сема // Источники по истории Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 1997. – С. 37–59.

Кунгуров А.Л., Сергеев С.М. Алтайский сборник. – Барнаул, 1992. – Вып. XV.

Кунгурова Н.Ю. Древнее поселение в устье Куюма // Материалы по изучению прошлого Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 3–22.

Кунгурова Н.Ю. Палеолитическое жилище на поселении Усть-Куюм // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 9-14, 193-197.

Кыдыева В.Я. Чегедек – эпши кижинин кеби = Чегедек – одежда замужней женщины. – Горно-Алтайск: АУ РА Алтын-Туу, 2010. – 20 с.

Кызласов И.Л. Праторжские жилища. Обследование саяно-алтайских древностей. – М.-Самара, 2005. – 96 с.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М., 1969. – 211 с.

Кызласов Л.Р. Культура древних уйгур (VIII-IX вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981. – С. 52–54.

Кызласов Л.Р. По поводу одного ответа // Советская археология. 1965. – № 4. – С. 282–286

Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Издательство восточной литературы. 1961. – 391 с.

Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. – Новосибирск, 1993. – 415с.

Леонова Н.Б., Смирнов Ю.А. Погребение как объект формального анализа // Краткие сообщения Института археологии. – М., 1977. – Вып. 148. – С. 16–23.

Липец Р.С. Отражение погребального обряда в тюрко-монгольском эпосе // Обряды и обрядовый фольклор. – М., 1982. – С. 212–236.

Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск, 1988. – 225 с.

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1990. – 19 с.

Мамадаков Ю.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени и Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул, 1985. – С. 173–198.

Мамадаков Ю.Т. Отчет о полевых работах в Горном Алтае в 1988 г. Музей археологии и этнографии АлтГУ №109. – Барнаул, 1991. – 144 с.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). – Л.: Наука, 1976. – 192 с.

Матренин С.С. Способы захоронения населения Горного Алтая II в. до н. э. – V в. н. э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2005. – Вып. 2. – С. 35–51.

Матренин С.С. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-

кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э.): автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.06. – Барнаул, 2005.

Матренин С.С., Тишкин А.А. Булан-кобинская культура Горного Алтая // Социальная структура ранних кочевников Евразии. – Иркутск, 2005. – С. 152–183.

Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1990. – С. 137–185.

Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981.

Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 гг. – Горно-Алтайск, 1983. – С. 127–153.

Модина Т.Д. Климаты Республики Алтай. – Новосибирск, 1997. – 186 с.

Мыльников В.П. Деревообработка в эпоху палеометалла (Северная и Центральная Азия). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. – 364 с.

Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. – 220 с.

Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. – Новосибирск, 1990. – 143 с.

Нестерова М.С. Очаги в поселенческих комплексах эпохи бронзы и раннего железного века Западной Сибири: Автореф. дисс. канд ист. наук. – Новосибирск, 2015. – 23 с.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI-X веках. – Свердловск, 1990. – 223 с.

Овчинникова Б. Б. Древнетюркские памятники могильного поля Аймырлыг // Древности Востока. – М., 2004. – С. 86–110.

Овчинникова Б. Б. К вопросу о захоронениях в подбоях в средневековой Туве // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1983. – С. 60–68.

Овчинникова Б.Б. Тюрки-тугю на Саяно-Алтайском нагорье в VI-X вв. (по материалам погребений человека с конем): дис. .канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1984. – 474 с.

Ольховский В. С. Погребальная обрядность (содержание и структура) // Российская археология. 1993. – № 1. – С. 78–93.

Подосинов А. В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. – М., 1999. – 720 с.

Поздняков Д.В. Антропологический состав населения Западной и Южной Сибири во второй половине I тыс. н.э. – первой половине II тыс. н.э. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. – Новосибирск, 2004.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс. 2001. – 336 с.

Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура: реконструкция мировоззренческих и мифологических представлений: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1997. – 54 с.

Потанин Г.Н. От Кош-Агача до Бийска: отрывок из путевых записок // Древняя и новая Россия. – 1879. – № 6. – С. 131–151.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб. – 1883. – Вып. IV. – 1041 с.

Потанин Г.Н. Полгода на Алтае // Русское слово. – СПб. – 1859. – № 9. – С. 245–302

Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. – М.-Л., 1953. – 444 с.

Потапов Л.П. Одежда алтайцев // МАЭ. – М.; Л, 1951. – Вып. 13. – С. 559.

Потапов Л.П. Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных. // Тюркологический сборник. – М, 1973. – С. 265–286.

Радлов В.В. Мифология и мирозерцание жителей Алтая // Восточное обозрение. – 1882. – 1064 с.

Радлов В.В. Путешествие доктора Радлова через Алтай к Телецкому озеру по р. Абакану. – Томск, 1881. – 95 с.

Радлов В.В. Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии. – Томск, 1887. – 26 с.

Радлов В.В. Из Сибири (страницы дневника). – М., 1989. – 749 с.

Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. Поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черневых и лебединских татар, шорцев и саянцев. – СПб., 1866. – Ч. 1. – 443 с.

Радлов В.В. Поездка на р. Чую доктора Радлова в 1860 г. // ТГВ. 1879. – № 2, 4, 6, 7, 11, 14, 15, 19.

Розен М.Ф. История исследования природы Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1961. – 96 с.

Руденко С.И. Второй Пазырыкский курган – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948. – 64 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.-Л., 1953. – 402 с.

Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае. // МЭ. 1927. Т. III. – Вып. 2. – С. 37–52.

Савинов Д.Г. Древнетюркские изваяния Узунтальской степи. // Проблемы археологии и этнографии. – Л., 1983. Вып. II. – С. 155–163.

Савинов Д.Г. Парный кенотаф древнетюркского времени // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. – Томск, 1987. – С. 80–89.

Савинов Д.Г. Работы в Горном Алтае // Археологические открытия 1972 года. – М., 1973. – С. 235–236.

Сапожников В.В. По Русскому и Монгольскому Алтаю. – М., 1949.

Сапожников В.В. Пути по Русскому Алтаю. – Новосибирск, 1926.

Серегин Н.Н. Булан-кобинская и тюркская культуры Горного Алтая: проблема преемственности // Полевые исследования в Горном Алтае на современном этапе (археология, этнография). – Горно-Алтайск, 2009. – С. 46–50.

Серегин Н.Н. Проблема выделения локальных вариантов тюркской культуры Саяно-Алтая // Социогенез в Северной Азии. – Иркутск, 2009. – С. 28–33.

Серегин Н.Н. Традиция сооружения кенотафов кочевниками тюркской культуры // Археология степной Евразии. – Кемерово, 2008. – С. 144–153.

Серегин Н.Н. Погребальный ритуал кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая // Вестник НГУ, Серия: История, филология. 2010.

Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры / Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 165.

Соенов В.И. К методике поиска могильников гунно-сарматского времени Горного Алтая // Четвёртые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск, 1997. – С. 139–141.

Соенов В.И. Классификация надмогильных сооружений гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Актуальные вопросы истории и культуры Саяно-Алтая. Материалы международной научной конференции. – Горно-Алтайск, 1998. – Выпуск II. – С. 25–31.

Соенов В.И. Могильник Курайка // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул, 1995. – С. 145–147.

Соенов В.И. Погребальный обряд населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху. Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Барнаул, 1997. – 22 с.

Соенов В.И. Продолжение охранных раскопок на могильнике Верх-Уймон в Горном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 2000. – Выпуск XI. – С. 201–202.

Соенов В.И. Раскопки на могильнике Сары-Бел // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1999. – №4. – С. 134–152.

Соенов В.И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 2000. – №5. – С. 48–62.

Соенов В.И. Трифанова С.В. Два котла и наконечник копья с Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Сборник научных трудов. – Горно-Алтайск: АКИН, 2006. – Вып. № 3-4. – С. 150–156.

Соенов В.И., Ведерникова Т.М. Погребальный обряд могильника Курайка в Юго-Восточном Алтае // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. Тезисы докладов РАСК XXXVI. – Иркутск, 1996. – Часть 2. – С. 104–105.

Соенов В.И., Константинова Е.А. История изучения ремесленных производств населения Алтая середины I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2013 – 205 с.

Соенов В.И., Михеев А.В. Изучение погребальных памятников гунно-сарматской эпохи в Горном Алтае // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. Тезисы докладов РАСК XXXVI. – Иркутск, 1996. – Часть 2. – С. 70–71.

Соенов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А., Соенов Д.В. Чепошские городища. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2011. – 228 с.

Соенов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1998. №3. – С. 113–135.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуні. – Горно-Алтайск, 1992а. – 116 с.

Соенов В.И., Эбель А.В. Могильник Сары-Бел – новый памятник гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Горный Алтай и Россия 240 лет. – Горно-Алтайск, 1996. – С. 38–40.

Соенов В.И., Эбель А.В. Некоторые итоги и перспективы работ Южного отряда археологической экспедиции НИС ГАГПИ // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 92–94.

Соенов В.И., Эбель А.В. Охранные раскопки в Верх-Уймоне // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1996б. – С. 157–158.

Соенов В.И., Эбель А.В., Якушкина М.Г. Особенности погребального обряда могильников гунно-сарматского времени на Верхней Катуні // Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. – Абакан, 1993. – С. 32–33.

Соловьев А.И. Исследования на могильнике Усть-Чоба-I на Средней Катунь // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1999. – № 4. – С. 23–33.

Солодовников К.Н. Население Горного и лесостепного Алтая эпохи ранней и развитой бронзы по данным палеоантропологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул 2006.

Сорокин С.С. К вопросу о толковании внекурганных памятников ранних кочевников Азии // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Л., 1981. – № 22.

Степанова Н.Ф. Афанасьевское поселение Малый Дуган: (материалы к своду памятников афанасьевской культуры Горного Алтая) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2011 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 233–238.

Степанова Н.Ф. Памятники эпохи бронзы Горного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 2001. – №6. – С. 54–62.

Стручкова А.В. Скифо-хуннский компонент в погребальном обряде тюркоязычных народов Сибири // Вестник СВФУ, 2015, том 12, № 2.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его Северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение книжного издательства, 1988. – 216 с.

Тадина Н.А. «Безворота шубы не бывает, без зайсана народ не существует» (к вопросу интерпретации символики статуса у алтайцев) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции (матер. конф.) / Под ред. В.В. Боброва, В.М. Кулемзина. – Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2008. – С. 323–327.

Тишкин А.А. Возможности реконструкции женской одежды хуннского времени по археологическим материалам из Горного Алтая // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул, 2005а. – С. 195–201.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Предметный комплекс из памятника Яломан II на Алтае как отражение влияния материальной культуры хунну // Социогенез в Северной Азии. – Иркутск, 2005. – С. 327–333.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Дашковский П.К. Исследование археологических микрорайонов на Алтае // Археологические открытия 2003 года. VI. 2004. – С. 476–481.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. – Барнаул, 2007. – 356 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). – Барнаул, 2005. – 200 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурнохронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2002. № 9. – С. 82–91.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Значение лошади в культуре населения Горного Алтая скифской эпохи // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск, 1998. – С. 581–591.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Место коня в погребальной традиции пазырыкцев // Интеграция археологических и этнографических исследований. Материалы VI международного семинара, посвящённого 155-летию со дня рождения Д.Н. Анучина. – Омск., СПб., 1998. Ч.2. – С. 103–105.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Ориентация и положение погребённых людей в курганах скифской эпохи Горного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Вып.3. – Горно-Алтайск, 1998. – С. 77–83.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Погребения человека с конём в курганах пазырыкской культуры Горного Алтая // История и культура народов Саяно-Алтая: в прошлом, настоящем и будущем. – Горно-Алтайск, 1998. – С. 16–19.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследование памятников раннего железного века и средневековья в Лесостепном и Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2002. Т. VIII. – С. 456–461.

Тишкин А.А., Матрёнин С.С., Шмидт А.В. Женские металлические украшения из погребения сяньбийского времени на Алтае (по материалам исследований памятника Степушка-1) // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы, 2011. – Вып. 3. – С. 420–432.

Тишкин А.А., Хаврин С.В. Предварительные результаты спектрального анализа изделий из памятника гунно-сарматского времени Яломан-II. // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул, 2004. – С. 300–306.

Тоцакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1987. – 160 с.

Традиционные знания коренных народов Алтае-Саянского экорегиона в области природопользования: информационно-методический справочник / ред. И.И. Назаров. – Барнаул: Азбука, 2009. – 351 с.

Трифанова С.В. Реконструкция украшений головы из курганов Айрыдаша // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2005. – С. 95–103.

Трифанова С.В. Украшения населения Саяно-Алтая гунно-сарматской эпохи: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. – Горно-Алтайск, 2006. – 279 с.

Трифонов Ю.И. Древнетюркская археология Тувы // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского ин-та языка, литературы и истории. – Кызыл, 1971. – Вып. 15. – С. 112–122.

Трифонов Ю.И. Погребение X в. н. э. на могильнике Аргалыкты-1 // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск, 2000. – С. 143–156.

Усова И.А. Костюм древних и традиционных обществ в отечественных исследованиях: методы, подходы его изучения (историографический аспект) // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. – Барнаул, 2009. – Вып. 6. – С. 40–42.

Усова И.А. Нижние головные уборы у населения усть-эдиганского этапа булан-кобинской культуры Алтая (по материалам памятника Яломан-II). // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2007. – С. 127–128.

Усова И.А. Костюм кочевников Южной Сибири и сопредельных территорий периода поздней древности и раннего средневековья: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.06 – Барнаул, 2012. – 24 с.

Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. – Новосибирск, 2004. – 152 с.

Худяков Ю.С. Искусство средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1998. – 120 с.

Худяков Ю.С. Мумифицированное захоронение из могильника Усть-Эдиган. // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 118–135.

Худяков Ю.С. Новые находки хуннского времени из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае. // Источники по истории Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 1997б. – С. 145–155.

Худяков Ю.С. Реконструкция женского костюма кочевников хуннского времени Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. – Барнаул, 2003. – Вып. 1. – С. 78–88.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Своеобразное впускное погребение древнетюркского времени на могильнике Тянгыс-Тыт // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий:

Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 1997 г. – Новосибирск, 1997. – Т. 4. С. 369–373.

Худяков Ю.С., Лхагвасурэн Х. Находки из древнетюркского погребения в местности Загал в Монгольском Алтае // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2002. – № 8. С. 94–105.

Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 г. // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск, 1990. – С. 95–150.

Худяков Ю.С., Цэвендорж Д. Керамика Орду-Балыка // Археология Северной Азии. – Новосибирск, 1982. – С. 85–94.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита-раннего железного века: дис. ...док. ист. наук: 07.00.06. – Новосибирск, 2010.

Шатинова Н.И. Семья у алтайцев. – Горно-Алтайск, 1981. – 183 с.

Швецов С.П. Горный Алтай и его население. – Барнаул, 1900. – Т. 3. – Вып. 1. – 561 с.

Швецов С.П. Обычно-правовые воззрения алтайцев (калмык) и киргиз: Брачные и семейные отношения // Записки Западно-Сибирского отделения РГО. – 1898. – Кн. 25. – С. 1–16.

Шерр Н.Б. Из поездки к кумандинцам в 1898 году. // Алтайский сборник. – Барнаул, 1903. – Т. V. – С. 81–114.

Шмидт А.В. Этнокультурная ситуация на Алтае в эпоху неолита // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. – № 4. – С. 26–31.

Ядринцев Н.М. Алтай и его инородческое население (Очерк путешествия по Алтаю) // Исторический вестник. – 1885. – Т. 20. – С. 607–644

Ядринцев Н.М. Об алтайцах и черневых татарах – СПб., 1881. – 27 с.

Ядринцев Н.М. Отчёт о поездке по поручению Западно-Сибирского отделения Императорского Географического Общества в Горный Алтай к Телецкому озеру и вершины Катунь в 1880 году // Записки Западно-Сибирского отделения РГО. – 1882. – № 4. – С. 1–46.

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. – СПб., 1892. – 486 с.

Ядринцев Н.М. Экспедиция на Алтай // Известия РГО. – 1881. – Т. 17. – Вып. 5. – С. 2–5.

Приложение 1. Перечень исследованных на территории Алтая жилищ

№	Памятник	Размеры, глубина котлована	Очаги	Столбовая ямка	Форма, ориентировка, вход	Датировка	Примечание	Ссылка
1	Усть-Кулом, палеолитическое жилище	12x4 м	1 кострище, 2 очага, 4 прокала	В средней части жилища несколько столбовых ямок	«Овальное», вытянуто по линии С-Ю	поздний палеолит		Кунгурова 1994.
2	Усть-Сема		1 в центре, 1 рядом с жилищем	Обкладка с наветренной стороны, столбовые ямки есть	Круглое	мезолит	Конусообразное	Кунгурова 1997.
3	Майма-ХII, вскрыта 1/3 часть жилища	?	1 очаг 1 прокал			неолит-мезолит	Вскрыта часть жилища	Киреев и др. 2008: 35.
4	Тыткескень-2, жилище №2 (IV горизонт)	21x16 м, глубина 01,-0,2 м	несколько	несколько	Овальное, вытянуто по линии С-Ю	неолит		Кирюшин К., Кирюшин Ю, 2008: 16, рис. 64.
5	Тыткескень-2, жилище № (III горизонт)	16x10 м, глубина 0,15 м	есть	есть	Овальное, вытянуто по линии С-Ю	энеолит (большемысская культура)		Кирюшин К., Кирюшин Ю, 2008: 16, рис. 81.
6-9	Тыткескень-2 четыре легких наземных жилища?	3x3,5 м	По одному в центре	Обложены мелким камнем	Прямоугольные	энеолит		Кирюшин К., Кирюшин Ю, 2008: 16.
10	Кара-Тенеш восточное жилище	13 x >4 м, более 35 кв. м	Два очага		Вытянуто по линии 3-В	афанасьевская культура, III тыс. до н.э.	Полуземлянка	Эпоха энеолита и бронзы. 2006.
11	Кара-Тенеш западное жилище	Более 10 кв. м	Три очага в ряд		Округлос?	Афанасьевская культура, III тыс. до н.э.	Полуземлянка	Эпоха энеолита и бронзы. 2006.

12	Юстыд	Около 20 кв. м.	очаг				афанасьевская культура, III тыс. до н.э.	«жилище-землянка»	Кубарев В. 2009, с. 6.
13	Усть-Кулом, жилище 1	Две комнаты 16х6 и 10х10 м	Есть?	Столбовые ямки Внутри выкладки-плосщадки из щебня или галек	В большой камере выход к реке	Не позднее IV тыс. до н.э. (по Ю.Ф. Кирюшину елунинская культура ранней бронзы)		Кунгурова 1991: 4-5; Кирюшин Ю. 2002: 75.	
14	Усть-Кулом, жилище 2	Более 120 кв. м.	«Очаг-мешок»	Ровик и камни вдоль стены. Внутри выкладки-плосщадки из щебня или галек	Подпрямоугольное	Не позднее IV тыс. до н.э. (по Ю.Ф. Кирюшину елунинская культура ранней бронзы)		Кунгурова 1991: 5; Кирюшин Ю. 2002: 75.	
15	Усть-Кулом, жилище 3	Более 100 кв. м.	Есть очаг	Внутри выкладки-плосщадки из щебня или галек	Округлое	Не позднее IV тыс. до н.э. (по Ю.Ф. Кирюшину елунинская культура ранней бронзы)		Кунгурова 1991: 4-5; Кирюшин Ю. 2002: 75.	
17	Майма-ХП,	вскрыта только 1/3 часть жилища	1 у входа 1 в центре	16 ямок забутованных камнем	Вход коридорного типа на восток	Ирменская культура, IX-VIII вв. до н.э.	Внутри пять ям и пять каменных конструкций	Киреев и др. 2002; Киреев и др. 2008: 36.	
18	Тытскесьень-3	8,8х4 м, глубина 0,1 м	1 очаг в центре, d=0,7 м	столбовые ямки есть	Подпрямоугольное с округлыми углами	Пазырыкское время, VI-IV вв. до н.э.		Кунгуров 1994: 46, рис. 3.	
19	Майма-III жилище 2	10х11 м	1 очаг в центре	4 столбовые ямки	округлое	Быстринская культура, VI-II вв. до н.э.		Киреев и др. 2008: 26, рис. 37.	

20, 21	Майма-III жилище 1 и 3	аналогичны по устройству жилищу 2			Быстринская культура, VI-II вв. до н.э.		<i>Киреев и др.</i> 2008: 26.
22	Майма-XVIII жилище 2	?	1 очаг в центре	2 столбовые ямки	Быстринская культура, VI-II вв. до н.э.	Возможно, один поселок с Майма-III	<i>Киреев и др.</i> 2008: 38
23	Майма-II				Ранний железный век	Часть полуземляночного жилища	<i>Латишин, Кадников.</i> 1981; <i>Киреев и др.</i> 2008: 24, рис. 35
24	Бирюзовая Капунь, восточное жилище	8х6, глубина на 0,3-0,35 м от материка	Прямоугольный очаг	прямоугольное	Ранний железный век		<i>Историко-культурное наследие «Бирюзовый Капунь»</i> 2013: 64
26	Эликмонар-4	более 50 кв. м	4 очага, 1 очаг соединен канавой с ямой		Ранний железный век	Жилище-полуземлянка	<i>Шульга</i> 1995; <i>Шульга</i> 2015: 27-28.
27	Ело-5	d=5 м, предположительно жительство	В центре очаг 1,3х1,5 м в яме глубиной 0,3 м.; Второй очаг 0,35х0,4 м	Одна ямка в центре	Ранний железный век	Описания объектов разнятся в публикации (сравни стр. 28 и 198).	<i>Шульга</i> 2015: 28, 198.
28	Текленек-Боочи-3	Длина западной стены 4 м, глубина 0,3-0,35 м	Очаг на глиняной подложке, мощностью 0,15 м	прямоугольное	Ранний железный век		<i>Шульга</i> 2015: 28.
29	Куротинский Лог-1	Не менее 30 кв. м.	Два очага	Столбовые ямки	Ранний железный век		<i>Шульга</i> 2015: 195.

30	Черный Агуй-3						???	Часть полу-земляночного жилища	Шульга 2015: 203.
31	Чепол-2			Хозяйственные и др. ямы		прямоугольное	Ранний железный век		Шульга 2015: рис. 34.
32	Черемшанка, городище	5x5 м				подквадратное	Первая половина I тыс. н.э., майминская культура		Киреев 1991; Киреев 1995; Киреев и др. 2008: 64.
33	Урлу-Аспак-1			Очаг и отопительная система из канавок			Первая половина I тыс. н.э., майминская культура	Раскопана часть жилища	Акимова 2008.

Научно-популярное издание

**Эбель Александр Викторович, Трифанова Сынару Вениаминовна,
Константинов Никита Александрович**

**Культура населения Алтая эпохи древности и средневековья:
проблемы реконструкции и сопоставления с традиционной
культурой алтайцев**

Компьютерная верстка

Белеков Э.В.

На обложке: фото из интернет ресурса

ISBN 978-5-903693-47-4

9 785903 693474

Подписано в печать _____ 2018 г. Формат 60x84¹/₁₆

Бумага Гарнитура Times New Roman.

Печать офсетная. Объем 7,5 п.л.

Тираж 300 экз. Заказ _____

Отпечатано в _____